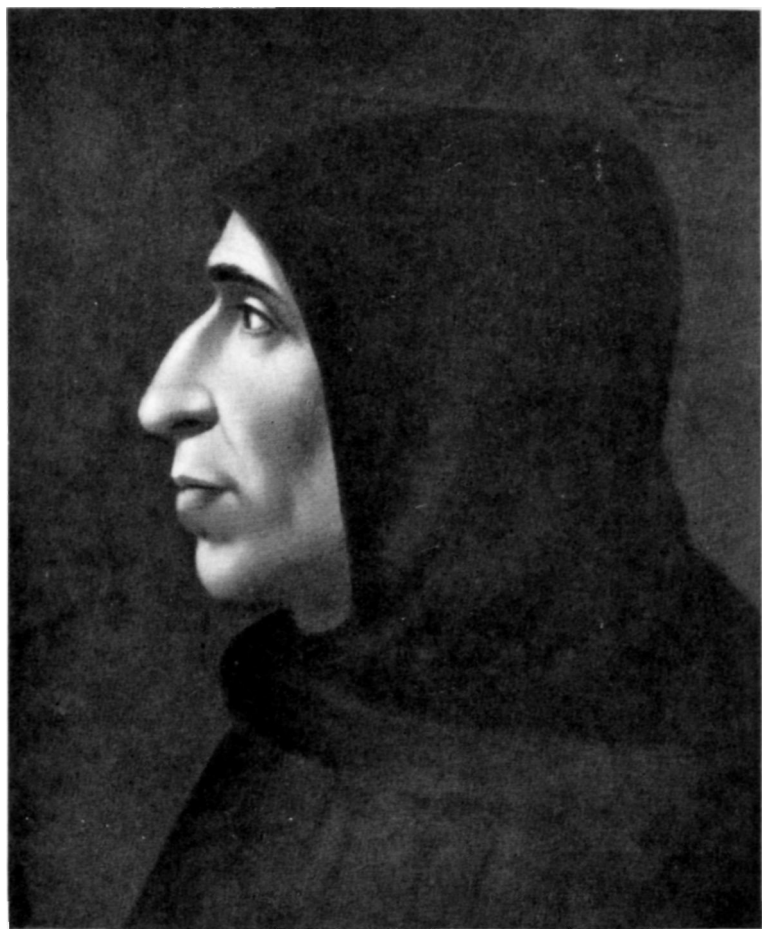

ХОРСТ
ХЕРМАНН

САВОНАРОЛА

Еретик
из
Сан-
Марко

САВОНАРОЛА

HORST HERRMANN

SAVONAROLA

Der Ketzer
von
San Marco

C. Bertelsmann Verlag München

ХОРСТ ХЕРМАНН

САВОНАРОЛА

Еретик
ИЗ
Сан-Марко

Перевод с немецкого

Н. А. Савинкова и В. В. Чернышева

Титульный редактор и автор предисловия
доктор философских наук

А. Х. Горфункель

Москва Издательство «Прогресс» 1982

Редактор *Новакова М. М.*

ХОРСТ ХЕРМАНН

САВОНАРОЛА

ИБ № 10255

Редактор *М. М. Новакова*
Художник *И. С. Клейнар*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *А. М. Токер*
Корректор *Г. Н. Иванова*

Сдано в набор 01.12.81. Подписано в печать 28.06.82. Формат 84X108^{1/32}. Бумага типограф. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 15,54+01 печ. л. вклеек. Уч.-изд. л. 16,32 Тираж 25 000 экз. Заказ № 33. Цена 90 коп. Изд. № 34260

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Редакция литературы по истории

© 1977 C. Bertelsmann Verlag GmbH, München

© Перевод на русский язык, предисловие, примечания и русская библиография

Издательство «Прогресс», 1982

X $\frac{10605-738}{006(01)}-82$ 42—82

0506000000

САВОНАРОЛА И КРИЗИС ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Появление на исходе XV столетия в медичейской Флоренции, этой признанной столице итальянского Возрождения, страстного и мрачного пророка, предрекающего грядущие бедствия «новым Афинам» и всей Италии, призывающего к покаянию и радикальным реформам церкви и государства, — событие, не только требующее объяснения условиями и обстоятельствами эпохи, но и само служащее ключом к верному пониманию социально-политического и духовного кризиса, обозначившегося к концу кватроченто.

После пышных празднеств и карнавалов, расцвета изящных искусств и словесности, утонченных бесед философов-неоплатоников на вилле Кареджи — монах-доминиканец Джироламо Савонарола, этот чужак (он был родом из Феррары и не сразу научился говорить на изящном тосканском наречии), осмеливающийся с кафедры собора Санта Мария дель Фьоре под величественным куполом Брунеллески обличать и поучать толпы флорентийцев. С его гневным пафосом, не знающим ни меры, ни вкуса, ни такта, с его «сожжениями суеты», когда в костер летели произведения художников и поэтов, он выглядит историческим анахронизмом. «Мрачная, мстительная тень средневековья», «монах, пожелавший вернуть Италию к варварству» — так говорит о нем выдающийся историк итальянской литературы Франческо Де Санктис¹. Но странное дело: неистовый проповедник, бросающий вызов жизнерадостному духу Возрождения, привлекает к себе не только толпы суеверных прихожан, но и выдающихся деятелей культуры флорентийского кватроченто. Среди внимательных слушателей и поклонников нового пророка — основатель Платоновской академии Марсилио Фичино, поэт и философ Джироламо Бенивьени, певец достоинства человека и всеобщего согласия, явивший собой одно из ярчайших воплощений новой ренессансной культуры, Джованни Пико делла Мирандола, художники Лоренцо ди Креди, фра Бартоломео делла Порта, братья делла Роббиа и, предположительно, Сандро Боттичелли.

¹ Де Санктис Ф. История итальянской литературы. Т. I, М., 1963, с. 486—487.

В философско-теологических сочинениях Савонаролы обнаруживается не только глубокое знакомство с учением Фомы Аквинского, главного наставника доминиканского ордена, но и воздействие идей флорентийских неоплатоников. При нем на площади Синьории была водружена статуя «Юдифь, поражающая Олоферна» работы Донателло, символизирующая восстановление республиканских свобод и освобождение от тирании Медичи. Ему европейская культура обязана спасением от раздробления и распродажи знаменитой Лауренцианы — великолепного собрания рукописей сочинений античных авторов, собранного на заре флорентийского гуманизма Никколо Никколи, а затем приумноженного заботами Козимо и Лоренцо Медичи. Да и во время «сожжения суеты» (когда действительно были уничтожены не только карты и кости, женские украшения и всякая мишура, но и некоторые картины и книги «безнравственного» содержания) во главе процессии несли статую Спасителя работы того же Донателло.

Покоряющий толпы монах из монастыря Сан-Марко может показаться исчадием средневекового ада разве что на фоне идиллической картины медичейской Флоренции с праздниками и карнавалами, расцветом наук и художеств при просвещенном правлении «великолепного» тирана Лоренцо. В действительности взрыв, происшедший во Флоренции сразу же после кончины Лоренцо Медичи, те социально-политические и духовные потрясения, символом которых явился Джироламо Савонарола, лишь на крайне поверхностный взгляд могут показаться неожиданными и парадоксальными.

Флорентийская история полна бурными столкновениями, кровавыми распрями; но на протяжении столетий своей беспокойной истории Флоренция не знала подобных вспышек религиозного энтузиазма, горячих призывов к покаянию, веры в пророчества, как в эти несколько лет, отмеченных проповеднической деятельностью монаха из монастыря Сан-Марко. Именно во Флоренции социально-политическая борьба проявлялась в наиболее обнаженной форме, чуждой собственно средневековому религиозному облачению, что и позволило, в частности, младшему современнику Савонаролы, историку и политическому мыслителю Никколо Макиавелли сделать глубокие наблюдения о столкновении материальных интересов как осно-

ве политических конфликтов. Флоренция уже давно не знала религиозного фанатизма — ни в его еретическом, ни в ортодоксально-инквизиционном проявлении. Даже ее традиционная борьба с папством носила откровенно политический характер и не нуждалась в теологическом оправдании. Восстание чомпи 1378 г. примечательно не только тем, что было первым в европейской истории выступлением наемных рабочих, но и тем, что в отличие от многих крестьянских и плебейских восстаний средневековья оно носило исключительно светский характер. И вот теперь, на исходе «просвещенного» XV столетия, те же самые флорентийцы были настолько увлечены проповедью покаяния и напуганы предсказанием грядущих бедствий, что сменили карнавальные шествия на мрачные процессии «триумфа смерти».

Очевидно, не все было благополучно в ренессансной Флоренции, и фра Джироламо, настоятель монастыря Сан-Марко, глубже и лучше других сумел почувствовать и выразить это ощущение неблагополучия, находившееся в столь видимом противоречии с ожиданиями «золотого века», обещанного сивиллами и поэтами, в котором предвидели завершение своей славной эпохи флорентийские неоплатоники; настолько глубже и лучше, что его услышали и ему поверили флорентийские горожане, а с ними — поэты и философы медичейской столицы возрожденных искусств. Конечно, если судить о ситуации по одним карнавальным песням Лоренцо Великолепного (хотя и в них призыв к радости и наслаждению сопровождался настораживающим припевом, напоминавшим, как неверен завтрашний день), пророческий пафос Савонаролы может показаться неожиданной и вполне средневековой реакцией на Ренессанс.

Но за всем великолепием правления Лоренцо, за несомненным расцветом наук и искусств, за блеском его выросшего под прикрытием извращенных республиканских институтов «двора» выявлялись признаки глубокого социально-политического кризиса, симптомы внутренней неустойчивости, предвещавшие грядущую катастрофу. И дело не только в жестоком подавлении восстания в Вольтерре, когда небольшой тосканский город, возмнивший о восстановлении былых коммунальных вольностей, был принесен в жертву сеньориальному правлению Медичи и отдан на разграбление солдатне; не в жестокой

расправе с участниками заговора Пацци, которые были не столько противниками, сколько соперниками Лоренцо в борьбе за власть и сами не уступали своим врагам в жестокости и коварстве, — в конце концов, все это события, не выходящие за рамки обычного в истории любого классового общества любой эпохи. Существеннее другое: усиление эксплуатации городских низов, угнетение крестьян, освобожденных от крепостной зависимости и попавших в кабалу к городской верхушке, бессилие и вырождение самих господствующих слоев города-государства, забвение прежних республиканских доблестей городской коммуны, наконец, падение финансового и экономического могущества не только банкирского дома Медичи, но и самой Флоренции, начинающийся процесс рефеодализации социально-экономической жизни Тосканы.

Неблагополучным и неустойчивым было к концу XV столетия и положение Италии в целом. Партикуляризм городов-государств, послуживший главнейшей основой бурного и пышного расцвета ренессансной культуры, оказался причиной ее упадка. Связанные преимущественно с внешними рынками и от них зависящие, города не стали основой развития национальной экономики и государственного единства. Потеряв бывшие республиканские вольности, они не стали опорой национальной монархии, а превратились в центры небольших территориальных княжеств. Место народного ополчения, когда-то успешно противостоявшего феодальному воинству, заняли отряды беспринципных наемников, торговавших победами и поражениями. Итальянское равновесие, над созданием которого так долго и тщательно трудился Лоренцо Медичи, не могло заменить национального единства, жалким суррогатом которого оно являлось, и рухнуло под напором внешних врагов и внутренних противоречий. Знаменитое замечание Макиавелли о папском Риме, который был недостаточно силен, чтобы объединить Италию, но обладал достаточными возможностями, чтобы ему воспрепятствовать, в равной мере может быть отнесено ко всем значительным государствам Апеннинского полуострова. Партикуляризм городов, феодальных княжеств, Неаполитанского королевства и папского Рима раздирает страну и делает ее заманчивой и легкой добычей для иноземцев: начавшийся в 90-х годах

XV столетия период пагубных для Италии «Итальянских войн» — борьбы европейских держав — Франции, Испании и Священной Римской империи — за преобладание в Италии завершился тем, что большая часть страны прямо или косвенно оказалась под иностранным владычеством и на долгое время была отброшена назад, превратившись в политические задворки Западной Европы.

И, наконец, католическая церковь, на протяжении многих столетий средневековья успешно справлявшаяся с ролью гаранта духовного единства феодальной Европы, приходит в состояние глубочайшего упадка. Папство, давно утратившее прежний авторитет и силу, но сохранившее прежние притязания на светскую власть, не имея сил влиять на европейскую политику, превращается в одно из итальянских княжеств, где знаменитый злодействами папа Александр VI, Борджа, лишь довел до предела пороки церковной иерархии, превратив, по общему мнению, Рим в клоаку католической Европы.

Это ощущение глубочайшего неблагополучия, предчувствие надвигающихся катастроф обусловили успех проповедям Джироламо Савонаролы: бедствий, крушения видимого порядка опасались, самым мрачным пророчествам — верили.

В страстной проповеди Савонаролы нашли выражение и страхи, и чаяния широких демократических кругов Флоренции. Монах из монастыря Сан-Марко обличал пороки католического духовенства, забвение им всех религиозно-нравственных принципов христианства, осуждал царящую в мире социальную несправедливость. Он возрождал тот культ республиканских добродетелей, из которого исходил и который проповедовал гражданский гуманизм раннего итальянского Возрождения — идеология гуманистов-канцлеров Флорентийской республики конца XIV — начала XV в. Но в условиях глубокого кризиса и упадка города-государства, с его демократическими, антифеодальными традициями, это стремление к восстановлению прежних свобод и социальной справедливости неизбежно принимало иллюзорный характер эсхатологических предчувствий, ожидания мировых катаклизмов, прямого божественного вмешательства и заступничества. Политическая деятельность Савонаролы неизбежно выступает в мистическом облачении как проповедь покаяния и пророчество. Глубокие демократи-

ческие тенденции, содержащиеся и в средневековых ересьях, и в народных движениях, и в гуманистической критике пороков церкви и католического духовенства, и в традиционной антипапской политике Флорентийской республики, проявились и в гневных выступлениях Савонаролы против пороков католической иерархии, против обмирщения и морального падения клира, и прежде всего папского Рима. Движение, выразителем которого явился Савонарола, было своеобразной демократической реакцией на аристократическое перерождение ренессансной культуры в условиях превращения некогда свободного города-государства в синьорию Медичи. Реакцию на «блистательный паразитизм» медичейской тирании видел в «савонаролианстве» с его «сожжениями суеты» Антонио Грамши¹. И он же справедливо заметил, что «тот, кто считает Савонаролу «человеком средневековья», недостаточно учитывает его борьбу с церковной властью, борьбу, которая, в сущности, стремилась сделать Флоренцию независимой от феодальной церковной системы»².

Правда, решительное выступление против папства не делает Савонаролу предшественником Реформации, хотя Лютер и его последователи любили ссылаться на антиклерикальные высказывания флорентийского пророка и чтили его как мученика, павшего жертвой папского произвола. Резко обличая пороки высшего клира, обмирщение церкви, погоню за бенефициями, продажность и разврат, царившие в Риме, Савонарола не подвергал ни малейшему сомнению догматы католицизма и не выступал против церковной иерархии как института. Даже враги не могли уличить его в ереси и вменяли ему в вину лишь не подкрепленные церковным авторитетом притязания на пророческий дар и неповиновение церковной власти. Стремясь к обновлению церкви на основе поправленного ею религиозно-нравственного идеала, Савонарола неизбежно пришел к столкновению с иерархией. Эсхатологические мечтания пророка предусматривали радикальные перемены и в церковной жизни, и в жизни общества.

Этим и была обусловлена первоначальная поддержка Савонаролы широкими слоями населения Флоренции.

¹ Gramsci A. Quaderni del carcere. Torino, 1975, vol. I, p. 648.

² Gramsci A. Quaderni del carcere, vol. III, p. 1831—1832.

Проповедь покаяния объединила вокруг себя всех: и недовольную произволом Медичи городскую верхушку, и широкие торгово-ремесленные слои Флоренции, и страдавшие от ростовщического гнета низы. Радикализм Савонаролы не следует преувеличивать: введенный при его активном участии политический строй представлял собой вариант олигархического правления, право быть избранным в Большой совет получили 3200 граждан из 90 тыс. тогдашнего населения Флоренции; но реформа налоговой системы, учреждение ломбарда для борьбы с ростовщичеством существенно облегчили положение городских низов.

Деятельность Савонаролы оказалась для конца XV в. явлением вполне современным и своевременным. Он попытался найти выход из противоречий и конфликтов позднеренессансной Флоренции на путях возврата к ценностям породившей Возрождение городской республики. Попытка оказалась неудачной: по меткому определению Никколо Макиавелли¹, Савонарола был «безоружным пророком». Это не надо понимать буквально. В отличие от Яна Гуса и Мартина Лютера выступление Савонаролы оказалось лишенным прочной и длительной социальной поддержки. Заправлявшие Флоренцией купцы и банкиры были удовлетворены конституционной реформой, конфликт с папством был для них слишком опасен и невыгоден. Флоренция оказалась в политической изоляции. А ее пророк — в изоляции во Флоренции. Обреченность республики сказалась уже в невозможности расширения ее социальной опоры. Характерно, что, спасая республиканскую демократию во Флоренции, Савонарола сразу же стремится ее ограничить: под страхом жестоких наказаний запретить, как самую страшную угрозу городской свободе, созыв народного собрания. Слишком часто оно использовалось в эти времена для установления единоличной тирании. Этот парадокс сам по себе служил достаточным свидетельством того, что дни городских свобод сочтены. Освобождение, обещанное пророком, оказалось иллюзией. И трагедия начинает оборачиваться зрелищем. Религиозный энтузиазм, никогда не бывший сильной стороной флорентийцев эпохи кватроченто, требовал постоянного поджога. Процессии мальчиков,

¹ *Machiavelli N. Opere scelte. Roma, 1969, p. 27—28.*

распевающих покаянные псалмы и укоряющих взрослых за безнравственное поведение, некоторое время умиляли, но потом стали раздражать: слишком скоро борьба за добрые нравы выродилась в ханжество. Зрелищем оказалось и знаменитое испытание огнем, в котором старая средневековая традиция «божьего суда» причудливо переплелась с чисто ренессансным трезвым скептицизмом. Не получив зримого подтверждения богоизбранности пророка (веры оказалось мало, нужен был своего рода эксперимент), флорентийцы отшатнулись от него.

В основе крушения Савонаролы множество причин. Перерождение города-республики в тиранию, а папского Рима в вертеп имело более глубокие корни, нежели коварство Медичи или развращенность Борджа. Пророчества Савонаролы оправдались: Италия подверглась нашествию иноземцев, наемниками был разгромлен и разграблен Рим, но погибла и Флорентийская республика.

Выход на путях религиозно-нравственной реформы и реставрации республиканских доблестей города-государства оказался иллюзией. Действительным решением проблем, стоявших перед Италией, было бы создание национальной монархии по примеру передовых стран тогдашней Европы. Никколо Макиавелли открывал этот путь для своей истерзанной усобицами родины, но и этот путь не стал реальностью: абсолютная монархия в Италии не возникла, страна стала добычей иноземцев и ареной карликового мелкокняжеского абсолютизма.

А наследие Джироламо Савонаролы осталось в критике церкви, которой вдохновлялось итальянское движение католической реформы, не отвергавшее церкви как института, но мечтавшее о восстановлении в ней принципов христианской нравственности. Идеи Савонаролы вдохновляли флорентийцев в пору последней республики и ее отчаянной борьбы против медичейской реставрации. Савонаролианцем — и в религиозно-политическом мировоззрении, и в поэзии, и в художественном творчестве — был Микеланджело Буонаротти. И не случайно торжествующая католическая реакция XVI столетия, с ее Тридентским собором, инквизицией и индексом запрещенных книг, осудившая наследие гуманистической культуры эпохи Возрождения, вторично осудила и Савонаролу: его сочинения запретил один из главнейших деятелей Контрреформации папа Павел IV, Карафа, их отправлял на

костер основатель ордена иезуитов — Игнатий Лойола.

К сожалению, до настоящего времени в нашей литературе отсутствуют исторические исследования, посвященные жизни и деятельности Джироламо Савонаролы. При обилии специальных работ, посвященных различным сторонам культуры Италии эпохи Возрождения, этот пробел представляется особенно существенным. Единственная работа о Савонароле на русском языке — перевод классического труда итальянского историка Паскуале Виллари «Джироламо Савонарола и его время», вышедший в свет почти 70 лет назад и практически недоступный значительному кругу читателей. К тому же работа, в свое время ставшая важным этапом в изучении биографии флорентийского пророка, давно не отвечает современному уровню исторических исследований.

Предлагаемая читателю в русском переводе книга принадлежит ученому ФРГ, профессору церковного права Мюнстерского университета Хорсту Херманну, чьи работы (в том числе книга «Семь смертных грехов церкви»¹) привели его к конфликту с церковными властями. Работа Х. Херманна не является собственно научным исследованием, это популярная биография Савонаролы, написанная с учетом современного состояния научных изысканий, с хорошим знанием источников и литературы. Автор рассматривает судьбу своего героя не «на фоне» исторических событий, а в самой их гуще, большое внимание уделяя подробной характеристике современников, врагов и сторонников Савонаролы, положению Италии, Флоренции, католической церкви конца XV столетия. Нельзя не отметить решительной антиклерикальной направленности книги Х. Херманна, способствующей глубококому пониманию и раскрытию конфликта Савонаролы с католической иерархией.

Особенно серьезное внимание автор уделяет социально-политической обстановке во Флоренции, соотношению классов и социальных групп в условиях кризиса и крушения медичейской тирании. Обширный и яркий материал, приведенный в книге, позволяет обрисовать подлинный облик католической церкви и ее высшего клира в конце XV в. Читатель получает достаточно основа-

¹ *Horst Herrmann. Die sieben Todsünden der Kirche. München, 1976.*

тельное представление о мировоззрении Савонаролы, об основных чертах его политической и религиозной деятельности, о причинах его неожиданно быстрого возвышения и столь же стремительного крушения его попыток радикальных реформ. В то же время автор никак не идеализирует своего героя, убедительно раскрывая исторические и социальные причины его неудач и гибели. Однако существенным недостатком книги является модернизаторский подход автора к анализу отдельных событий пятивековой давности: в особенности это сказывается в применяемой им терминологии, более уместной при характеристике социальных проблем буржуазного общества наших дней (читатель встретит в книге такие, например, выражения, как «запрет на профессии» и т. п.). В ряде случаев эта модернизация касается и существа дела: о правлении чомпи — восставших наемных рабочих во Флоренции в конце XIV в. — Х. Херманн говорит, что это было «нечто вроде диктатуры пролетариата»; в реформах Савонаролы, исходивших из проповеди социального мира и касавшихся лишь изменения политического строя Флоренции, более справедливого налогового обложения и мер по борьбе с ростовщичеством, он усматривает чуть ли не «предварительную форму бесклассового общества», что, разумеется, никак не соответствует исторической действительности. По своим методологическим принципам автор, конечно, не является последовательным сторонником материалистического понимания истории и считает нужным порой оправдываться перед читателем и возможными критиками в «чрезмерно материалистическом колорите» некоторых своих высказываний. Но он действительно стремится учитывать социальные корни проповеднической деятельности Савонаролы и конфликтов, разгоревшихся во Флоренции конца XV в.

Феномен Савонаролы, принадлежащий к числу наиболее интересных и сложных явлений в истории итальянского Возрождения, еще ждет глубокого исследования. Хотелось бы надеяться, что появление в русском переводе популярного жизнеописания Савонаролы Хорста Херманна послужит толчком к более основательной разработке этой проблемы в советской исторической литературе.

А. Х. Горфункель,
доктор философских наук

**ТО, ЧТО ИСТОРИЯ ИЗ ОБЩЕСТВА,
КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ХОРОШИМ,
СОЗДАЕТ ЛУЧШЕЕ ОБЩЕСТВО,
А В БУДУЩЕМ МОЖЕТ СОЗДАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕЕ,
ЯВЛЯЕТСЯ ФАКТОМ,
НО ФАКТ И ТО, ЧТО ИСТОРИЯ
ПРОЛАГАЕТ СЕБЕ ПУТЬ ЧЕРЕЗ НУЖДУ
И СТРАДАНИЯ ИНДИВИДУУМОВ...**

Макс Хоркхаймер¹

I
ЛЕГКО
ВОСПЛАМЕНЯЮЩИЙСЯ
МАТЕРИАЛ

*Отсюда всякий может заключить,
как далек еще мир от веры Христовой,
но этого никто не хочет ни видеть, ни слышать...*

ТОМАС МЮНЦЕР ²

ДВОЕ ИЗ РИМА

Родриго Борджа сгорал от нетерпения. Известия из непокорной Флоренции поступали скудно. Александр VI, как назвал себя папа, испанец по происхождению, в день своего избрания, вероятно, в память о великих предшественниках, носивших это имя, сначала довольствовался только слухами и предположениями, желая узнать подробности о нищенствующем монахе по фамилии Савонарола, бесчинствующем там, в Тоскане, и все более нагло поносившем папство.

Синьория, олигархическое правительство города-государства Флоренции не балуют известиями могущественного представителя Христа на земле. И все же он должен победить, костер загорится. На этот раз он не простит. Борджа слишком глубоко задет. Его авторитет поставлен на карту. Все это он повторяет вновь и вновь. И в беседах уже мелькает слово «прецедент», которого настоящий властелин не мог допустить. Монаха необходимо устранить. Это кажется таким простым и возможным.

Когда два эмиссара папы 19 мая 1498 г. прибыли во Флоренцию, исход показательного процесса против брата Джироламо был предрешен. Ничто, никакое чудо не могло его больше спасти. Один из прибывших — Франсиско Ремолинес, испанский юрист и с давних пор любимец папского клана, — сразу после прибытия во Флоренцию заявил совершенно в духе папы, которого прозвали вторым Иродом: «Монах должен умереть, будь он даже вторым Иоанном Крестителем!» Тем самым флорентийским гражданам была предоставлена возможность лицезреть превосходное аутодафе на испанский манер. А судьба Джироламо Савонаролы и его соратников — Сильвестро Маруффи и Доменико Буонвичини, монахов из ордена доминиканцев, — была окончательно решена.

И тем не менее у брата Джироламо Савонаролы в то время было значительное количество сторонников, не принимать во внимание которых означало бы проявить политическую близорукость. Они были у него даже в Риме. Папа со своей стороны уже давно пытался выманить монаха из спасительных стен Флоренции в Рим «для вразумляющей беседы», но Савонарола не поддавался на эту хитрость Борджа. Александр VI делал все, чтобы

побудить флорентийцев выдать зачинщика беспорядков, но от этого плана папе пришлось отказаться: синьория проявила стойкость и не поддавалась. Она не столь высоко чтит папу как главу своей церкви, чтобы позволить ему завлечь себя в политические осложнения. Тогда папа уступил: позже это исполнится без всякого труда, поскольку он был уверен, что смерть монаха и без него стала решенным вопросом в результате политических изменений в городе. И в самом деле, противники Савонаролы во Флоренции, которых не без иронии называли «компаньячи» (соучастники) и «аррабиати» (бешеные), договорились между собой, что проповедника не следует выпускать живым из города, чтобы он не натворил новых беспорядков и вновь не всколыхнул политическую обстановку. Между тем синьория, кстати, состоявшая из противников Савонаролы, но опасавшаяся нового изменения в соотношении голосов, направила папе формальное ходатайство, дабы он предоставил городу право привести в исполнение ожидаемый смертный приговор. Из текста этого послания ясно, каким в действительности было положение монаха и какие причины должны были ускорить его смерть. Отправители прямо-таки вложили в уста папы подходящие аргументы. Как известно, политики всегда договорятся между собой, а приведенные теологические доводы можно рассматривать как украшение доказательств.

Речь шла о том, что сторонников монаха еще не удалось подавить — аргумент, который был на руку правящей партии, чувствовавшей себя неуверенно. Более того, Савонарола был посвящен в дела, которые не все должны были знать; и это также веский аргумент в доводах политической партии, боявшейся некоторой огласки. Послание заканчивалось приличествующей ссылкой на глас «народа», который с нетерпением ожидал дня казни лжепророка. Все это звучало так ревностно, а общественное мнение было так старательно предвосхищено, что избыток ясности и прозорливости прямо-таки настораживает.

При этих обстоятельствах папе ничего не оставалось, как выполнить убедительную просьбу отцов города и послать для суда над монахами двух своих уполномоченных. Ему удивительно ловко подыграли. Позже некоторые спорили по поводу того, на кого, собственно, следует

взвалить главную вину за такое развитие событий, и это тоже обычное дело в истории судебных ошибок, хотя в нем не было ничего необычного. Но в разгаре судебного процесса предусмотреть такой исход процесса вряд ли кто мог. В подобных случаях главное — довести дело до конца как можно скорее. Правда, папа должен был еще раз защитить честь и авторитет своей персоны, что ему приходилось делать так часто в последние месяцы. Александр VI полагал также, что достоинство римской церкви требует наказания трех монахов в присутствии курии и всего Вечного города. И все же ему не так уж неприятно, что флорентийцы взяли на себя кровавую часть этой сделки, хотя он и его окружение при этом лишались отнюдь не повседневного спектакля. Но его недавно обретенная власть и без того уже достаточно проявлялась в последние недели, и посему на этот раз он может пойти навстречу. Впрочем, его любезность можно было оценить и как политический ход, как скрытое предложение правительству Флоренции, которое он собирается использовать еще в большей степени, чем прежде, для достижения своих великодержавных целей. И казалось, расчет оправдался.

Официально только оба уполномоченных, прибывших по поручению папы из Рима, должны были решать вопрос о жизни и смерти монахов. По крайней мере так говорили на улицах. Большинство горожан, легко меняющих свое настроение, уже достаточно громко и отчетливо кричало: «Распни его!» Напрасно герцог Феррары, родного города Савонаролы, просил синьорию пощадить монаха. Не остался в стороне и Людовик XII французский. Хотя синьория посоветовала своему посланнику при дворе французского суверена не упоминать по возможности о дальнейшей судьбе Джироламо Савонаролы, считавшегося традиционным другом французов, происходившее во Флоренции стало известно французскому королю, которого проинформировали флорентийские купцы.

Посланника пригласили на аудиенцию; король выразил свое неудовольствие по поводу развития событий в городе и в свою очередь отправил во Флоренцию посла, который косвенно должен был поддержать монаха. И все же этот демарш скорее способствовал окончательному свержению Савонаролы, вместо того чтобы

его отвратить: у синьории были все основания на то, чтобы быстрыми действиями предвосхитить уже обозначившиеся политические осложнения с иностранной державой. Тем легче ей удалось медленно, но верно свалить всю вину за последовавшие события на другую участвовавшую сторону — на римского папу. Когда же Людовик XII, конечно слишком поздно, попросил об отсрочке казни, прожженные городские политиканы только выразили свое сожаление и холодно посоветовали ему обратиться к Борджа.

Уже 13 мая в городе распространился слух о скором прибытии обоих эмиссаров из Рима. Через несколько дней они приехали. Франсиско Ремолинес, аудитор гонфалоньера Рима, тридцатилетний друг сына папы — Цезаря Борджа, принявший духовный сан, несмотря на то, что состоял в законном браке, сразу же выступил в качестве обвинителя. Хотя он и был юристом, членом Римской роты — высшей папской судебной палаты, он, не испытывая угрызений совести, в течение нескольких дней старался осуществить свое громко высказанное мнение по поводу главного обвиняемого. Джоакино Турриано, второй эмиссар, был генералом ордена доминиканцев и, следовательно, высшим начальником брата Джироламо Савонаролы, ставшего членом этого ордена в 1475 г. Он не отважился возражать, тем более что все это дело ему уже давно надоело. Орден, один из самых уважаемых в церкви, прославленный Домиником и Фомой Аквинским, предстояло очистить от собрата, который в прошлом собирался его очистить и который давно уже сам стал невыносимым, — от Джироламо Савонаролы, приора флорентийского монастыря Сан-Марко. Впредь рядовые члены ордена не должны были выделяться из среды себе подобных. А «тоже реформаторы» под предлогом «уравновешивания» и умеренности должны были одержать верх. Радикальное чистоплюйство одного из братьев вышло из моды. Генерал ордена сам позаботится о порядке. Позже в народе распространилась легенда, что восьмидесятипятилетний Турриано, соучастник постыдного процесса против своего собрата по ордену, с тех самых пор разучился смеяться. Как бы то ни было, но особо значительную роль генерал не сыграл.

Остается неясным, ценили ли вообще когда-нибудь

во Флоренции этого человека. Урожденный венецианец, он в свое время в городе Савонаролы был заподозрен в шпионаже в пользу родного города. Турриано, бывший несколько лет назад членом теологической папской комиссии, заподозрил в ереси Джованни Пико делла Мирандолу, видного флорентийского гуманиста, который хотел организовать диспут, выставив на обсуждение ни много ни мало девятьсот тезисов, охватывавших все области знания.

В споре о флорентийском доминиканском монастыре, затянувшемся на годы и ставшем одной из основных причин низвержения Савонаролы, дряхлый глава ордена никогда не выражал своего четкого мнения. Находясь сначала полностью на стороне проводившего строгие реформы приора монастыря Сан-Марко, он позже под давлением большинства отвернулся от него в своем ордене. После этого его избрали, чтобы по распоряжению свыше подготовить казнь брата Джироламо и конец конгрегации монастыря Сан-Марко, руководившейся проповедником. Это было довольно неприятное дело. Когда же, выполнив задание, он отправился на праздник генерального капитула своего ордена именно в Феррару, народ его чуть не убил из мести. Остаток жизни, еще целых два года, Турриано отдал тому, что пытался подавить вспыхнувшее в ордене почитание Савонаролы. Горькая судьба, если даже не принимать во внимание легенд о смерти убийц монаха. И второму папскому эмиссару, Франсиско Ремолинесу, легенда не дала достойного конца. Рассказывали, что он был похоронен заживо. Но остается фактом, что еще при жизни своей жены 31 мая 1503 г. Ремолинес был возведен в сан кардинала.

И никого не должно удивить, что папой, возвысившим такого человека до этого звания, был именно Александр VI.

Но мы слишком далеко обогнали развивавшиеся события. Флоренция еще не ушла так далеко. Сцену, на которой должна разыграться драма о реформаторе города, еще только сколачивают. Члены синьории, как и все истинные политики, всегда помнящие о голосах избирателей и ради успеха на выборах всегда готовые на компромиссы, пока еще лавируют. «Народ» Флоренции, на протяжении лет верный проповеднику Савонароле и до

сих пор не поддающийся учету элемент в планах отцов города, кажется, еще окончательно не решил, что ему делать с бывшим идолом. Да и само международное положение, фактор, который нельзя недооценивать, синьории нужно принять во внимание. К тому же и папе не хотелось бы слишком идти навстречу. Ну а приезд официальных папских представителей властями Флоренции был учтен, но из этого никто — и меньше всех Александр VI — не должен делать вывод, что руководство событиями перешло к другим. Оно все время остается в руках синьории. Двух эмиссаров, одного молодого и порывистого, а другого дряхлого и слабого, сначала обнадежили. Их намеренно поселили очень близко от дворца синьории, чтобы было удобней следить, кто из сограждан будет их посещать. Ведь неизвестно, кто из жителей города в один прекрасный день открыто перейдет на сторону партии римского папы, что, возможно, причинит вред городу.

Под бдительным оком городского правительства несколько особенно рьяных противников монаха посещают папских посланников. Следуют приглашения на званые обеды, преподносятся подарки. Ходят слухи, что Ремолинесу якобы привели красивую девочку, ради приличия переодетую мальчиком. Кажется, этот эмиссар готов справиться с возложенными на него обязанностями.

С этого момента и Борджа получает более полную информацию. Он может спокойно принять к сведению, что все идет как по маслу, почва хорошо подготовлена. Александр VI собрал своих помощников: почти всех нищенствующих монахов города, а также флорентийских граждан, и прежде всего членов партии семьи Медичи. Они сгорают от желания отомстить Джироламо Савонароле и с нетерпением ждут окончательного решения его дела. Папе же, в его затруднительном положении, это нужней, чем когда-либо.

АЛЕКСАНДР VI, БОРДЖА, ОН ЖЕ ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА

Престол святого Петра в то время заметно колебался. К этому неизбежно привели международная политика, в которую папство впуталось уже несколько столетий

назад, и Савонарола, который внес свою лепту. Сам Александр VI мирился с таким ходом событий, но в будущем эта позиция больше никого не могла удовлетворить. Могли ведь и спросить, является ли Борджа человеком, способным правильно оценить такую опасную ситуацию и соответственно этому действовать. Кем же он был, тот папа, предназначенный дать отпор монаху из Флоренции?

Он был племянником папы Каликста III. Этот испанец, которого еще мальчиком склонил к профессии священника великий проповедник Винсенте Феррер, монах ордена, членом которого позже стал Савонарола, за три года своего понтификата с некоторым успехом оборонялся против турок. 22 июля 1456 г. его войска после восьмидневной битвы под Белградом победили турок. Христианский литургический календарь обязан ему еще одним праздником — «Преображением Спаса», который был отменен только при Павле VI. Однако в области внутренней политики Каликсту III повезло меньше. Он носил фамилию Борджа, а это все более и более означало что-то определенное. Папа стал всеми средствами способствовать продвижению своей семьи. При нем вновь оживилась деятельность, которую с полным правом называли «непотизмом». Впрочем, это вполне понятно. Как же было жить каталонцу, оторванному от родных мест, бывшему профессору права и священнику на Майорке, без надежных родственников, да еще в чужой Италии и в городе, принадлежавшем церкви? Он начал довольно последовательно увеличивать свое домашнее могущество. Родственники, то есть племянники, а также дети и внуки в ближайшие десятилетия имели целью по мере сил поддерживать папу и государя Римской области. Так начал свою деятельность и его племянник Родриго. Вскоре он стал получать от папы-дяди любую поддержку. Таким образом церковное государство все больше и больше подчинялось террору чужеземного рода. Все это происходило сначала молча, делалось, так сказать, в бархатных перчатках, а позже открыто, на глазах у всех, кто мог и хотел видеть.

Родриго родился в 1430 г. в Хативе, местечке на полпути между Валенсией и Аликанте, в старинном каталонском роду Борха, принявшем потом итальянизированную фамилию Борджа.

Он вышел из области, столетиями находившейся под мавританским чужеземным владычеством. Только в год его избрания папой пал последний бастион мавров в Гранаде и последний мавританский правитель Абдалла нашел убежище в Африке. Прошлое предков Борджа наложило свой отпечаток на личность папы: смешение людей и идей, насилия и семейственности. Позже некоторые итальянцы, чувствовавшие себя в Риме несколько уютней, а среди них и сменивший его Юлий II делла Ровере, ставили в упрек чужеземцу на римском троне его несколько сомнительное происхождение. При этом, вероятно, сыграла значительную роль национальная гордость, направленная против нелюбимого испанца и его чужеземной семьи. Высказывались также и не очень завуалированные подозрения в его личном неверии, обвинения в своего рода унаследованном конформизме и приспособленчестве. Такой упрек, проникни он в сознание многих людей, мог бы иметь для любого печального последствия в любящем обвинении и преследования христианском мире. Для папы же, признанного гаранта единства церкви и истинной веры, такое обвинение было бы почти смертельным. Это, вероятно, предугадал и Савонарола, ибо он не воздержался от подобного приговора папе, по крайней мере в самый горячий момент спора с Борджа.

И все же это обвинение, как бы хорошо оно ни было направлено, пожалуй, не нанесло вреда личности Родриго Борджа. Каталонец был веселым и, как сказали бы сегодня, жизнерадостным человеком. Эти жизнерадостность и веселость сопровождали его всю жизнь, что не в последнюю очередь способствовало его успехам по службе, ибо в тогдашних условиях, с такими качествами он был не самым плохим вариантом. Итак, с самого начала своей деятельности Родриго всеми правдами и неправдами продвигался в церковной иерархии. После недолгого обучения в Валенсии и еще до окончания изучения канонического права в знаменитом университете Болоньи, который и любому другому открыл бы путь к блестящей карьере, уже в 1445 г. молодого Борджа его дядя Каликст III возвел в сан кардинала. Документ о присуждении ему звания доктора канонического права еще хранится в архиве Болонского университета... Современник лапидарно отметил в нем о возведении Борджа в сан кардинала и позже в сан папы, а также

зарегистрировал его смерть в 1503 г. и добавил: «Отправился в преисподнюю».

Но рассказ об этом впереди. Родриго Борджа еще живет, и живет очень хорошо. С начала своей духовной карьеры ему удалось объединить в своих руках многочисленные приходы, и в то время в этом не было ничего необычного. Вскоре его стали считать богатейшим из кардиналов. Блестящий кавалер с обаятельной внешностью, красноречивый и жизнерадостный, высокопоставленный священник, он, по свидетельству современника, притягивал к себе красивых женщин как магнит. А почему бы и нет? Только немногие из его коллег в подобных ситуациях вели себя иначе. У Борджа, согласно идеалам того времени, были, по сравнению с ними, еще некоторые преимущества, в частности его наружность. Эпоха в определенной степени всем разрешала плотские развлечения, и не в последнюю очередь католическому духовенству, обязанному соблюдать обет безбрачия; при этом никто не думал ставить под сомнение отдельные нарушения, а тем более всю систему. Лютер расскажет позже о своей поездке в Рим, что в городе папы он поверил всем слухам, ходившим о Борджа. Но подлинное возмущение всем этим — тем, что было и что выдумано, — начнется только в морализирующем XVIII в. Современники Борджа в этих вопросах более опытный народ. Подобные истории, возможно, могут заинтересовать посланников при иностранных дворах, и только из политических соображений, с целью небольшого шантажа или оказания на кого-нибудь давления. Сам Савонарола в этом отношении типичный представитель своего времени. С начала своей деятельности он не обсуждает вопросы морали. Сам он выше всяких подозрений и начинает критиковать папу за его «образ жизни» сравнительно поздно, но это, впрочем, не кажется строгому монаху решающим козырем, который мог бы заставить призадуматься его — правдолюбца.

Папа Пий II, Пикколомини³, представитель гуманизма на троне святого Петра, по долгу службы в один прекрасный день потребовал объяснения от кардинала Борджа, сыгравшего решающую роль при его избрании папой. Но ничего не добился. Испанец слишком могуществен, и не столько потому, что обладает широкими финансовыми возможностями, а скорее из-за духа вре-

мени, которому он беззаботно доверяет: они дополняли друг друга, как рама картину.

Пий II — единственный папа, оставивший нам мастерски написанные мемуары с импрессионистическим восприятием природы, основавший университеты в Ингольштадте и Базеле и своими космографическими представлениями в немалой степени вдохновивший самого Колумба, — был человеком с тонким вкусом и вряд ли мог относиться с пониманием к эскападам Борджа, имевшего в своем гербе, не без некоторого умысла, быка. И напрасно увещевал Пий II Родриго, который всю свою жизнь не мог скрыть слабости ко всем разновидностям боя быков.

В сан священника он был посвящен только в 1468 г. при Павле II, Барбо, после того, как уже тринадцать лет был кардиналом.

Отношение преемников Пия II ко все увеличивавшейся семье Родриго Борджа отмечено двумя фактами: Сикст IV, делла Ровере, изображенный позже Рафаэлем на знаменитой картине в Ватикане рядом с Савонаролой, снял пятно незаконнорожденного, пользовавшегося дурной славой сына кардинала Борджа со звонким именем Цезарь и этим открыл бастарду путь к духовной карьере. Иннокентий VIII, Чибо, непосредственный предшественник Александра VI, сделал Цезаря епископом испанского города Памплоны. Итак, возможности дальнейшей карьеры были предоставлены и сыну. То, что карьера должна быть духовной, устраивало клан Борджа. Родриго Борджа сам был отцом и не менее чем при пяти папах смог осуществить свое представление об истинной жизни кардинала. И в конце концов ему удалось стать папой. У него были дети от замужней римлянки Джованны («Ванноццы») Каттанеи, особняк которой на Кампо дель Фиоре показывают и в наше время: кроме уже упомянутого сына Цезаря, у него от нее были дети Хуан, Хофре, Лукреция и еще шесть детей от других женщин: таким образом, он стал причиной еще большего земного благополучия для тех, кому подарил жизнь. Это не помешало Льву X, Медичи, заставить в 1518 г. участвовать весь папский двор в погребении Ванноццы Борджа, как она время от времени подписывалась. И только через полтора столетия Александр VII, Киеджа, приказал убрать из церкви Санта Мария дель Пополо расписан-

ную Пинтуриккио гробницу вдовы папы. А до тех пор ни у кого не вызывало возмущения захоронение, посвященное памяти женщины, которой удачный кандидат в папы в 1492 г. у всех на глазах дарил свое внимание.

Когда Иннокентий VIII, женивший своего внебрачного сына на дочери Лоренцо Медичи — Фильо дель Соле и тем самым укрепивший связи между папством и Флоренцией, умер в июле 1492 г., конклав, собравшийся после его смерти, почти не отличался от предыдущих. В Риме собрались двадцать три напыщенных и чрезвычайно гордых собой кардинала, имевших право голоса. Девять из них были родственниками. Посланники иностранных держав, не теряя времени, неустанно трудились, стараясь помочь тому, кого они считали «хорошим» для себя. Все остальные члены католической церкви ничего о происходившем не знали; им оставалась надежда на сколько-нибудь благоприятный исход выборов, которые могли решить и ее будущее. Союзы и группировки партий менялись в Риме почти ежечасно. Называли фамилии то одного кандидата, то другого, и каждый раз для данного кардинала это было не только радостью. По старому римскому обычаю, он подвергался опасности лишиться своего имущества, поскольку его дворец сразу после выбора кардинала папой разграблялся толпой; правда, эта утрата без особого труда компенсировалась доходами, которые ему приносил обретенный папский сан.

Через несколько дней в карусели кандидатов остановились, наконец, на самом богатом. Родриго Борджа удалось после первоначальных неудач в течение одного дня собрать необходимые две трети голосов, хотя его, собственно говоря, на римском престоле никто не хотел видеть. Но когда эта возможность появилась, коммерсант приступил к делу немедленно. Он считал голосование сделкой, которую начал готовить много лет назад.

С деталями этих, без сомнения, коррумпированных выборов, именами церковной знати, подкупленной взятками в виде денег и церковных доходов, еще и сегодня можно ознакомиться в заботливо сохраненных архивах. Ирония судьбы? Пожалуй, нет, скорее традиции, освященные временем. Некоторые наблюдатели отнеслись к выборам с иронией. Один из них написал: «Сразу после того, как Александр стал папой, он разделил все свое имущество среди бедняков». После этой совсем в духе

раннего христианства фразы, которая понравилась бы и фра Джироламо Савонароле, летописец дает точный список вознаграждений, полученных некоторыми кардиналами, чтобы должным образом характеризовать «городских бедняков». Также сообщают, что вскоре после этого счастливого избрания Борджа папой на улицах Рима видели мулов, перевозивших во дворцы некоторых выборщиков тяжелые мешки с дукатами. А в неуядаемой легенде о Борджа рассказывается, как кардинал Родриго, настоятель церкви Санта Мария Маджоре, главного римского храма, великолепный потолок которого он, став папой, приказал украсить золотом, привезенным из недавно открытой Америки, и расписать быками с герба Борджа, встретился в этой церкви с сатаной, чтобы обменять свою душу на многолетний понтификат. Если не принимать во внимание этой легенды из памфлета Луки Беттини, написанного в духе Савонаролы, то одного Родриго Борджа нельзя обвинять в историческом факте симонии⁴, этой особенности, обусловленной временем папских выборов. Все это соответствовало заведенным порядкам. Впрочем, и другие выборы той эпохи представляли собой подобную же картину. К примеру, выборы германского императора с некоторого времени представляли собой своего рода аукцион, где обладателем становился предложивший наибольшую цену. Банкирский дом Фуггеров с помощью международного консорциума банков на выборах Карла Габсбурга ассигновал только на подкуп около миллиона золотых монет. Здесь также договаривались об уступках, осуществляли и официально закрепляли обещания, обсуждали возможности бракосочетаний. Римские папы, по крайней мере в этом отношении, шли рука об руку с императорами Священной Римской империи. Борджа отнюдь не был исключением. И только по мере того, как папа становился все более и более невыносимым, людям, подобным Савонароле, пришлось в голову немного осветить то, что делалось за кулисами выборов, хотя и без какой-либо надежды на успех.

Даже юный Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного, ставший в 1489 г. кардиналом в возрасте четырнадцати лет, а намного позже, как и папа Лев X, официальный противник Мартина Лютера, дал себя уговорить и в конце концов голосовал за Борджа. Но

решающую роль в выборах Родриго сыграл девяностопятилетний венецианец Маффео Джерардо, считавшийся многими невменяемым; вот тогда первоначальные противники, постоянно недоверчивые конкуренты и немногие серьезно мыслявшие в коллегии кардиналов склонились перед весельчаком и приняли к сведению реальность большинства в две трети, против которого они не могли ничего сделать. То, что еще в начале выборов конклаву казалось утопией, позже стало действительностью. Борджа после этого мог еще годы греться в лучах единогогласного избрания. А выборщики, ослепленные таким блеском, позже, когда неприязнь, в свое время старательно подавляемая, вновь вырвалась наружу, заговорили о вотуме недоверия развеселому папе. Вот так кардинал Борджа, бывший раньше только вице-канцлером римской церкви, а также генералом и главнокомандующим всех папских войск, стал вдруг «главой» христиан. Из члена коллегии, состоящей из многих кардиналов, каждый из которых сплотил вокруг себя родственников и создал свою курию, он стал «папой», единственным и несравненным, которому его, с точки зрения богословия и церковной политики, столь высокий сан предоставлял еще более, нежели прежде, безграничную власть. И не использовать полностью эту власть было бы настоящей глупостью. Такие возможности развращали. К тому же их претворению в жизнь не препятствовали сомнения богословского или нравственного порядка, поскольку это происходило в годы, позже названные Ницше временем князей, свободных от предрассудков прописной морали. И веселый коммерсант ухватился за свои возможности обеими руками. Наконец-то он заполучил заветную игрушку. О контроле над властью, в современном смысле этого слова, нечего было и думать. Ничто подробнее не могло охарактеризовать ситуацию, в которой оказался Александр VI, Борджа, и по-своему на нее повлиял, чем его проект реформаторской буллы, который папа набросал в период духовной депрессии в 1497 г.; когда же дела, касавшиеся его и родственников, пошли лучше, он его просто выкинул из головы. В проекте тщательно перечислил все недостатки церкви, покаялся в них, собрался их устранить — и предал все забвению. Веселье, радость от игры во власть и удовольствие от умного использования обретенного победили вновь. Как

истинный каталонец, он и без этого, только исходя из бесспорных заслуг своих предков в борьбе с маврами, мог чувствовать себя с богом на короткой ноге. К тому же это чувство национального самосознания в соединении с представлением о значимости своей личности эпохи Возрождения не позволяло ему усомниться в своих данных. Поэтому Сусанна Шюлер-Пироли по праву говорит, что Борджа всегда был убежден, что он был великолепным священником и абсолютно точно выполнял свои обязанности, несмотря на явные или тайные авантюры, в которые он всегда впутывался. Исходя из этого, Александр VI видел в себе настоящего «реформатора», желавшего своей церкви только добра и уже поэтому отвергавшего любой намек на радикальные реформы.

При всем этом понтификат нового папы начался отнюдь не плохо. В чем бы Борджа ни обвиняли, нельзя утверждать, что он был грубым властителем. Папа вписывается, и мы уже говорили об этом, в картину заканчивающегося века, последнего перед сильнейшим шоком Реформации, которую ему не пришлось пережить. Мартину Лютеру в далекой Германии было только восемь лет, когда Родриго Борджа вступил в новую должность. Александр VI отнюдь не был мракобесом, развратником, эротоманом. Весь этот перечень излюбленных определенных к нему не относился, поскольку они были связаны со слухами, исходившими по большей части от противников клана Борджа, таких, как феррарский посланник в Милане в 1497 г., сообщавший о близкородственных любовных связях папы. Домашнее хозяйство Борджа, по примеру своей матери Изабеллы, вел скорее скромно и так скупой, что некоторые избалованные кардиналы по возможности старались избегать папских приглашений на обед.

Папа не кажется отталкивающим. Напротив, он умеет обращаться в рамках приличия со всем дорогим приобретенным в распоряжение ему — образцу мужчины. Всякий невоспитанный человек чужд ему, а любая помеха непрерывному наслаждению огорчает его. Хотя его и отделяют миры от всепожирающего огня Савонаролы, он понимает противоречия системы, которую представляет как папа. Унаследованная веселая невозмутимость и благоприобретенное ощущение, что «ничто человеческое ему не чуждо», помогают Борджа

извлечь из жизни все лучшее или по крайней мере то, что он привык видеть и считать наиболее выгодным. Таким образом он из-за своего сана постоянно не осознает трагизма, бросающего тень на его веселость. К примеру, в начале своего правления он предстает перед церковью в качестве «отца всех», а в действительности уже давно мешает себе этим своим высоким притязанием, будучи на деле отцом немногих — только собственных детей. В последующие годы его понтификата сплетение интересов сана и клана станет злым роком папы. Но сумел ли он когда-либо это понять — другой вопрос.

Хотя некоторые итальянские города пышно отпраздновали неожиданное возвышение иностранца, уже вскоре после выборов Александра VI появились первые признаки надвигающихся осложнений. Во Флоренции все громче раздавались голоса, утверждавшие, что только один бог знает, подойдет ли характер каталонца к местным особенностям. Пьеро Медичи, впрочем, не самый умный политик в своей семье и вскоре свергнутый флорентийцами, тем не менее отправился в Рим во главе пышной делегации из Флоренции для воздания папе должных почестей. Поздравительные речи — их отпечатанные тексты сохранились до сих пор — следовали одна за другой, и один немецкий хронист восторженно написал о новом папе: «В нем сосредоточены очарование, правдолюбие, желание дать добрый совет, услужливость и всяческого рода добродетели, достойные такого высокого звания...» Очевидно, что это высокое мнение не укоренилось и очень скоро превратилось в свою противоположность. Мало друзей осталось с ним до конца. Одним из них был Колумб, которого Александр VI всегда поддерживал. В завещании великого первооткрывателя, написанном в 1506 г., идет речь о подаренном ему в свое время папой молитвеннике, который он хотел оставить республике Генуе. Если не обратить внимания на это трогательное посмертное проявление верности, то позже дела папы идут из рук вон плохо. Ветер, раздувший костер из соломы в начале его деятельности, с этого времени стал дуть папе только в лицо.

Поводом к этому повороту событий не в последнюю очередь послужила политика папы в отношении семьи, принимавшая все более грубые черты. Дочь Лукреция была чуть-чуть лучше, чем ее слава в истории, и даже

наполовину не столь дурна, как ее рисовала «легенда о Борджа»; всегда жизнерадостная, как и ее отец, она удивительно быстро ориентировалась в любом положении, в котором оказывалась; сын Цезарь, позже названный «великолепным образцом человека-хищника» и благодаря своему ярко выраженному и удачливому уменью устранять противников из политических будней ставший образцом политика в произведениях Никколо Макиавелли⁵; сын Хуан, задаренный отцом церковной землей; немного бесцветный сын Хофре, предназначенный для духовной карьеры и поэтому на первое время освобожденный от остальных забот, но в конце концов выгодно женившийся в политических целях, — все четверо по желанию папы-отца были запечатлены художниками-современниками, как об этом свидетельствуют работы Пинтуриккио в апартаментах Борджа, а также время от времени мобилизовывались для осуществления его планов там, где они были нужны ему или римской церкви, что в действительности было одно и то же. Смысленные потомки быстро научились игре — без излишних предрассудков использовать родителей в интересах семьи. В этих стремлениях клана Борджа помогать себе по мере возможности в продвижении в чинах отражается обстановка, царившая при княжеских дворах той эпохи, а как таковым относился и папский двор в Риме. Папа, избранный в конце кватроченто, всегда находился в сложном положении. Он с трудом избегал опасности быть втянутым в европейский и итальянский кризис, поскольку уже давно утратил прежнюю роль судьи, в силу которой «мог быть «превыше всего». Ненадежность его положения в качестве властелина римской территории принуждала папу все больше заботиться об упрочении сферы своей светской власти. Рихард Фриденталь справедливо обратил внимание на то, что часто упоминавшаяся «слабость папства» того времени ощущалась не только с точки зрения теологии. Более того, она обосновывалась тем, что «при смене династии новая семья начинала незамедлительно и по мере возможности отнимать имущество у родственников предыдущей и обставлять свой собственный дом». Вместо традиции, бывшей краеугольным камнем церкви, возникла практика, когда после каждых новых выборов папы происходила своего рода революция. Существовавшие условия владения иму-

шеством и властью ставились под вопрос и аннулировались; создавались новые условия, продолжительность которых зависела от возраста правившего папы.

Критерий политической пользы приобретал все более решающее значение, а над моральным фактором в Риме задумывались все меньше и меньше. Престол святого Петра в этой игре, не связанной ни с каким временем, хотел он того или не хотел, должен был занять подобающее место. Эпоха неограниченных папских предписаний прошла; ни одна из великих держав не хотела в будущем оставлять за ними руководящую роль. Единственное, что еще оставалось папам, это дипломатическая игра. В ее узком кругу они могли стать участниками и испытать свое счастье. Также и Александр VI, Родриго Борджа, очень скоро приходит к выводу о том, что ему остается делать. И вряд ли случайно, что именно обладатель такого высокого сана, с таким именем смог блестяще сыграть предначинанную ему роль. Ему выпало счастье быть продолжателем достойного рода. Без этого рода его не приняли бы во внимание правители государств полуострова, он был бы «импотентом» по призыванию. Поскольку же у него по воле божьей — он подчеркивает это сам — есть собственные дети он должен радоваться возможности выполнить свою задачу в качестве главы обширного клана. Впрочем, он неоднократно заверял, что эта игра ему не очень нравится и поэтому он собирается перед смертью тщательно отделить семейное имущество от церковного, чтобы все знали, что является территорией церкви, а что земельными угодьями родственников. Но осуществить этого намерения папа не смог, смерть пришла слишком неожиданно. Таким образом, он до самого конца принимал участие в игре своими и чужими картами. В этой ситуации нужно спокойно и трезво разобраться и вспомнить, что в те времена обличением партнеров занимались в основном те, у чьих семей в большой азартной игре эпохи оказывались на руках худшие карты.

В политической же игре дела папы Борджа, получившего в свое время несколько хороших козырей, когда судьба благословила, а не запретила азартные игры, шли то хорошо, то плохо. Вскоре в Риме оказалось больше солдат, чем священников, союзы то заключались, то расторгались, и папа практически был союзником каждой державы, а потом ее врагом. Жители Флоренции, и преж-

де всего Савонарола, могли бы сказать свое слово за столом международной политики по поводу такой манеры вести игру. Александр VI всегда старается оставаться верным своей роли папы-отца и женить или выдавать замуж своих потомков так, чтобы свадьбы способствовали сохранению политически выгодной конъюнктуры. Но при самом большом желании дочь нельзя было выдать замуж больше одного раза, а сыновья священника из-за celibата не очень подходили для этого вида церковной политики, поскольку еще считалось незбылемым положение о нерасторжимости брака и о безбрачии священников. Правда, Александр VI был более чем трезвым политиком. Его дочь была многократно помолвлена и несколько раз замужем. Впрочем, одного из ее мужей вскоре приказал убить родной брат Цезарь; это было заметным нарушением церковной семейной политики изнутри и, пожалуй, не единственным в то время, когда очень часто поступали согласно закону кровной мести. Самого Цезаря в конце концов лишили звания кардинала, но отнюдь не из-за проявившейся неспособности носить сан священника, а по причине его бесспорной и многократно доказанной потенции, позволявшей надеяться, что с помощью женитьбы удастся привязать к папе Борджа нового французского короля Людовика XII Орлеанского и Ангулемского.

Римляне видят кардинала Цезаря в последний раз в феврале 1498 г., то есть за несколько месяцев до казни Джироламо Савонаролы, когда папский сын в роскошных одеждах сопровождает отца, чтобы ознакомиться с ходом работ по отделке потолка церкви Санта Мария Маджиоре. И Людовик XII через некоторое время сообщает, как мужчина мужчине, специалисту по этой части Александру VI, что экс-кардинал Цезарь в свадебную ночь «сломав на четыре копыа больше», чем он сам в свое время.

За несколько лет до этого папский сын Хуан, служа римской церкви, внес свою лепту. Его свадьба связывает Александра VI, папу римского и отца, «*pater simul et raris*», сразу с Неаполем и Испанией, хотя и к великому неудовольствию Франции, которая примирится с папским родом вновь только благодаря уже упомянутому вступлению в брак Цезаря, получившего с тех пор право в качестве «кузена» французского короля иметь лилии в

своим гербе. Пока же молодой французский король Карл VIII, последний из дома Валуа, по ошибке принятый Савонаролой за реформатора церкви и вскоре — только за несколько недель до смерти монаха — умерший в возрасте двадцати восьми лет, в 1494—1495 гг. вторгается в Италию, чтобы подкрепить свои претензии на владение Неаполем. Его по-молодому стремительная акция становится — без его непосредственного участия — поводом для свержения Медичи во Флоренции и одновременно расшатывает всю итальянскую систему государств, в свое управление которой папа продолжал верить, как и раньше. Француз своим искусством «быстрого ведения войны», как характеризует его поход флорентийский историк Франческо Гвиччардини⁶, развязывает многолетнюю борьбу всех европейских держав и содействует, сам того не зная и не желая, решению судеб Савонаролы, Лютера да и вообще всей Реформации. Так называемый «раскол Запада»⁷ подготавливается и осуществляется сначала в политической области, еще задолго до того, как речь пойдет о виттенбергском монахе. Карл VIII не случайно очень сильно испугал папу, но вопреки ожиданиям и надеждам многих разочарованных он ничем не способствует Реформации и собирается восвояси. Вероятно, единственное, что его войска оставили в Италии, было широкое распространение «французской болезни» — сифилиса, одной из опасных эпидемий того времени, о которой писали довольно открыто и без щепетильности более позднего времени. Врач из Вероны, Фракасторо⁸, подробно исследует эту «болезнь от удовольствия» и дает ей стилизованное под античность название в память о Сифилосе, пастухе из античного мифа, носившем на себе проклятие. Люди той эпохи были верны гуманистической моде всему и всем, даже в медицине, давать античные имена. Но действительно лечить новую болезнь не умели, а лечение ртутью, открытое Фракасторо, внедрялось с трудом. Во всяком случае, победное шествие этого заболевания казалось неотвратимым. Умолчать о нем значило бы приукрасить часть истории блестящего, но болезненного Ренессанса. Действительно эффективных лекарств, а не тех, о которых ходила молва, сначала не было. Зато масса людей покупала измельченных в порошок червей и гусениц, ржавчину, квасцы... и тому подобное. Но болезнь пережила

все эти лекарства, и Цезарь Борджа вскоре заразился ею, так же как и другие кардиналы. А его отец Родриго вопреки всем слухам остался здоров.

Тем временем незаметно и уже давно подкрадывалась новая опасность. У веселого Борджа, собиравшегося в полнейшем спокойствии насладиться возможностями своего положения, опять появилась масса забот, чтобы отбить все более грозные атаки на свою персону. Все более явной становится уже давно испытанная угроза созыва Вселенского собора, по понятным причинам неприятная для пап. Кардиналы, всегда завидовавшие тому, кому они однажды сами позволили выиграть игру, где ставкой была церковь, договариваются между собой, а из флорентийского угла гремит тот самый Савонарола со своими проповедями. Политические враги и бывшие друзья наваливаются на Борджа. Он вынужден срочно искать других союзников. И находит их в лице своих кардиналов. Еще в 1493 г. Александр VI среди прочих возвел в сан кардинала сына Цезаря, который позже не остановится перед убийством своих коллег. Затем кардиналом стал некий Фарнезе, а именно брат любовницы папы Джулии Фарнезе, римской красавицы, которую папа знал, еще будучи кардиналом, и которую сам повенчал в 1498 г. с неким Орсини. Ее брат, Александр, прозванный не без намека «кардиналом-юбочником», став позже папой Павлом III, попытался на знаменитом церковном соборе в Тренто подорвать Реформацию; это было мероприятием, примирившим некоторых моралистов с его сомнительным возведением в сан кардинала Александром VI. Но до этого еще пройдет добрых сорок лет. Пока же Борджа не думает ни о церковном соборе, ни о «реформах». Он все делает, как и прежде, по заведенному однажды порядку, назначает в последующие годы новых кардиналов и этим не в последнюю очередь укрепляет свою созданную на испанский манер домашнюю тиранию, что, вполне естественно, увеличивает его финансы, или, точнее говоря, финансы Цезаря, цель которого — окончательно подчинить себе церковное государство. Девиз папской семьи — новое жизненное пространство и новая территория, а это необходимо сначала отнять у других. Итак, вооруженным столкновениям нет конца. О богословских и церковных проблемах этот сиятельный папа, повсюду признанный глава западных

христиан, думал намного меньше, чем о деньгах и коммерции. Можно снова сослаться на то, что невежество многих высоких и высочайших князей церкви в вопросах богословия вызывало удивление. Несколько иначе обстояло дело с удовольствием, получаемым от церковного церемониала, с этим клерикальным вкладом в любовь к театральности, характерной для той эпохи. Споры о радикальном нищенствующем монахе Савонароле, хотя в них и шла речь о его жизни или смерти, долгое время не беспокоили Борджа, непременно собиравшегося тоже заняться «реформами», правда более ему удобными, рассчитанными на очень длительный период. Его реформаторское терпение сменилось быстро проходящим гневом только тогда, когда он, теснимый со всех сторон, не мог поступить иначе, чтобы под влиянием козней революционера полностью не утратить лицо «реформатора». Это вряд ли можно объяснить искренним участием или интересом к делу.

И даже его попытки, впрочем показавшиеся многим отвлекающим маневром, проявить себя защитником церкви ввиду длительной угрозы турок не очень много меняют в этой оценке. Конечно, он не упустил шанса, возникшего между 1499 и 1502 г.г., — Савонарола, возможный проповедник крестового похода против турок, к тому времени был уже убран — призвать христианских князей западного полушария выполнить свои обязанности и объединиться против врага с востока. Следуя традициям, он применил свое духовное оружие и даже пригрозил взиманием десятины. Но его союзники хотели чего угодно, только не сражаться. Воззвание римского папы прозвучало в вакууме усталости и отсутствия интереса. Времена Готфрида Бульонского ⁹ безвозвратно прошли. Те, к кому обращался Борджа, уже не были восторженными рыцарями. Они больше не восклицали: «Такова воля божья!» Это были скучавшие и занимавшиеся своими делами князья и дипломаты, только и ожидавшие конца «выступления папы по обязательной программе». А внимавший папе Фердинанд Арагонский совершенно откровенно не верил намерению папы истратить собранные деньги для предназначенной цели — вооружения для борьбы с султаном. То, что папы могли использовать деньги, знали повсюду. Еще Иннокентий VIII в своем стесненном финансовом положении временами

был вынужден закладывать римским банкирам высокие регалии папского достоинства: митру и тиару, чтобы получить какие-то деньги. Что же касается использования «турецких денег» не по назначению, то к этому все привыкли. Бывало и наоборот: Каликст III, под смертным ложем которого нашли сундук с не менее чем ста двадцатью тысячами золотых дукатов, предназначенных для нового похода против турок, пытался всю жизнь и всеми средствами препятствовать использованию собранных денег на другие цели. Поэтому он строго запретил проповедникам, призывающим к борьбе против турок, самим собирать деньги. Для этого назначили специально отобранных сборщиков, которые должны были действовать всегда вдвоем и, более того, ввиду постоянного искушения были обязаны вести «двойную бухгалтерию», чтобы исключить любую неточность. Деньги хранились в особых надежных ларцах, находившихся в ризницах главных церквей, в сундуках, и, чтобы открыть замок, должны были собраться вместе не менее четырех владельцев разных ключей. Но, по всей видимости, эти обязательные меры предосторожности ватиканского владыки были недостаточны. Ибо светские властители, на земле которых собирали деньги, нередко сами конфисковывали с большим трудом собранные сокровища папы. Карл VII Французский однажды на такие деньги снарядил флот и отправил его в крестовый поход, правда, не против турок, а против христианских братьев в Англии. Герцог Карл Бургундский, один из самых богатых вельмож эпохи, не долго думая, промотал пожертвования на обильные застолья, причем он не без задних мыслей утверждал, что только таким благородным образом можно отпраздновать великое дело — принятие им креста, а значит, и его возможное участие в походе против турок. Герцог, как и подобало, позволил папскому легату надеть на себя крест, а затем стал устраивать пышные празднества, прославлявшие его храбрость, и больше никогда не возвращался к теме крестового похода.

Поэтому тяжелое подозрение, нависшее позже над папой Александром VI, Борджа, было вполне обоснованно. Факты, лежавшие в его основе, полностью соответствовали деятельности властителей тех времен. Обещания отпущения грехов¹⁰, этот специфический папский вклад во все религиозные конфликты того времени, стократ осуж-

давшиеся и тысячами продававшиеся, отнюдь не способствовали опровержению этого подозрения, а наказания решившегося на все духовного владыки Ватикана, налагавшиеся им на не желавших платить священнослужителей во Франции, сразу же признавались недействительными богословским факультетом в Париже. В 1499 г. турки все-таки победили Венецию, утратившую на Востоке больше всех. В 1503 г. заключили нечто вроде мира, согласно которому решили впредь считать и Высокую порту перворазрядной державой. Но, очевидно, Александр VI уже намного раньше утратил интерес к осуществлению этой жгучей задачи.

В остальном же при его понтификате «чистота веры» была не запятнана, что служит причиной большого удовлетворения для некоторых папских биографов и историков, неустанно это подчеркивающих, чтобы тщательно отделить должность от личности и констатировать его высокое духовное руководство. Как бы то ни было, но такую трактовку неприкосновенности католической доктрины можно объяснить скорее абсолютным равнодушием «тоже реформатора» к исполнению своих обязанностей, чем отсутствием его способностей к борьбе с явными противниками учения. У него просто-напросто отсутствовал живой интерес к борьбе с закоренелыми и всем известными ересями.

То, что Борджа действительно сделал для своей церкви, можно приписать деловому опыту сановника, бывшего тридцать семь лет кардиналом, прежде чем стать папой. Юбилейный 1500 год, последний перед коренными изменениями, внесенными доктором Мартином Лютером, Александр VI отпраздновал очень забавно, следуя своей привязанности к традиционному этикету. «Святые годы»¹¹, введенные в 1300 г. папой Бонифацием VIII, Каэтани, всегда привлекали в Рим так много любопытных, что их стали праздновать через все более укороачивавшиеся промежутки. Интервал, установленный в сто лет, сначала снизили до пятидесяти, затем до тридцати трех лет, приравняв к жизни Христа, а позже, вероятно из-за повышенной потребности на юбилейное отпущение грехов, определили в двадцать пять лет, что приблизительно соответствовало тогдашней продолжительности жизни человека. Александр VI не мог отказаться от этой хорошей традиции, поскольку она обеща-

ла приток денег в его казну. Но наплыв паломников в Вечный город в 1500 г. не превысил обычного. Из Германии прибыл тогда уже известный Коперник и, по всей вероятности, Маттиас Грюневальд. Но захватывающего впечатления торжества на присутствовавших не произвели. Канонизации, обычного показателя заинтересованности папы внутрицерковными делами, он не провел. Введение вновь колокольного звона во время благодарственной молитвы, перенятого у дяди Каликста III, нельзя считать апогеем его деятельности, так же как и уступки все большему разгулу испанской инквизиции, и его запретительный эдикт, направленный против тех печатников в Германии, которые использовали новое ремесло для создания предосудительных богословских книг. Такая деятельность, конечно, свидетельствует о не подлежащем отрицанию умении Борджа справляться с повседневными требованиями, предъявляемыми к должности, на которую он в свое время заступил, уплатив немалые деньги. Но особенно живого, радикального ума и горячего сердца деятельность такого рода едва ли требовала.

За что Родриго Борджа можно было бы похвалить, так это за его ярко выраженное коммерческое чутье, а также способность всегда оставаться веселым и никогда долго не сердиться. Даже в трудные дни своей жизни, а таких у него было немало (вспомним только об убийстве его любимого сына герцога Гандийского, о паводке Тибра в 1495 г. или обвале потолка в папском аудиенц-зале, чуть не стоившем Александру VI жизни), даже в самые прискорбные часы жизнерадостность весельчака всегда побеждала. Хотя подобные события и расстраивали папу, даже нередко побуждали его к раскаянию и напоминали ему о давно запоздавшей реформе своей церкви, но вскоре он про нее вновь забывал.

Такого человека — придирается к нему один разочарованный летописец — в ранней церкви не подпустили бы близко к нижайшему духовному сану. А в свое время Родриго Борджа вознесся и утвердился на вершине духовной карьеры. И только когда он умер — так внезапно, что еще и сегодня не исключают отравления, — катастрофа стала очевидной. Его погребение в августе 1503 г. не сопровождается почти никакими почестями. Наоборот, почти все довольны, и радость переживших

его более искренна, чем она бывала в Ватикане при смерти какого-либо другого главы церкви. Только немногие из его родственников скорбели о папе, собиравшемся править еще долго, чувствовавшем себя в свои семьдесят три года полным сил и незадолго до смерти еще раз ставшем отцом. Смертельно больной Цезарь был вынужден покинуть город, чтобы позаботиться о традиционном церемониале похорон папы. Начало конца одной папской династии — налицо. Старая угроза без промедления, не колеблясь утопить в Тибре всех телят быка Борджа, кажется, начинает сбываться. Сын Цезарь опасается за свою жизнь. Новый папа Пий III, Пикколомини, один из многочисленных родственников, все еще предпочтительных претендентов из круга кардиналов, как и Пий II, отец двенадцати детей и дружелюбно настроен к Борджа. Но он правит только в течение одного месяца. Его сменяет могучий Юлий II, Джулиано делла Ровере, племянник Сикста IV, только что вернувшийся в Италию из десятилетнего изгнания при Борджа; он призванный мститель, собирающийся искоренить наследие испанцев. Еще Мартин Лютер во время своей поездки в Рим наблюдает в конце 1510 — начале 1511 годов, как новый папа повсюду, где только возможно, приказывает сбить с гербов быков Борджа и заменить своими эмблемами. Якоб Буркхардт¹², немного преувеличивая, называет Юлия II «спасителем папства». И действительно, в своем городе, в Риме, где внешний налет культуры Ренессанса уже давно начал пропадать, он наконец навел порядок. Болото, все время слегка взбаламученное при Александре VI, вскоре стихает, и его поверхность становится гладкой. И тем не менее под этим спокойствием продолжается брожение. «Народ», как повелось издавна, не успокаивается; это масса людей, состоящая из несоразмерно большого количества различных бандитов, из нищих, промышляющих различными способами, из скоморохов и дешевых шутов, из болезненно честолюбивых родственников кардиналов, из ремесленников, живущих в Вечном городе в основном за счет паломников и приезжих иностранцев. Организованные банды терроризируют город и его окрестности. Убийцу можно нанять, как и носильщика паланкина, с почасовой оплатой, а право на убежище делает расследование убийств почти невозможным. Сам Алек-

сандр VI так и не мог арестовать убийцу сына Хуана. Большой и запущенный город, на который флорентийцы смотрят свысока, заглатывает все. Причем каждый из знатных кардиналов претендует внутри городских границ принадлежащего папам Рима на свою собственную территорию, занимающую часто до половины города, и умеет защитить свою «империю» силой оружия. Все это окутано тончайшим покрывалом «веры», защищаемым людьми, являющимися кем угодно, но только не исключением в христианском духе. Об интересах церкви или христианства давно нет речи. В Риме уже больше нечего почитать, поскольку невозможно все это видеть и не презирать. И поэтому не удивительно, что в этих условиях, спустя четыре года после смерти папы Юлия, пытавшегося успокоить свой город если не молитвой, то обнаженным мечом и которого римляне с некоторой признательностью считали своим и даже «грозным», побывавший в Риме в качестве паломника Мартин Лютер задумывается уже над другими проблемами. Бунт радикалов, на короткое время подавленный казнью Савонаролы, продолжается. Но необходимая реформа совершается отнюдь не церковным верховным пастырем, а аутсайдерами. Они снова появляются из лагеря «нищенствующих» монахов и всю свою жизнь борются со своими собратьями. Почему?

БОГАТЫЕ МОНАХИ, БЕДНАЯ ЦЕРКОВЬ

Скажем кратко: «реформа» церкви и светской жизни была в то время в руках у нищенствующих монахов, то есть в самых худших руках. Мы снова и снова слышим о драмах этих орденов, о всех немислимых пороках, по поводу которых народ, находившийся под влиянием гуманистов и их бичующего слова, имел только один приговор: «Это монашеское отродье следует истребить...» Критика коррупции и лицемерия нищенствующих орденов все более становится неотъемлемым признаком эпохи. Забавные истории, с ней связанные, не очень далеки от вульгарной литературы, но, систематизированные в наше время, они характеризуют всю римскую церковь. Гуманисты пишут трактаты, послания, диалоги на эту тему и тем самым подготавливают почву для полемики реформаторов. Во всех их сочинениях сквозит тоска,

страстное стремление к изначальной чистоте и бедности церкви, безжалостное порицание тех, кто виноват в ее нынешнем состоянии, и отчаянные призывы к реформе. Эней Сильвио ди Пикколомини, позже ставший Пием II, видит в нищенствующих орденах невежество, суеверие и лицемерие, против которых, по его мнению, мог бы помочь только призыв к искренности апостольских времен. При этом он может опереться на Лоренцо Валлу¹³, знаменитого гуманиста, учившего, что надо устранить базу коррупции церкви, то есть формальные правооснования, на которые она опирается, прежде чем говорить о внутренней реформе. Лоренцо Валлу удалось в 1440 г. разоблачить «шедевры коррупции» и доказать подложность пресловутого Константинова дара, на который всегда ссылалась светская власть Рима. И вновь церковь предстает фальсификатором, хотя ее ведущие представители и восклицают: «Измена, предательство!» Климат решительно изменился не в пользу церкви.

Многие и в наши дни придерживаются мнения, что в эпоху Ренессанса действительно было возможно решительно покончить с нищенствующими орденами, поскольку некоторые папы — Пий II или Лев X — были не очень благожелательно настроены по отношению к ним. И тем не менее до этого дело не дошло, ибо ярый враг — Реформация Мартина Лютера, как это парадоксально ни звучит, спасла монашество и, возможно, даже церковь, став для монахов нужным объектом для сопротивления, а возможно, и дав им силу для него.

Почему же над орденами нависла угроза краха? Этот вопрос задает каждый, кто не упускает из виду благих начал реформаторских устремлений монахов. Ко времени, когда огорчение верующих, вызванное отходом церкви от принципов раннего христианства, распространялось все больше, Франциск и Доминик, основатели обоих больших и позже постоянно враждовавших между собой орденов, проповедовали проведение настоящей реформы в духе самообновления, жизни в бедности и отказа от мирских радостей. Именно Доминик намеревался создать общество из проповедников, которое должно было уберечь народ от радикальных соблазнов «еретических движений», воздействуя на него надлежащими наставлениями и собственным примером. Этот умный замысел — победить чужой радикализм своей ра-

дикальностью — вначале принес успех и дал хорошие плоды. Доминиканцы долгое время не могли справиться с притоком в свой орден, куда в основном шли женщины; это была довольно своеобразная попытка решить вопрос избытка женщин в то время, когда мужчины постоянно находились на войне. В Германии у доминиканцев было больше женских монастырей, чем мужских. Казалось, что все шло хорошо. Со временем же, как это часто бывало позже, наряду с личной бедностью отдельных монахов и монахинь росло богатство ордена, что способствовало проникновению в святилище ранее предаваемых анафеме «земных радостей». Самые праведные массовые движения средневековья и его церкви в виде одобренного папой ордена все больше и больше служили богатой организации церкви, нейтрализовались и коррумпировались по мере роста пожертвований и даров общества. Таким образом, они шли по пути внутреннего распада, на который вряд ли могли вступить «еретики». Ползучая коррупция вследствие растущих владений ордена, как полагали представители более строгого направления среди нищенствующих монахов, по большей части извратила и прямо-таки уничтожила первоначальные цели обоих создателей орденов. Внушавшее страх увлечение мирскими делами, в борьбе с которым в свое время они поспешили на помощь Риму, наконец одержало позднюю победу. Некоторые полагали, что это развитие, вызывавшее стыд перед памятью основателей, необходимо остановить. Однако эту точку зрения разделяли очень немногие. Другие же собратья этого ордена считали, что радикальные члены добились и без того слишком многого. Таким образом, в последующее время в орденских объединениях вновь возникли тяжелые столкновения и расколы. Даже папа часто вынужден был выступать на стороне той или иной партии в распадающихся орденах: за «умеренных» или за «более строгих», за «тоже реформаторов», которые казались более приспособленными к требованиям нового времени, или же за «непримиримых», непоколебимо придерживавшихся буквы воли основателя ордена. «Рим» в то время, собственно говоря, не очень знал, что ему делать. Церковь кажется перегруженной чрезмерными требованиями и поэтому лавирует между обеими группировками. И наконец в этот спор «бедняков» ввязы-

вается «ересь», поздняя месть вальденсов. Фанатизм одерживает верх. А апогеем этой трагикомедии является официальное обвинение папы в ереси, поскольку он выступает против строгого направления, позорное следствие этого — антипапизм. Первоначальные же цели все больше исчезают из поля зрения бойцовых петухов.

Джироламо Савонарола вступает в орден именно тогда, когда большинство его членов ищет спасения в старых канонах справедливости. И он, очевидно, никогда не поймет, почему волю основателя, придерживавшегося радикализма, могли так быстро извратить. Вскоре он замечает, что его собственный орден в действительности не намного лучше, чем общество, которое он намерен исправить. Напротив, весь мир высмеивает монахов, и прежде всего за присущую им лень. К этому следует добавить незабываемые итальянским народом воспоминания о методах, с помощью которых церковь истребляла еретиков. Ибо, когда увещевающие слова и пример «бедности» не принесли своих плодов, церковные деятели перешли к грубой силе и с тех пор буквально огнем и мечом стали уничтожать начала новой духовности только затем, чтобы восстановить в своем доме мир равнодушия. А того, что именно нищенствующие монахи помогли при решении этой щекотливой проблемы, с которой сами они справиться не могли, им никогда не простили. Джованни Виллани¹⁴ через столетие с горечью говорит о безбожниках в одежде христианства. Впредь нищенствующих монахов будут считать живым олицетворением силы равнодушия, с помощью которой подавили еретический дух бедности. И именно доминиканцы, которые вскоре становятся инквизиторами и чуть ли не профессиональными охотниками на еретиков, с этого времени должны считаться с собственным скверным прошлым. Во имя справедливого дела истинной веры они уничтожали отступников, которые следовали учению бедного Иисуса из Назарета. При этом сами они ни разу не проявили хотя бы частицу той последовательности, какую весь мир мог наблюдать у сжигаемых и убиваемых. Такая непоследовательность должна быть рано или поздно отомщена.

Но монахи, кажется, вообще не задумываются о своем положении. Они преследуют зло только у других, кто не желает встать на путь истины. Несмотря на все воз-

раставшие нападки со стороны выдающихся гуманистов¹⁵, становящихся в своих язвительных новеллах рупором народного мнения, «нищенствующие монахи», «братья» продолжают жить так, как, по их мнению, завещало Евангелие и основатели их объединений. Более старые ордена, такие, как бенедиктинский, несмотря на свое богатство, в основном не подвергаются насмешкам, адресованным «братьям». Это положение напрасно пытались объяснить явным несоответствием между инквизиторскими претензиями «братьев», чего не было у других орденов, и беззаботной личной жизнью нищенствующих монахов, что особенно ярко было видно у доминиканцев. Инквизиторы с ростом их высокомерия становятся все ненавистней. «*Domini canes*» — «псы господни», как они себя называют, без сострадания охотятся на отступников и уничтожают их любой ценой. Большая фреска «Церковь воинствующая и торжествующая»¹⁶, находящаяся в флорентийской церкви Санта Мария Новелла, показывает в форме притчи в своей нижней части собак, доминиканцев, догнавших еретика, и совсем в конце — еретика, загнанного в угол и пытающегося в последний момент удалить компрометирующие места из своих сочинений, прежде чем жестокая судьба приведет его на костер. Фреска отображает истинные условия, в которых находился набожный, но не принимавшийся всерьез житель города, ибо ни один мирянин не смеет вмешиваться в вопросы богословия. Он мог самое большее униженно сидеть у ног богословов, главным образом у ног спорящих между собой францисканцев и доминиканцев, имевших право окончательного решения об истине своей церкви. Поскольку же казнь еретика — дело решенное, то и мирянин может присутствовать при этом аутодафе, самообвинении под маской веры. Для него позаботились о «*circenses*» — зрелищах. Но большего духовенство не потерпит. Правда, этот мирянин в будущем призадумается, наблюдая вызывающую повсюду насмешки личную жизнь этих инквизиторов. Возможно, что и он попросит слова, как тот беглый доминиканец Генрих фон Кеттенбах, написавший о духовенстве в 1523 г.: «Услышьте же тоже бога, о вы, попы и монахи! Когда вы сквернословите, божитесь, богохульствуете, когда требуете вина, костей, карт, блудниц, вы хотите заставить нас поверить в то, что, слушая вас... мы внемлем богу».

Когда же пропасть между желаемым и действительным становится слишком глубокой, то миряне все-таки вмешиваются. Мы приведем пользующийся дурной славой пример из жизни немецких монастырей. Дело Вюртембергского женского монастыря привлекает широкое внимание и доходит до римской курии. Знакомясь с ним, можно подробно прочесть о всех упомянутых жалобах, так называемых гравamina. Настоятельница этого монастыря, о котором все знали, что монахи и монахини в нем беспрепятственно вели совместную жизнь и вместе воспитывали своих детей, постоянно отклоняла посещения церковных ревизоров. У нее для этого были веские причины. В конце концов были вынуждены прибегнуть к помощи светской власти, это произошло за несколько десятилетий до Реформации, еще при жизни Савонаролы, и только потому, что церковные власти в течение пятидесяти лет ничего не могли поделать. А ревностные миряне обнаружили то, что не входило в их представление об идеальной монастырской жизни. Доминиканцы тоже не упустили возможности вмешаться, поскольку этим вопросом, кажется, занялись францисканцы. Затем все сообщало сначала извещают Рим, а половину беременных монахинь прогоняют в Баварию, где их охотно принимают, исходя из политических соображений. Другая часть монастырских затворниц стала трудиться в ульмском публичном доме. Часть монахинь благодаря своим хорошим связям с дворянством спасается и возвращается в монастырь. Только доминиканцам не повезло: им дорого обошлась их жалоба в Рим. Эта неудача вызывает новые насмешки над ними, но не отбивает у них охоты к новым расследованиям.

И в Италии, где можно было бы наслушаться подобных историй, дела вряд ли обстоят иначе, ибо инквизиция здесь увлекается нищенством на широкую ногу. Как сообщал современник, инквизиторы разъезжают по стране на лошадях и занимаются только поисками еретиков. Пешком же нищенствующие монахи больше не ходят. А уважаемые инквизиторы не нуждаются в таком воплощении идеала «бедности». Они прямо по-княжески вершат суд над еретиками и милостиво позволяют щедро заплатить им за это служение правде, которое никому не нужно и о котором их никто не просил. Первородная «бедность» в корне изменилась. Нищенство ее ни в коем

случае не заменяет, поскольку в будущем оно принимает грандиозные размеры, превратившись в способ без помех добывать деньги остальных христиан. Официальная церковь взирает на эту деятельность в целом довольно хладнокровно. Вмешательство вряд ли имеет смысл, поскольку, если разобраться, к такому ходу дел привыкли повсюду. Вся система финансирования римской курии, со всеми ее поборами за отпущения грехов, за привилегии и сбором денег на войну с турками, все более и более является не чем иным, как нищенством в величайших масштабах. Церковь прежде всего обращала внимание на деньги. Поэтому все, начиная от членов ордена до простого человека и кончая сборщиками церковных налогов, не забывали о сегодняшнем дне. И пожалуй, никого не удивляло, что «братья» в этих условиях очень скоро становятся реальной силой внутри своей церкви, к продажности которой они так великолепно приспособились. Орденские сообщества, занятые постоянными поисками новых источников денег и все щедрее финансируемые многими людьми, желающими праведным завещанием оплатить вход в рай, очень скоро научились выгодно вкладывать свои деньги. Они их просто относят в «Рим». Ибо они поняли, что курия охотно сотрудничает с этим сортом «бедных меценатов» и За хорошие деньги наделяет их все более доходными привилегиями. Таким образом, довольно скоро ордена становятся экстерриториальными крупными союзами с растущим международным влиянием. Их «генерал», в будущем самый влиятельный человек среди своих «братьев», вскоре сможет держать даже собственного посла при папе, чтобы интересы его ордена были представлены более весомо. В деле Джироламо Савонаролы эта власть показала себя надлежащим образом. Папе Александру VI было необходимо, чтобы не только он в качестве официального главы церкви, но также и генерал ордена Торриано осудил флорентийского «еретика» и изгнал его именно из ордена доминиканцев, сытую жизнь которых он тщетно пытался нарушать.

Влияние официально признанных «бедняков», получавших деньги за свои жестокие поиски «правды», огромно. Тем глубже будет падение орденов. После выступления Лютера блестящий период расцвета монашества окончательно прошел, хотя его крах смогли пре-

дотворить еще раз. Когда-то властвовавшее в мире, имевшее право вмешиваться в личную жизнь любого человека, оно перестало играть решающую роль. Любовь, вдохновлявшая создателей орденов, уже давно остыла, погибла от равнодушия многих, была задушена большинством. И только отдельные фигуры в истории орденов — а к ним относятся и Савонарола — пытались изменить климат, согреть распространявшийся вокруг холод, хотя и на короткие исторические мгновения. Большинство собратьев по ордену за ними не последовало, как в свое время за основателями орденов. Эта горькая правда сыграет не последнюю роль в событиях во Флоренции, городе брата Джироламо Савонаролы.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ

Андреас Гроте, написавший одну из самых впечатляющих монографий о Флоренции, сообщает в начале своего труда о районе Италии, в котором будет жить Савонарола: «Тосканский пейзаж я воспринимал всегда исполненным особого волшебства, какого-то сказочного очарования. Этот древний участок земли весь пронизан историей; он вновь и вновь отдает свидетельств старых времен, и каждый его сантиметр перекопан человеческими руками. Не осталось ни клочка, не обработанного мотыгой крестьянина и не принесшего ему плоды. Группы деревьев и широкие просветы между ними, замысловато проложенные дороги, огибающие холмы, долины, окаймленные обрывистыми склонами гор, — все это, кажется, было устроено с мудрым намерением, а затем небрежно предоставлено тому одичанию, которое в особенно изысканных парках должно казаться посетителю первозданной природой. И чем глубже мы спускаемся с окружающих холмов в Флорентийскую долину, тем больше нами овладевает чувство магического. Как только мы наконец проходим через одни из сохранившихся ворот в бывшем кольце каменных стен города, то нам кажется, что мы попали в поле напряжения, какое ощутил на себе в свое время Гёте при переходе через Понте Мильвио».

Мы намеренно обратили внимание читателя на то, что «типичные» черты характера флорентийцев, то есть существенные признаки людей, с которыми столкнется

Савонарола, остались почти неизменными до наших дней. В гордыне, граничащей с надменностью, постоянном скепсисе и злорадстве, беспричинной жестокости по отношению к другим, в самодовольной «провинциальности» местных жителей, в отвращении к показному проявлению чувств, в обезоруживающем ироническом отношении к себе, в ненасытном любопытстве — предмете насмешек со стороны соперников из других итальянских городов, — во всем этом нетрудно определить черты характера, с которыми Савонарола сталкивается в течение жизни и которые в значительной степени способствовали его гибели. Эти наклонности могли развиться и конкретизироваться в абсолютно определенном поле напряжения. У этого поля два полюса: политический полюс находящегося одновременно под влиянием Медици и борющегося против них города-государства и духовный, со всевозрастающим влиянием обоих нищенствующих орденов — доминиканцев и францисканцев. В те времена больших переустройств и становлений жители города постоянно ориентируются на эти два полюса, от которых одновременно исходят покой и беспокойство. Именно эта «связь» города и церкви, вся ее дисгармония, оказывающая влияние на общество, волнует брата Савонаролу. Он не сможет преодолеть поле притяжения этого общества и в конце концов падет его жертвой.

Один из полюсов, духовно-религиозный центр, — это вопреки часто выражаемому мнению отнюдь не собор и его духовенство. Купол и звонница храма Санта Мария дель Фьоре занимает, конечно, главенствующее место в пейзаже города. Но флорентийские епископы, по крайней мере в период Савонаролы, играют в городе второстепенную роль. Во всяком случае, о них слышно только мимоходом. Общественную жизнь определяют монахи, ранее наследники и хранители великой идеи, но теперь предавшие ее. Во всяком случае, эти монахи — ко благу или ко злу — уже давно обрабатывали почву, которую Савонарола попытается перепахать. Оба ордена поселились в имеющем важное значение городе еще в период их расцвета, относящегося к началу XIII столетия, а затем завоевывали его часть за частью. Их проповедники, как и прежде, собирали массы народа в храме и на площадях города. С соответствующих церквей

ных кафедр велись богословские споры, вызывавшие тогда всеобщий интерес; все это, вместе взятое, — важный фермент во флорентийском обществе и его духовной жизни. Храмы, где читаются проповеди, по старой привычке переполнены. И оба основных центра духовной жизни города, церковные крепости соперничающих орденов, Санта Кроче у францисканцев и Санта Мария Новелла у доминиканцев, как и собор, видны издалека и создают силуэт города. И сегодня они свидетели великого прошлого и достопримечательности, достойные внимания. Огромная площадь перед храмом Санта Кроче настоятельно просится стать ареной для всяческих зрелищ. Со времен треченто на ней произносятся проповеди для народа и проводятся турниры, которые позже прославит Полициано¹⁷, называя их «Giostra di Giuliano» — турнир Джулиано, в память об убийстве в соборе в 1478 г. Джулиано Медичи. А на площади перед храмом доминиканцев с 1540 г. будут происходить устраиваемые Медичи состязания боевых колесниц; это театральная дань секуляризации, и они заменяют ранее принятые проповеди городских францисканцев, ведущих полемику против доминиканцев, те самые проповеди, включавшие в себя тогда важные для раннего капитализма и городских купцов вопросы о проценте с капитала и ростовщичестве. Церковь Санта Мария Новелла пережила этот переход от сакрального к мирскому. Этот гордо высящийся храм считается учреждением первых доминиканцев в городе, которым после смерти основателя ордена не без некоторых колебаний в 1221 г. окончательно отвели участок для строительства церкви и монастыря. Во времена Савонаролы весь комплекс храма Санта Мария Новелла высится во всей своей красе, привлекая внимание в панораме города. Отделку его знаменитого фасада заканчивают в 1470 г. На нем был позже увековечен сторонник Савонаролы Бернардо Ручелаи, женившийся на дочери Медичи. Только в XIX столетии великолепный храм в ходе секуляризации лишается большей части своей земли. И вскоре новое время окажется достаточно варварским, чтобы именно на его участке соорудить здание Главного городского вокзала. Но и это вряд ли сможет заставить забыть богатые традиции доминиканцев в Санта Мария Новелла. Папы Мартин V, Колонна, сжегший во время Констанцкого собора еретика

Яна Гуса и избранный главой церкви, несмотря на соперничество с двумя кандидатами на этот пост, Евгений IV, Кондульмер, созвавший следующий Вселенский собор сначала в Ферраре, а затем по настоянию Медичи во Флоренции, и известный уже нам Пий II, Пикколомини, жили некоторое время в этом доминиканском монастыре, что было признаком высокого уважения к Флоренции и ордену, навлекшему вскоре, в связи с деяниями Савонаролы, папский гнев. И только Лев X, Медичи, в 1520 г. удостоит монастырь своим посещением, когда Рим сочтет, что дело антипапистского проповедника из Флоренции уже исчерпано.

Представители течения «строгих» среди доминиканцев, так называемых «обсервантов», еще при папе Мартине V попытались добиться, чтобы им выделили на территории города участок земли. Ибо, только обладая собственной землей, отделенной от владений «умеренных», они могли надеяться, что возвратятся к старым идеалам основателя ордена. Они обращают свои взоры на вполне определенную обитель в городе, а именно на монастырь силвестринцев, обосновавшийся там уже давно, но со временем сильно обветшавший. Однако этот план, связанный с интригами и активно поддерживаемый богачом Медичи, осуществился только при Евгении IV. Изгнанные силвестринцы апеллировали к церковному собору в Базеле, не признанному папой Евгением IV. Но этот шаг им не помог. А одержавшие победу доминиканцы не выпускают своего приобретения из поля зрения. Весь комплекс зданий реставрируется с помощью Козимо Медичи, Отца отечества. И не кто иной, как гениальный монах Фра Анжелико¹⁸, вызванный в город из провинциального монастыря в Фиезоле, расписывает основные помещения монастыря Сан-Марко своеобразными фресками; он «озаряет» кельи и коридоры своим божественным умением выражать нечто райское. Вазари позже говорит об этом тихом человеке, что он мог написать ангелов и святых столь прекрасно, что они казались и вправду небожителями. И в то время как нашего современника, эти тихо сияющие картины волнуют скорей с эстетической точки зрения, то у современников они ассоциировались с настоящим, небом. Также и в этом случае мы сталкиваемся со способностью человека средневековья создавать изображения по мо-

дусу «подобия», то есть на основе символической интерпретации любых форм и вместе с тем с умением прямого морального толкования эстетических явлений.

Нисколько не удивляет, что Козимо де Медичи часто удаляется в кельи Сан-Марко, чтобы поразмышлять в окружении ангелов и святых, написанных Фра Анжелико. Это уединение самого деятельного и влиятельного флорентийца своего времени в небесном покое монастыря обсервантов много говорит о новой ситуации в городе Флоренции. Второй монастырь доминиканских монахов, освященный в 1443 г. в присутствии папы Евгения IV, все более становится центром Флоренции. Таким образом, великое время Савонаролы, ставшего позже приором, зреет в абсолютной тишине. Но до тех пор пройдет еще много времени и потребуются некоторые реформы, пока же характер Сан-Марко можно назвать еще «медицейским». Это должно означать нечто определенное, а именно: сформирован политический полюс тогдашней Флоренции.

Монахи, которым Козимо создал знаменитую библиотеку, живут прямо-таки в «придворном монастыре» Медичи, почти в золотой клетке. Им больше не нужно ниществовать, ибо все, в чем они нуждаются, жертвует благодетель. И проходит не очень много времени до того момента, когда флорентийский архиепископ Антонин добивается у папы Каликста III, Борджа, чтобы Сан-Марко получил разрешение приобретать общественную собственность и владеть ею. Этим еще раз нарушили правило основателя ордена. Тогда было много протестовавших голосов среди собратьев по ордену, отнюдь не возрадовавшихся этому новшеству. Еще Фра Анжелико по-своему предостерегал от этого шага. На одной из его фресок в Сан-Марко изображен святой Доминик с развернутым в руке свитком, из которого явствует, что каждому, кто введет в ордене владение недвижимым имуществом, грозит страшное проклятие.

Однако Флоренция состоит не только из монашеских орденов, храмов и монастырей. В ней есть и народ. Но этот флорентийский «народ» трудно привести к общему знаменателю. Для того чтобы перенестись в то время, мы должны, вероятно, отказаться от категорий и определений, к которым привыкли, объясняя события XIX в. Описать развитие крупных итальянских городов-госу-

дарств — трудная и сложная задача. К этому следует добавить, что Флоренция, по словам Якоба Буркхардта¹⁹, была в высшей степени «городом постоянного движения», а флорентийские граждане «в умственном развитии и разностороннем обосновании хода событий» превосходят всех соотечественников. Флоренция переживает не только больше политических форм во всех их оттенках, чем все другие государства полуострова, — она несравненно больше отдает себе отчет в происходящих изменениях. Итак, в городе беспокойно, он тонко чувствует господство знати, тиранию, борьбу среднего сословия с пролетариатом, полную, неполную и мнимую демократию, господство правящей семьи, теократию Савонаролы и, ко всему, почти все типы и обозначения этих видов власти, все это город переживал и пытался объяснить. Тем не менее ему не удалось с помощью напоминания жителям о прошлом или путем верного его истолкования преодолеть врожденный порок — неустойчивость индивидуумов, являвшуюся причиной образования все новых группировок и раздоров, неоднократно приводивших город-государство на грань катастрофы. Как всегда, Флоренцию раздрают всевозможные страсти, и первое слово принадлежит в ней скептикам. А вождеденный порядок, «disegno», существует только в теории, мечтах и на страницах конституции.

В действительности жизнь города-государства в течение всех столетий, о которых мы имеем сведения, выглядела по-иному. При этом следует учесть, что такой город-государство, существовавший пятьсот лет назад, чужд нашим представлениям, ибо его ни в чем нельзя сравнить с современными национальными государствами. В данном случае речь идет о совсем другом мире, о котором мы имеем только фрагментарные знания, хотя и обладаем результатами выдающихся исследований. Так трудно переводимое на язык наших отношений различие состоит отнюдь не в величии или величине соответствующего государства, а прежде всего в почти полностью утраченном сегодня сознании тогдашних граждан, что они принадлежат к обозримой и сплоченной общности, отданной на веки вечные управлению отдельных лиц. Вопросы, имеющие сегодня местное или региональное значение, такие, как водоснабжение или вывоз мусора, в городе-государстве являются предметом го-

сударственных и правительственных решений. А военный бюджет, к примеру, был не таким, как сегодня, неизбежным злом, по его поводу еще можно было дискутировать; иначе относились и к слову «оборона», употребляемому в наши дни в оптимистической интерпретации по поводу всех военных операций, необходимость которых ясна отнюдь не каждому налогоплательщику. В городе-государстве подобных дискуссий не было, ибо каждый, к примеру, видел собственными глазами пользу и жизненную необходимость укрепления городских стен. Таким образом, военные налоги считались непосредственным и для каждого сразу же осязаемым вкладом в личную безопасность. Итак, разница между самообороной и обороной территории города-государства была не столь значительна, как в наши дни.

В городе-государстве почти каждый гражданин знал другого. И каждый в большей или меньшей степени зависел от другого. Позже граждан этих государств не без причины упрекали в «провинциальности». Гражданин, сражавшийся плечом к плечу со своим соседом против граждан других городов, из-за своего образа жизни в стенах города проникался патриотизмом особого рода, так называемым «самранілісмо» — сплочением с согражданами вокруг родной кампанилы, почитаемой и находящейся у всех в поле зрения городской башни. Человек, живущий в современном национальном государстве, вряд ли поймет этот образ мыслей и попытается объяснить его местничеством. Но город Джироламо Савонаролы живет этими представлениями. Из узкого, ограниченного стенами пространства и широты духовной культуры формируются представления, придающие и до нашего времени этим городам неповторимый облик.

Спорные проблемы во Флоренции обсуждаются и решаются гражданами на собраниях совета и вне их. И вполне естественно, что первое место среди этих проблем занимает проблема финансов и налогообложения. Они не предмет спора для «избранных и находящихся наверху», обсуждаемый где-то далеко, в парламенте, депутатами, которых избиратели интересуют в предвыборной борьбе. Нет, демократия городов-государств также и в этом случае была более действенна и фундаментальна. По крайней мере теоретически все имели право участвовать в совместном решении. А когда политики,

законодатели и чиновники — ваши сограждане, тогда чувство лояльности сильнее, чем когда вами только управляют «сверху». В этом случае судьба города действительно в ваших руках. И это знают все. От того, насколько успешно граждане города формируют и осуществляют политику, зависит не только их благополучие, но и благополучие каждой семьи и принадлежащего к той же самой коммуне соседа, к которому когда-нибудь придется обратиться за помощью. Итак, «интенсивность среды», о которой говорит Даниэль Вейли, консолидирует индивидуумов. И только вопрос времени, когда из этого объединения возникнут правовые последствия. Действительно, проходит только несколько десятилетий, и эта среда обнаруживает свои темные стороны. Скоро привычка сражаться спиной к спине превращается в постоянную взаимную свару. И сосед, согражданин, скоро становится уже не соратником, а конкурентом, представителем противоположной группировки, которого по возможности не следует допускать ни к одной важной должности. И, наконец, наступает то, что и должно быть: начинается борьба всех против всех. Вскоре Флоренция становится примером города, в котором непрерывно возникают партии и происходят столкновения внутри собственных стен. Буркхардт приходит к заключению, что Флоренция стала «родиной политических доктрин и теорий, экспериментов и интриг».

Приведем в угоду скептикам только один пример ситуации того времени, оставивший в истории глубокий след. Он находит свое отражение в судьбе Данте Алигьери, после выполнения им своих гражданских и воинских обязанностей избравшего неудачную партию в вечном споре между гвельфами и гибеллинами, за что его приговорили к наказанию, имевшему большие последствия и я, — к бессрочному изгнанию из родного города. В течение двадцати лет великий сын Флоренции, нехотя ставший членом позже потерпевшей поражение партии, был в эмиграции, терзаемый ненавистью и снedaемый тоской по родному городу. Поэзию Данте можно рассматривать и как переключенную в мировую историю тоску по родному городу. Впредь он подписывает свои письма «florentinus et exsul immeritus» — «человек, незаслуженно живущий в изгнании» и тем не менее ничего не утративший как гражданин Флоренции. В кон-

це концов Данте отказывается от предложенной ему амнистии и до последнего дня не возвращается во Флоренцию, в «bello ovile» (прекрасную овчарню), где он родился. «Божественная комедия», написанная в тяжелые годы изгнания, — живое свидетельство тоски по родине. Из далека он обращается к этому городу с гневом и тоской. Но тот не хочет принять поэта с почестями. И он, становясь образцом для многих флорентийцев, последовавших в ссылку после него, приходит к горькому выводу, что для ума и искусства найдется родина и вне флорентийских стен. В противном случае жизнь была бы невыносима.

Флоренция остается центром экспериментов и политических опытов. В городе приблизительно в конце X — начале XI столетия в вакууме власти, возникшем из-за явной слабости императора и папы, сначала в качестве наследника политических полномочий утвердился епископ. Но духовный владыка не смог удержаться долго. Коммуна готовит собственную власть. Сначала горожане действуют очень осторожно. Пока говорят только о «conventus ante ecclesiam» — собрании перед главной церковью. Именно там мужчины обсуждают неотложные вопросы и отыскивают решения очередных проблем. Из окружения епископа, перед церковью которого собралась для обмена мнениями, и из знати города выделяют в конце концов некоторых «boni homines», достойных доверия людей, которые впредь должны охранять интересы многих других, хотя пока еще и не занимая официальных должностей. Тем временем население города постоянно растет. Между X и XIV веками оно удвоилось. Это служит причиной возникновения все новых проблем. Чем больше людей теснится в городских стенах, тем больше приходится решать административных вопросов. Строятся здания, планируются улицы. Кольца стен города постоянно расширяются. Виллани описывает празднества по случаю закладки последнего кольца стен Флоренции, которому собираются придать приблизительно симметричную форму — последняя дань религиозным представлениям о планировке земного города, который должен напоминать небесный град Иерусалим. Мир в городе все время нарушается. Ибо владельцы соседних земель, за чей счет ведется расширение Флоренции, относятся к этому не столь

спокойно, как бы этого хотели в городе. Следствие этого — военные столкновения с соседями. Они в основном продолжаются до тех пор, пока соседи не превращаются в вассалов, однако вассалы города Флоренции, такие, как граждане города Пизы, постоянно склоняются к мятежу. И при теократии Джироламо Савонаролы этот строптивый сосед вновь заявит о своем существовании. Итак, забот у коммуны хоть отбавляй.

Между тем она конституировалась. Бюргерство за счет императорского и епископского авторитета добивается постоянного прогресса. И в начале XII в. она проявляет свою вновь обретенную свободу, выдвигая собственных носителей власти и называя их «консулами» в память о гордом республиканском прошлом, о котором мечтают все. Население городской республики видит в себе наследника богатых традиций. Отныне оно правит само. И все же коммуна, в которой консолидировался «народ», представляет собой что угодно, но только не однородную группу. Средневековый город является скорей обществом, где смешаны союзы различных профессиональных групп с неодинаковым статусом. Однако границы между отдельными профессиями зыбки. А социальные прослойки с течением времени все более и более переходят одна в другую. Одни поднимаются, другие опускаются. Только постепенно образуется действительно сплоченный слой влиятельных людей. Во Флоренции это прежде всего люди с деньгами, ибо дворянство в этом городе купцов никогда не играло особой роли. Граждане, которых нельзя поместить на определенной ступеньке социальной лестницы с помощью вновь созданных категорий, начинают все больше и больше оказывать влияние в городе. Также и сословие ремесленников, которое, по осторожным оценкам, составляет около четверти населения, но политически заставляет прислушиваться к себе. Этому способствует прежде всего объединение в так называемые цехи. Но вскоре среди объединений начинаются неурядицы, к тому же внутри них начинают выделяться большие и малые — «maiores» и «minores», выступающие друг против друга и отнюдь не на благо общества, как это вскоре станет ясно.

Среди населения имеется еще один широкий общественный слой, в который входят мелкие крестьяне и бат-

раки, представляющие собой нечто вроде «пролетариата» города, их держат почти в полной изоляции от политической жизни. Во всех городах средневековья было значительное количество людей, живших «там, внизу». В Аугсбурге в 1498 г. число людей из этого низшего класса составляло более 43%, в Ростоке оно возросло в течение XVI столетия до 63%, в то время как численность средних слоев снизилась до 20%. И все же в этом сословном порядке «низший человек», бедный ремесленник, наемный рабочий, как и крестьянин, занимают место далеко позади других. Собственно говоря, он и места-то не занимает, а является рабочим скотом. Искусство, рассматривающее его глазами знатных горожан, изображает его всегда полезным идиотом. За его счет живут все остальные. Разоренный крестьянин только объект, залог, несолидная и не важная фигура в игре знати. А церковь на свой лад помогает сохранить это положение. Ее мораль также поддерживает власти предрержащие. Представители избранного мира церкви только морщат нос по поводу невоспитанности, в частности грубых крестьянских танцев, о которых пишет один из проповедников того времени: «Затем можно увидеть чурбанов, они танцуют по-свински и похабно, крутят баб и девок и подбрасывают их вверх так, что сзади и спереди видно все до мягких мест, а девушкам иногда нравится, когда их крутят так, что у них все видно». Гейлер фон Кайзенберг, перу которого принадлежат эти строки, описывает в данном случае крестьян, в чьем коротком рабочем платье, конечно, удобнее танцевать, чем в непрактичной одежде знати. Но трудящиеся не всегда разрешали над собой смеяться, по крайней мере тем, кто не ударял пальцем о палец. Можно сказать, что было достаточно причин для скрытых революционных настроений, выливавшихся время от времени в настоящие восстания против главных представителей «народа», что сильно нарушало «симметрию торговли и общества».

Со временем город-государство как целое становится перевалочным пунктом для растущего товарооборота с известными тогда странами. Сначала город зависит от окрестностей и того, что они изготавливают. Но как только кругозор купцов начинает расширяться, торговля распространяется и на другие государства. С ней вмес-

те быстро растет и Флоренция. Стены города, укрывавшие в 1200 г. около пятидесяти тысяч жителей, все время удлиняются. В 1172 г. они огораживают участки земли, равный восьмидесяти гектарам, а через полтора столетия — уже шестистам тридцати гектарам. Этот буйный рост был в первую очередь следствием постоянного притока населения из окрестностей, с которым позже не раз пытались бороться с помощью законов. Анализ притока населения показал, что среди этих пришельцев находился значительный процент людей, принадлежавших к привилегированным слоям общества и профессиям: землевладельцы, коммерсанты и ремесленники, люди, имевшие свою землю. Они и вне города владели собственностью, а в городе покупали ее дополнительно. Этим они значительно укрепляли господствующий слой.

С другой стороны, незначительный процент флорентийцев уезжает в далекий мир. Многих охватила лихорадка открытий и тоска по новому. Через некоторое время флорентийские колонии можно обнаружить во всех торговых городах мира. И мобильность граждан увеличивается. Поэтому старое разделение городского населения на два класса — «верхних» и «низших» — оказывается в значительной степени неудовлетворительным. Пришельцев тоже больше нельзя вместить в эти две старые категории.

«Gente nuova», то есть люди, которых можно назвать как «свежеиспеченными богачами», так и «недавно прибывшими», со своей стороны хотят иметь право голоса в правительстве города, куда они привезли свою собственность. Но у коренных граждан по этому поводу большие возражения. Пришельцев не очень любят, хотя они и могут сослаться на свое состояние. Новые конфликты в городе являются следствием напряженности между старым и новым. Данте, описывая ситуацию, выражает мнение большинства, когда говорит, что основная причина конфликтной обстановки заключается в «confusione delle persone», то есть в реальности, которую в наши дни, возможно, назвали бы социальной мобильностью. Также и упадок нравов в городе, на свой лад порицаемый Савонаролой и многими считаемый основной бедой флорентийцев, часто объясняют постоянным притоком населения из провинции и возникающими по этой причине конфликтами. Успех

этого анализа моралистов не слишком велик. Пришельцы извне только усиливают партии в городе, но не образуют новых. А старые партии были во Флоренции с незапамятных времен. И тем не менее никто не собирается выяснять основной вопрос — возникновение и воздействие этих партий на общество. Эту проблему просто игнорируют, а ее решение намеренно затягивают.

И все же определенного решения в будущем избежать невозможно. Городской совет должен приспособиться к новой ситуации хотя бы ради своего будущего, поскольку он расширяет институты городского правительства и совершенствует их правовые полномочия. Так возникает длительный спор по поводу «Конституции» города. Сначала превращаются в учреждение бывшие «boni homines». Официальная коллегия занимается проблемами, которые прежде в значительной мере решались случайно. Коммуна становится юридическим лицом. На месте прежних епископских или других органов власти, носящих феодальный характер, появляются учреждения коммуны. Фаза сотрудничества консулов с феодальными властителями объявляется законченной еще раньше. И более того, новая правовая инстанция все больше проявляет свой характер в межгосударственных отношениях. Флоренция козыряет своей свободой повсюду в стране. За своими пределами город приобретает различные права и завязывает отношения с другими коммунами, которых в Италии было около двух-трех сотен. В результате этого процесса возникают новые административные, военные и дипломатические учреждения. Одновременно он укрепляет и патристическое настроение в родном городе. Коммуна же, кажется, становится внутренне и внешне сплоченным государством. Она и в дальнейшем испытывает процесс консолидации. Наряду с должностями консулов сначала появляется разновидность парламента, общее собрание граждан, которое сможет одобрять важные решения *per acclamationem* — единогласно. Но вскоре эта форма народного представительства оказывается слишком непрактичной. Тогда в качестве замены парламента создают Большой совет. С этого момента множество граждан представляют только коллегии совета. Но в наделении их функциями экспериментируют десятилетиями. Монах будет вынужден позже заняться этой проблемой.

Даже выборы с давних времен вызывают споры, и поэтому с ними проводят длительный эксперимент. К примеру, во Флоренции в 1292 г. на встрече представителей крупных цехов обсуждаются не менее 24 способов голосования. Но к практическому результату, кажется, не пришли, так же как и вне цехов. К этому добавляется и спорная проблема кворума городских коллегий. Никто, собственно говоря, не знает, сколько требуется голосов для принятия в комиссии решения. Этот спор на процессе по делу Савонаролы будет также иметь значение. Только по одному вопросу всегда достигают единства: если проблему нельзя решить сразу, то создают... комиссию — способ, используемый и в наши дни, чтобы выиграть время и иметь возможность решить действительно важные вопросы в самом маленьком кругу посвященных; так возникли позднейшие синьории. И нередко в последующее время какой-либо «синьор» обосновывал свои чрезвычайные полномочия специальным заданием такой маленькой комиссии.

А исполнительная власть, институционализировавшаяся позже, ранее находилась в хороших руках: у «boni homines». В конце концов решили принять во внимание возраставшие трудности и поручить исполнительную власть одному лицу, так называемому «подесте», который со своими людьми должен был заботиться о покое и порядке в городе. По понятным причинам этот человек чаще всего не был прежде жителем города, где он служил. Часто его на эту должность даже нанимали и оплачивали его труд по определенному тарифу, как своего рода шерифа. Растущее влияние этой должности привело к тому, что этому новому учреждению нужно было создать постоянное место пребывания, то есть дворец, называвшийся во Флоренции «Барджелло». В этом укрепленном палаццо позже пытаются Джироламо Савонаролу. Там находилось управление полиции и ведомство государственной безопасности. Таким образом, подеста был только подобием исполнительного органа, который должен был выполнять распоряжения управления, а отнюдь не властителем в городе. Он всегда подчинялся синьории, хотя именно он выполнял полицейские функции и мог в случае необходимости командовать войском, состоящим из граждан. Но собственных политических решений он никогда принимать не мог.

В XIII в. эта служба стала настоящей профессией полицейских. В конце концов ею стали заниматься приезжие специалисты, нанимавшиеся то в одном месте, то в другом и после выполнения работы уезжавшие вновь.

Несмотря на все более увеличивавшуюся специализацию и возникновение общественных институтов, патриотическое сознание граждан никогда не исчезает. Ибо специалисты управленческого аппарата так и не смогли полностью вытеснить бывших любителей. И даже наоборот, граждане сами правили городом до установления господства сильного человека. Они затрачивали огромное количество времени на законодательную, совещательную и судебную деятельность, на управление и контроль над финансами и территорией, подчинявшейся городу, на дипломатические переговоры, подготовку и проведение военных мероприятий. И, как это часто бывает, любители занимались этими делами как истинные влюбленные. Профессионалы могут улыбаться по поводу такого усердия, горожанам же в ходе столетий не надоедало переделывать собственную конституцию и укреплять ее целым потоком законов и их изменений. Данте довольно саркастически высказался по поводу этих любителей. Но они вряд ли от этого изменились. Прежде всего в вопросах налогообложения — в сфере, столь важной для купцов, флорентийцы всегда были активны. Из-за этих проблем они даже вели гражданские войны. И самые радикальные реформы, а также малые революции, такие, как восстание чомпи, возникали только из-за злосчастных налогов.

С финансовыми проблемами был тесно связан и вопрос об «отношениях» между церковными и гражданскими инстанциями. Коммуна в качестве наследницы бывшей епископской власти все еще должна была платить церкви по счету. Из юридических прецедентов и проблем выравнивания границ, из стремления урегулировать и разграничить различные сферы влияния постоянно возникали новые трудности. Ибо в повседневной жизни все было не так просто, как это видел Савонарола в своих утопических мечтах о «бедной церкви». Воззвание монаха к собственной церкви: во имя людей и правды последовательно отказаться от своего имущества или, как минимум, допустить его налогообложение, не нашло последователей, осталось гласом во-

пиющего в пустыне. На этот призыв церковь не откликнулась потому, что в таких случаях с незапамятных времен ее представителями овладевала глухота.

И коммуны никак не устраивало платить налог в пользу церкви. Судебные инстанции обеих сторон в этих вопросах непрестанно враждуют между собой. В городе постоянно возникают спорные вопросы, которые нужно решать в пользу церкви или коммуны. Приобретение земельных угодий и их налогообложение, основание монастырей, ереси, не пресекаемые с достаточной строгостью, за что церковь упрекает коммуны, — все это вызывает у многих флорентийцев антиклерикальные настроения. И только это дает возможность понять причину отказа синьории ни с того ни с сего выдать строптивного монаха папским судьям. Также и в этом случае продолжается извечная игра между государством и церковью, речь идет не о чем ином, как о престиже и попытке расширить по возможности сферу влияния и добиться преимуществ за счет другой стороны.

И не удивительно, что из-за бесчисленных споров большинство коммун того времени, не исключая Флоренцию, находились, так сказать, в состоянии перманентной войны с римской церковью. Интердикты и анафемы, как затяжной холодный дождь, проливались на города, не вызывая заметных признаков повинования. Хотя и во Флоренции есть нечто вроде «пятой колонны» курии, в большинстве случаев побеждает антицерковное направление. «Смирение» и «послушание» в римском духе не особенно находят своих почитателей. Более того, многие правители городов отвечают на церковные благословения своим собственным оружием и часто лишением духовенства его старых феодальных прав. Иногда эти столкновения длятся многие годы, до тех пор, пока обе стороны, конечно же в интересах людей, которым они служат, не приходят к компромиссу или заключают перемирие на некоторое время, чтобы подготовиться к новой схватке.

В противоположность этому ежедневно задачи административной жизни, хоть и приносят не меньше затруднений, все же не так хлопотны. Назовем только несколько примеров: городское правительство должно было постоянно контролировать столь важную цену на хлеб, достаточно часто устанавливать и другие цены, фиксировать максимальный процент с капитала, опре-

делить максимальную заработную плату, давать разрешения на застройку, издавать законы, направленные против роскоши, назначать коммунальных врачей, заботиться о школьном образовании. В общем и целом, достаточно работы для любителей, к тому же весьма затрудненной спорами с конкурирующими властями в городе, с ремесленными корпорациями, а по вопросам образования — со всякими церковными учреждениями. Рассматривая управление городом в целом, можно сказать, что система функционировала неплохо. Флоренция поднимается до уровня одной из первых торговых метрополий тогдашнего мира. И Джованни Виллани с заслуженной гордостью может заявить, что в начале XIV в. около десяти тысяч школьников посещали городские начальные школы, около тысячи — коммерческие школы и примерно шестьсот — «гимназии» при церкви; эти цифры позволяют заключить, что около половины городского мужского населения имело возможность получить школьное образование. Только позже — и в этом прежде всего повинен Лютер, написавший в 1524 г. о настоящем бедствии, когда мальчику в течение двадцати лет и более приходилось изучать «отвратительную латынь», чтобы стать «попом», — число посещавших школы в странах, не затронутых Реформацией, значительно упало. И только к 1560 г. школьное образование достигло былого расцвета.

Хотя некоторые обстоятельства во Флоренции и напоминают нашу эпоху, нельзя, конечно, забывать, что они имели место в городе-государстве, основанном, собственно говоря, на упомянутом «*campanilismo*», традиционной провинциальности флорентийского характера, что такой город с именно этим гражданским сознанием существовал и пришел в упадок. До тех пор, пока было достаточно граждан для решения многообразных городских задач, все шло хорошо. Но как только влияние внутренних группировок одержало верх, величие города было утрачено, хотя он еще держался в течение десятилетий. В более поздней фазе этого развития от демократической республики к господству одного человека стали проявляться усталое равнодушие к выполнению должностных обязанностей и отвращение к государственным делам. Раньше на больших собраниях в продолжение нескольких дней дискутировали по поводу одной важной проб-

лемы, а позже все заинтересованы в том, чтобы оставить накапливавшиеся трудности властителю, повелителю профессионалов-администраторов.

К этому добавилось и четкое понимание того, что комитеты совета были слишком неповоротливы, чтобы принимать быстрые и действенные решения. Что же касается международного представительства города-государства, то становилось все ясней, что при обстоятельствах, когда несколько сот человек занимались решением вопросов, сохранение дипломатической «тайны» было делом иллюзорным и, конечно, вредило городу и его интересам. Поэтому со временем образовалось особое словесие дипломатов — людей, которые должны были вести переговоры с соседними правительствами или с представителями великих держав, такими, как император, короли Франции и Англии, или, как по делу Савонаролы, с римским папой. Рука об руку с этой специализированной формой международного представительства шло, по всей видимости, развитие флорентийской исторической науки и литературы. Патриотизм граждан находит теперь очевидное литературное воплощение. Все чаще встречаются граждане, сравнивающие собственную коммуну с другими и нередко в стиле современного туристического бюро прославляющие преимущества своего города. Такое случалось и намного раньше. Так, в 739 г. один миланец сочинил панегирик о преимуществах своего города, где расхваливал по порядку его положение, городские ворота и стены, улицы, церкви, набожность жителей, могилы святых, городского святого, науку и искусство, благосостояние и благотворительность граждан, короля, архиепископа и, наконец, заслуги города в борьбе с язычниками.

Чтобы несколько столетий спустя для туристов осталось больше «достопримечательностей», в XV в. начинается настоящий «разгул» реставрации и строительства зданий. Флорентийская синьория на десятилетия освобождает от налогов на приобретение земельных участков и строительство домов. Аптекарь Лука Ландуччи рассказывает о стройках в 1489 г., когда на улицах и площадях было полно строительного мусора, потому что люди того времени помешались на сооружении зданий и возникла нужда в мастерах и материале. Но этот фактор, по-видимому, особого влияния на строи-

тельство не оказал. Дома бедного населения просто-напросто сносили, что опять же вызвало недостаток жилой площади.

У Флоренции по крайней мере был красивый внешний вид. Рим же оставался мрачной дырой, полной античных руин и покосившихся домов, пока Юлий II не занялся им всерьез. Но настоящим соперником Флоренции в этой области «вечный город» так и не стал. Флоренция соревнуется с другими городами и за пальму первенства: у кого самый красивый собор, чьи церкви, принадлежащие нищенствующим орденам, самые привлекательные, у кого самый видный дворец Синьории или подесты, чьи стены наиболее приспособлены для обороны? Таким образом, внешний вид родного города становился важным престижным вопросом как слава коммуны в области культуры. И старый средневековый идеал «*similitudo paradisi*» — город, похожий на рай, — постепенно уступает место престижным соображениям. Только позже, когда снова начинаются поиски «идеального города», вспоминают об этой традиции, хотя все больше и больше без специфического богословского смысла старых представлений, рассматривавших родной город как святое место, гарантировавшееся красивыми церквями и не связанное с современными картографическими представлениями. Церкви становятся коммунальными произведениями искусства, принадлежащими городу, предметом городской славы, притяжением для чужеземцев и утрачивают в XIV и XV вв. свое прежнее значение знамени неба на земле. Прекрасное выходит из компетенции духовенства и становится задачей коммуны. А улицы, бывшие раньше образцом морального совершенства и поэтому прокладывавшиеся красиво, становятся позже формами выражения эстетического мышления художников, более не придерживающихся традиционной религиозности, ибо они должны вести чисто конкурентную борьбу во имя своего престижа. Итак, строят все больше, и не для неба, а для земли. Прежнее богословие теперь по большей части только отголосок старых дней, а отнюдь не определяющая и придающая смысл сила.

Власти в городах-государствах хотели бы в идеале, чтобы все городское население по церковным праздникам могло поместиться в соответствующем соборе. И

это для горожан было бы подходящим местом не только в смысле религиозного очага, но знаком заботы синьории о гражданах. Флорентийский главный храм Санта Мария дель Фьоре вмещает тридцать тысяч человек — для того времени неслыханное количество. Савонароле в этом плане повезло, поскольку он, собираясь создать теократию, хотел бы, чтобы его проповеди доходили до самого последнего флорентийца.

Но будничная жизнь вскоре вторгается в представления об идеалах. Раздоры в этих городах-государствах постоянны и вездесущи. По мнению некоторых историков, они стали структурной моделью внутренней жизни города-государства. Наряду с продолжавшимся столетия делением на гвельфов и гибеллинов, на черных и белых и на все прочие партии, как они только ни назывались, вскоре наступает разделение и в социальных отношениях. Макиавелли говорит об этом следующее: «Причиной всех бед в городе является упорная естественная вражда, существующая между дворянами и «пополари». Она возникает от стремления первых командовать и тенденции последних им не повиноваться». Отсюда вытекают две проблемы. С одной стороны, власть имущие в городе, по-видимому, используют силу своего социального положения для совершения всяческого произвола и насилия. Поэтому руководящая роль в сопротивлении ложится на низшие слои, отказывающиеся повиноваться «высшему» классу хотя бы во имя сохранения формального «конституционного порядка»²⁰. С другой же стороны и в результате этого процесса низшие слои общества вынуждены объединяться в союзы, основанные на общности интересов, чтобы добиться полагающегося им участия в правительстве города-государства.

Эти решившие сопротивляться намерениям высшего слоя группы людей не идентичны тому третьему слою, который в качестве «пролетариата» не обладает ни элитарной властью землевладельцев, ни действенной возможностью объединения в гильдии или создания официальных партий и поэтому вынужден рассчитывать на изменение своего положения революционным путем. В этом случае было бы неверно понятие «народ» применять только к одной из трех групп и истолковывать события, исходя только из этого распределения по группам. Более того, «народ» представляет собой почти

любой подлежащий обозначению конгломерат из разделенных между собой группировок внутри флорентийского населения. Каждая из этих группировок ревностно следит за своими зафиксированными или, с ее точки зрения, полагающимися ей правами и постоянно заботится о сохранении ненужной «обособленности» от других группировок, с которыми нередко во имя общего блага следует действовать вместе. Необходимо принять во внимание и состояние неустойчивого равновесия в классовом обществе во Флоренции, когда говорят о «народной власти» монаха Савонаролы.

Положение осложняется еще и другой трудностью. Определение «*popolo*» — народ — вскоре становится формальным названием партии и больше не означает всех жителей, а только часть населения. Это объединение в «*popolo*» является следствием более раннего образования партии. Верхние слои уже давно для охраны своих интересов объединились в определенные партии знати, к которым прежде всего принадлежат «граждане» в более узком смысле слова, а именно купцы и землевладельцы. Внешним признаком этих объединений были соответствующие целевые сооружения, нередко собственные оборонительные башни в пределах города, вокруг которых можно было сплотиться для защиты, если угрожала опасность от сограждан из низших классов. Даже синьория построила себе такую башню, ту самую Торре ди Арнульфо, украшающую до наших дней «*Palazzo Vecchio*». Виллани сообщает о волнениях в городе в 1303 г., заставивших владельцев оборонительных сооружений спрятаться в свои башни и приготовиться к активной защите от «*misera plebs*» из низов. О том, как укрывалась синьория в собственной башне во время восстания чомпи, мы еще услышим. Во всяком случае, башни, самые красивые образцы которых можно увидеть и в наше время в тосканском городке Сан-Джиминьяно, представляли собой известную защиту. Если же штурмовавшие их массы одерживали победу, то владельцев нередко принуждали сносить свои гордые башни. В социальном отношении это было тягчайшее наказание, выносилось оно довольно часто и считалось хуже ссылки, поскольку наглядно свидетельствовало о крахе целого рода; также и коммуны пришли со временем к выводу, что такая видная издали «коммуна

для немногих» внутри города-государства многих способствует возникновению массы сомнений по поводу наличия общего городского патриотизма и учреждений, возникших на его почве. Поэтому все чаще в городе-государстве искали поддержку «пополо» — естественно-го противника высшего класса с его мозолящими глаза башнями.

Это изменчивое понятие, ставшее новым названием партии «второго» класса в городе-государстве, требует более подробного объяснения. Сначала в нем хотели видеть только название союза людей, основанного на общности интересов верхних слоев ремесленников. Но с некоторой долей вероятности можно сказать, что оно содержит в себе и нечто большее. С одной стороны, «пополо» должна была создать противовес власти имущим и их произволу, с другой — помочь гарантировать ее представителям четкую долю участия в законодательной жизни коммуны. Поэтому «пополо» рассматривала всякий союз, заключенный между господами в политических целях, как враждебный акт; равным образом и возможным военным союзам высшего слоя во времена кризисов можно было противостоять только с помощью «пополо». Со временем и «пополо» создала собственные учреждения, существовавшие параллельно с учреждениями коммуны, которой такое возникновение «государства в государстве», конечно, не очень нравилось. Поэтому коммуна во имя всеобщего блага все чаще формально запрещает партийные группы в городе. Правда, эти постановления городских властей по-настоящему никогда не выполнялись. Процесс социального расслоения стал слишком независимым, чтобы быть подавленным или действительно контролироваться общим правительством.

Границы теоретически провозглашенного равенства находили свое самое яркое выражение в различном политическом статусе больших и малых цехов, и так было всегда. После 1282 г. только член ремесленного цеха мог стать членом правительства.

В 1378 г. чесальщики шерсти — чомпи, стоявшие на одной из самых низких ступенек социальной лестницы, восстали против длительных межклановых распрей вышестоящих классов, чтобы создать нечто вроде диктатуры пролетариата. Синьория со своими приспешни-

ками укрылась в своем дворце и оставила город на произвол судьбы. Дома врагов народа подвергаются разграблению и сожжению. Руководителям народа воздают королевские почести и наделяют их властью. Среди прочего они получают право судить и выносить приговоры и даже юридически и политически возвысить в столь высокий ранг больших цехов отдельные отрасли ремесел, бывшие в качестве пролетарских совершенно бесправными. Поскольку правительство города спряталось, вскоре один из чомпи, некий Микеле ди Ландо, также выделявшийся особым красноречием и фанатизмом, при всеобщем одобрении был назначен правителем города. Но этот новый народный трибун вскоре замечает, что его популярность падает, и устанавливает контакт с одним из Медичи. После этого он утратил весь свой авторитет у наемных рабочих. В конце концов он оказался в изоляции, выступил против народа, возвеличившего его, и был заслуженно свергнут. Так очень скоро он поплатился за первоначальный успех. Когда же восстание чомпи терпит поражение, граждане торопятся восстановить в городе старый порядок. А задающие тон жители Флоренции, интересы которых все же сильно пострадали в ходе так кстати захлебнувшейся революции, вновь обретают свое положение.

Все же после восстания чомпи младшие ремесленные цехи еще занимали четверть мест в правительстве. После шока, вызванного малой революцией, старшие цехи, к которым принадлежали судьи, нотариусы и владельцы банков, пришли к единому мнению, чтобы впредь более внимательно следить за «низами», за любыми признаками мятежа. Леонардо Бруни²¹, поведавший свои впечатления об этом восстании, так описывает ситуацию и испуг переживших ее: «Пусть это будет постоянным предостережением руководителям нашего города, чтобы они никогда больше не доводили дела до восстания и чтобы оружие не попадало в руки масс. Если они когда-нибудь вырвут бразды правления, то их больше не удержать». Итак, для революции места во Флоренции больше нет. Высший слой предусмотрительно консолидировался, чтобы, во-первых, в будущем задушить в зародыше любую попытку восстания и, во-вторых, выбирать правительство среди себе подобных, к тому же сами по себе демократические выборы все

больше заменялись системой голосования, выгодной для этой партии.

Нашим современникам трудно представить эту меняющуюся политическую ситуацию и все параллельно существовавшие учреждения, возникавшие в результате расслоения общества, а затем вновь сливавшиеся. «Флорентийская фальсификация» исторических источников, о которой говорил Андреас Гроте, проявляется и в этой области, несмотря на предшествовавшие выдающиеся работы Роберта Давидсона²². На фоне тогдашнего беспорядка ясно только одно: высокая цель коммуны — единство — практически не была достигнута никогда. О внутренних же раздорах, которые между тем начинают институционализироваться, во Флоренции скорее сожалеют, чем стремятся их прекратить.

Таким образом, специфически республиканская фаза коммуны медленно, но верно идет к концу. Еще до начала XV в. в большинстве итальянских городов смог утвердиться режим сильной личности. Во Флоренции того времени этого не происходит, и не в последнюю очередь потому, что Козимо Медичи, слывший спасителем отечества, не хотел править вместо своих сограждан, а считал высшим принципом своей деятельности постоянное единение с народом, то есть идеал ранней коммуны.

Тем не менее во Флоренции тоже победила система «синьории», небольшого правительственного органа, состоящего из немногих лиц, — элемент олигархии, предвещавший последующую победу в городе класса землевладельцев. Членов этого органа, правда, должны были время от времени выбирать, но власть, как правило, менялась не часто, поскольку полная смена членов правительства вызвала бы в партийной системе катастрофу. Однако подобный поворот событий происходил сравнительно редко. В последующее время буржуазия возлюбила покой. Уже описанные причины этого развития во Флоренции ясны. Республиканская форма правления коммуны все больше и больше проявляла свою неспособность справляться с постоянно усложнявшимися проблемами. Продолжительная процедура, обычно предшествовавшая всем решениям, и невозможность сохранения тайны, дипломатическая непоследовательность и нерешительность, система длительного

давления изнутри и насилия в отношениях с соседями — все эти факторы предопределили во Флоренции возникновение олигархии и привели, хотя и с замедлением на несколько десятилетий, к диктатуре одного человека. Таким образом, синьория, какой мы ее знаем из истории жизни Савонаролы, представляет собой не просто естественно возникшее учреждение и отнюдь не конечный продукт независимого от человеческой воли исторического развития. Причины ее возникновения покоились в известной усталости многих граждан, вынужденных обороняться от внутренних раздоров в собственном городе и решивших эти заботы просто взвалить на плечи одного человека, добровольно предложившего свои услуги. Такого добровольца всегда можно было найти. Некоторые честолюбивые граждане, прирожденные политики, не заставили себя просить дважды. Они всегда были под рукой. И только вопрос времени, когда уставший от государственной деятельности любитель возложит на них свои надоевшие административные обязанности де-юре. Техника деликатного захвата власти, таким образом, была разработана в совершенстве. И гражданин уже совсем не замечает, что отдает свою с таким трудом завоеванную свободу.

В свою очередь и «мудрая» синьория, охотно прислушивающаяся к советам по поводу управленческих дел, но не все принимающая во внимание, в основном не нарушает городской конституции. Она совершенно законно приходит к власти и правит только с помощью унаследованных республиканских учреждений. Этим она сохраняет известную иллюзию самоуправления «народа». Исполнительная власть «синьоров» постоянно обусловлена республиканскими полномочиями соответствующих городских комитетов. Но, поскольку границы в этой области обозначены не очень четко, историки спорят, можно ли говорить о замене коммуны синьорией, или же последняя просто воспользовалась старыми одеждами первой. Макиавелли описывает господствовавшую практику и, характеризуя Медичи, приходит к выводу, что они умеют так хорошо подать свое служение народу, что тому кажется, будто он правит сам. И следует признать, что этого добиться отнюдь не просто.

В СФЕРЕ ВЛИЯНИЯ МЕДИЧИ

Самая знаменитая из всех флорентийских патрицианских семей стала в те годы, безусловно, ключевым фактором в городе-государстве. И казалось, что политическая власть, которой Медичи сначала владели негласно, а потом использовали совершенно открыто, вряд ли совместима со страстной любовью флорентийцев к законному порядку и абсолютной свободе. А то, что скептически настроенные и прямо-таки недоверчивые люди со временем позволили одной семье управлять собой, остается одной из до сих пор не раскрытых тайн этого города. Способ, которым семья Медичи захватила власть и твердо ее удерживала, потеря этой власти и обретение вновь — достаточные свидетельства хитрой и сдержанной дипломатии, с помощью которой этот клан умел управлять своими земляками. Флорентийцы, во всяком случае, позволяли этой семье монархическое правление де-факто и терпели его и его автократические побочные явления до тех пор, пока в ходе открытого восстания в один прекрасный день не прогнали семью Медичи, правда, только на некоторое время. Так история рода Медичи, с его взлетами и падениями, на столетие становится историей ее родного города. Семья, то обожествляемая, то ненавидимая, остается неразрывно связанной с судьбой жителей Флоренции. Ее слава — это слава Флоренции. А щедрое меценатство Медичи приносит произведениям искусства города бессмертие. Закат рода сразу же лишает Флоренцию ее былого значения.

О взлете и упадке Медичи говорили часто. Из многих попыток объяснить эту тайну наиболее достоверной кажется попытка Марселя Бриона. Согласно его интерпретации, эти люди стали великими потому, что они, по крайней мере вначале, избегали выставлять себя «великими». Выходцы из простых крестьян, проживавших в долине Арно, позже, когда их банкирский дом стал всемирно известным, любили подчеркнуть свою приверженность к простоте. Они строят не замки и дворцы, а скорее большие загородные дома, похожие на усадьбы. Со страной и ее народом род остается тесно связан в его действительно великое время, время начала. Политическое влияние, оказываемое Медичи, не имело ме-

тафизического происхождения. Оно пришло не «милостью божией», а от народа, от масс, благосклонности которых все время нужно было добиваться. В таком обществе, как флорентийское, где прежде всего играли роль деньги, среди всех больших и маленьких коммерсантов города политический престиж зависел от имущества, а оно в свою очередь — от политического влияния. Что, кроме популярности, могло быть в таком городе ключом к коммерческому успеху? И что могло быть опасней, чем упование на переменчивый блеск такого успеха? Мелкие распри и гражданские войны считаются во Флоренции, где партии купцов постоянно спорят и конкурируют между собой, почти будничным делом. Все зависит только от того, чтобы медленно, но верно лавировать между всеми этими раздорами и одновременно не только не утратить накопленного состояния, а постепенно его увеличивать и чтобы это не слишком бросалось в глаза и не создавало новых завистников, короче говоря, сохранять олимпийское спокойствие. Этот слалом удался только Медичи. И весь мир сравнительно поздно заметил, какая финансовая мощь выросла, не привлекая внимания других, из собранных дуката за дукатом, чтобы впредь со всей буржуазной скромностью, приобщая золотой к золотому, заявить о своем влиянии.

Козимо Медичи, Отец отечества и первый из семьи, о которой мы знаем все подробности, известен своей изворотливостью. В дни молодости на церковном соборе в Констанце, где флорентийский банкирский дом был представлен вместе с конкурентами из Аугсбурга, Парижа и Венеции, как на современных международных ярмарках, чтобы заключить новые сделки, он поддерживает лжепапу Иоанна XXIII, Коссу. После его позорного смещения молодой банкир теряет тридцать пять тысяч дукатов, колоссальную сумму, которую только семья Медичи могла себе позволить вложить в заведомо гиблое дело. Однако позже Козимо с лихвой возместил эту утрату. Ибо все, за что он берется, ему удается. Он сторонник компромисса, умеренности, гармонии и прежде всего размышления. Со всех его портретов смотрит крестьянское умное, ничем не примечательное лицо со взглядом знатока толпы, одновременно полное смирения и хитрости. В течение тридцати пяти лет, находясь во главе своего банка, он захватывает один

за другим соперничавшие с ним банки родного города. Но все унаследованные или заработанные деньги он использует не для того, чтобы на глазах у общественности укреплять свою власть. Козимо не парвеню, он намного умней. Среди всего прочего он начал благотворительную деятельность. Он инвестирует свои средства «косвенным» образом и от своего избытка всегда отдает что-нибудь другим. Козимо организует в городе всегда желанные «circenses» для масс, оказывает содействие церкви, становится великим меценатом в искусстве. Всегда готов помочь другим, и его слава остается навсегда. Он приглашает художника Гирландайо в храм Санта Мария Новелла, чтобы тот для украшения церкви написал фреску «Житие Богородицы». На этой фреске можно увидеть также и членов семьи Медичи, их друзей и знакомых, известных гуманистов, и он делает это для своей посмертной славы. Монастырь Сан-Марко²³ полностью реставрируют, чтобы устранить повреждения, возникшие во времена силвестринцев. Когда же Брунеллески, его домашний архитектор и знаменитый строитель купола собора, предлагает спроектировать для него и его домочадцев княжеский дворец, Козимо отклоняет эту идею, ибо хорошо знает, что «королевства погибают от роскоши, строгость поднимает города, а высокомерие может быть повержено слабой рукой»; так гласит надпись, выгравированная на бронзовой скульптурной группе «Юдифь и Олоферн», изваянной рукой Донателло для дома Медичи. Нет, он не любит явную и бьющую в глаза роскошь, ибо всякому, кто когда-либо утратил благосклонность народа, достаточно только поскользнуться, чтобы лишиться денег и уважения, свободы и жизни.

Он продолжает руководствоваться своими старыми принципами и позволяет городу воспользоваться частью его денег. Таким образом богатство «демократизируется». Флоренция благодарна в те дни этому некоронованному владыке за благосостояние и процветающую торговлю, великолепные празднества и представления, поддержку нуждающихся и содержание собственных госпиталей. Макиавелли пишет по этому поводу: «Медичи воспитаны и вскормлены своими согражданами, но вскоре начинают обращаться с ними столь фамильярно, что те чувствуют себя даже польщенными».

Только один раз этот симбиоз действительно нарушен. В 1434 г. Козимо сначала держат под арестом во дворце Синьории, а затем на короткое время отправляют в ссылку. Но он вскоре возвращается, полон надежд и желания простить тех, кто не понял его манеру делиться своим богатством со всеми, он олицетворение энергии, когда идет речь о деле и предъявлении неоплаченных счетов, а также когда нужно поставить на место некоторых конкурентов, все еще кажущихся опасными. Козимо и в дни изгнания достаточно мудр, чтобы не связывать себя навсегда обязательствами. И он прав, придерживаясь мнения, что окончательные решения и меры не всегда верны и что сегодняшние враги могут завтра оказаться друзьями. В 1464 г. он, кого гуманисты называли Отцом отечества, а не императором, умер. Но почетный титул Отца отечества пережил его, а это было звание, относившееся к римским императорам, которое римский сенат присвоил Августу в 8 г. до н. э. Присвоение такого титула частному лицу было явлением экстраординарным. Хотя некоторые правители Ренессанса, одержимые манией величия, и требовали себя так называть, все же так спонтанно и с таким значением, как в случае с Козимо, этот титул никогда и никому больше не присваивали.

Еще более знаменитый, чем Козимо, его внук Лоренцо Великолепный, прозванный Марсилио Фичино Сыном солнца, во многом продолжает традиции деда. Его поэтическая одаренность и чрезвычайная утонченность любителя искусства сделали его еще при жизни видным человеком. От него даже ожидают наступления «золотого века». И он с помпой устраивает празднества для народа. Масса турниров, концертов, факельных шествий и фейерверков должны привнести дух античности во все более политически и экономически осложняющееся время. И Лоренцо действительно изо всех сил старается достичь невозможного. Якоб Буркхардт полагает, что Великолепный умел завораживать окружающих не столько своим равным княжескому положением, сколько чрезвычайно счастливым складом характера. И абсолютно логично, что с него, с Великолепного, Сына солнца, долгое время бывшего идеалистом и благодаря этому соответственно используемого своим окружением, начинается закат рода Медичи, ибо апогей Медичи, собст-

венно говоря, уже пройден, хотя роду и предстоит еще совершить немало деяний, кажущихся величественными. Он дает церкви еще двух пап — Льва X и Климента VII, а миру — двух французских королей. Однако за растущим внешним блеском еще при жизни Лоренцо все более властно обозначается пустота. Гуманистически образованный, интуитивно мыслящий и живущий, Великолепный не очень-то любит маленькие коммерческие секреты, которые обожал старый Козимо. Дед крепко держал в руках банк, основу благосостояния и дальнейшего подъема, и своих служащих. При Лоренцо же после периода последовательного расширения деятельности начинается постепенный спад, вызванный слабой координацией деятельности филиалов, явными и все же неустранимыми недостатками, а также разразившимся во второй половине XV в. кризисом. В последующее время Лоренцо Медичи вынужден взять большой кредит у родного города. Макиавелли замечает по этому поводу: «Что касается частных дел, и прежде всего коммерческих сделок, Лоренцо был не очень удачлив. Из-за халатности своих служащих, занимавшихся делами банка не как простые люди, а вершивших их как «князья», средства дома были распылены, и Лоренцо был вынужден сознаться, что отчизне пришлось поддержать его солидной суммой денег». Сегодня уже невозможно точно отделить личные средства от тех, что назывались «деньгами отечества». И вряд ли можно узнать, не смешивали ли Медичи уже давно государственную казну с личными деньгами. Поэтому вопрос о «получении кредита» остается открытым. Но бесспорно, что финансы банкирского дома были уже не в столь блестящем состоянии, как прежде. А новые исследования показали, что финансовая империя Медичи незадолго до смерти Козимо пошла под уклон. Правда, многочисленные банкротства банков, следовавшие в 1496 г., после его смерти, затронули банк Медичи только косвенно. Плохие многолетние балансы, как полагает Андреас Гроте, возможно, были неизбежным следствием репутации Медичи, согласно которой их считали кредиторами, обладавшими неисчерпаемыми богатствами. И чтобы сохранить эту репутацию, очень льстившую их самолюбию, банкиры из Флоренции и в последующие годы предоставляли кредиты за кредитами, хотя их дела уже

шли не очень хорошо. Этому способствовал, по определению Макиавелли, и новый «стиль» жизни директоров банков в других городах, таких, как Портинари в Брюгге и Милане, всегда готовых инвестировать деньги банкирского дома в произведения лучших мастеров: Гуго ван дер Гуса или Ганса Мемлинга. Все это долго продолжаться не могло.

И другие дела Великолепного шли не столь хорошо, как позволяло предполагать его прозвище. Правда, однажды в жизни ему неслыханно повезло. В 1478 г. он пережил заговор банкирской семьи Пацци, который некоторые современники сравнивали с заговором Кассия и Брута. Тогда в соборе с вехом папы Сикста IV, дела Ровере, пал жертвой коварного покушения только его родной брат Джулиано. Лоренцо сумел скрыться от убийц, выбравших для нанесения удара кульминационный момент мессы — вознесение святых даров после освящения. Оба священника, которые должны были совершить убийство во время воскресной торжественной мессы в церкви Санта Мария дель Фьоре, только ранили Лоренцо в шею и руку, а Джулиано был ранен смертельно. Лоренцо бежал через зал собора и спасся в ризнице. А в это время знавший обо всем архиепископ и его окружение на площади Синьории известили народ Флоренции о смерти тирана, надеясь, что их поддержат.

Город, если так можно выразиться, поддерживал традицию убийства тиранов. Поэтому надежды заговорщиков не строились на песке. С XIV в. Брут считался во Флоренции республиканским идолом. Когда в 1513 г. князь одного юного флорентийца, противника Медичи, он умоляет своего друга, пытавшегося его утешить, чтобы тот отвлек его от мыслей о Бруте, дабы он мог умереть как истинный христианин. Макиавелли в своем «Discorsi» — «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» — в 1517 г. хвалит Брута²⁴, называя его образцом республиканской любви к отечеству. Микеланджело в 1542 г. сделает для кардинала Ридольфи, позже ставшего одним из основных противников семьи Медичи, набросок бюста Брута, ныне хранящийся флорентийцами в их музее Барджелло. А доктрина тираноубийства уже давно приобрела богословское значение. Один парижский коллега противника Гуса, Жерсона²⁵, по имени мэтр Пети²⁶, сделал в свое время по этому по-

воду соответствующий доклад. Горячо спорили по этому вопросу на церковном соборе в Констанце. Это новшество вызвало беспокойство во всей Европе. Ибо научное и особенно богословское обоснование практики убийства было революционным поступком, привлечшим не меньше внимания, чем его дальнейшая трактовка кальвинистами. Итак, у флорентийских убийц в 1478 г. были определенные основания, что народ их поддержит. Казалось, что почва для этого была подготовлена.

Но желаемой поддержки они не получили. Массы направили свой гнев в противоположном направлении. На убийц и заговорщиков устраивают охоту без всякой жалости. Архиепископа, не долго думая, повесили на окне дворца Синьории, с другими участниками путча поступают не лучше. Итак, заговор, заботливо подготовленный и разработанный до мелочей влиятельными политическими силами города и внешними силами, заговор, который должен был стоить жизни Лоренцо Великолепному, заканчивается превозношением ненавистного властителя. Горько разочарованный неудачей путча, Сикст IV на кровавую баню, устроенную заговорщикам, отвечает своим обычным оружием — преданием города анафеме и интердиктом, но римлянин, как это часто бывало, своими мероприятиями ничего не добивается. Напротив, проклятые консолидируются еще больше, чем прежде, и воздают почести выжившему Лоренцо. Народ выделяет ему телохранителей, а многие молодые флорентийцы еще месяцами носят траур по Джулиано. Макиавелли комментирует удивительный ход истории с большим пониманием сути дела: «В это тяжелое время не было гражданина, который не пришел бы в дом Лоренцо. Каждый предлагал ему свою жизнь, себя и свое состояние, так велики были счастье и любовь, которые дом Медичи снискал умом и щедростью».

Итак, Лоренцо повезло еще раз. И народ еще раз принимает его сторону, поддерживая так явно спасенного провидением. Позднее, в том же году, Лоренцо окончательно захватывает власть во Флоренции, и делает это абсолютно «законно», в рамках конституции города. Наступает тирания — деспотизм в бархатных перчатках.

Некоторые исследователи той эпохи считают это событие единственным счастьем его жизни. Прозвище Великолепный, которым наградили Лоренцо современники

и подтвердили потомки, может привести к неверной точке зрения, что для развития города и его культуры он сделал больше, чем Козимо. Таким прельстительно звучащим прозвищем можно внушить непосвященному, будто Лоренцо был типичным представителем эпохи и в этом отношении превосходил своего предка. И тем не менее, если можно было бы сравнить энергию обоих Медичи, способствовавшую развитию искусства, то, несмотря ни на что, победителем вышел бы Козимо. Ибо Отец отечества сделал в свое время для архитектуры Флоренции больше, чем все остальные Медичи, вместе взятые. Во все времена он считался своими почитателями тем самым Медичи, который наиболее совершенно сумел воплотить в зримые формы гармонию и чувство меры флорентийцев, то, что позже будет называться «disegno». Все, чему он способствовал, что поощрял и совершал, отличалось простотой и достоинством, поскольку соответствовало его представлениям об этике и эстетике. Уже Леон Баттиста Альберти отметил, что поступки Козимо — следствие «*commoditas et voluptas*», простой и вместе с тем полной достоинства жизни, бывшей столь типичной для Флоренции. Согласно Альберти, как в музыке, так и в архитектуре спокойная гармония задает тихий ритм, навсегда пленяет своими совершенными пропорциями созерцателя и слушателя. Теория «божественной пропорции», метафизика чисел и «золотого сечения» в эстетике Ренессанса играют настолько большую роль, что такого человека, как Козимо, пытаются выдать за типичного представителя своего времени, за великого вдохновителя искусства, личная жизнь которого и натура якобы полностью соответствуют масштабам эпохи.

Лоренцо же, утративший меру в коммерческих делах, то есть в своей профессии, больше не отвечает этим требованиям в той степени, в какой им отвечал дед. Правда, после злосчастной интермедии со сторонником семьи Папцы папой Сикстом IV он уже при его преемнике — Иннокентии VIII вновь становится банкиром папства. Новый папа женит своего сына на дочери Лоренцо и возводит подростка-сына, Джованни, позже ставшего Львом X, в сан кардинала римской церкви, правда, не без того, чтобы получить от гордого отца — конечно, ради славы города Флоренции — колоссальную сумму в двести тысяч дукатов из государственной казны.

Несмотря на это, звезда рода закатывается. Уже торжественное прозвище Великолепный в достаточной степени объясняет, в чем следует искать основную причину этого медленного упадка дома. Старый Козимо слыл Отцом отечества. Он сеял, строил, активно жил и брал взамен. Великолепный умеет только пожинать. Он живет для себя, причем все больше и больше увлекается показной стороной жизни. К этому следует добавить, что его титул можно присвоить каждому гражданину, кто превзойдет остальных, и это также является признаком будущих осложнений в «демократическом» городе Флоренции, все более возвеличивающем сильную личность, поскольку буржуазия, кажется, устала от своих республиканских свобод. Вторичная и производная роскошь Сына солнца впредь все больше и больше будет характеризовать постоянно увеличивающуюся внутреннюю пустоту эпохи. В результате шока, вызванного заговором Пацци, Лоренцо углубляется в философию. Платоновская академия²⁷, основанная Козимо на церковном соборе во Флоренции как результат его увлечения «греческим», при ее главе Марсилио Фичино становится местом встречи образованных людей. Флоренция в это время является столицей гуманизма. Город насчитывает (с тогдашними цифрами следует обращаться осторожно) около восемнадцати тысяч домов и приблизительно сто тысяч жителей. А со всех сторон стекаются все новые люди, одни жаждут учиться и узнавать, другие изгнаны из своих стран. Художники и философы толпятся вокруг флорентийского двора, чтобы получить первое поощрение от Медичи. На таких торжественных приемах присутствует Анджело Полициано, приходит и Микеланджело. Лоренцо быстро распознал этого молодого гения. И Микеланджело останется в городе, пока Медичи не будут изгнаны. Итак, рядом с Великолепным живет хорошо. И все же эта жизнь принимает все больше театральный и романтический характер. Торжества, устраиваемые, чтобы отвлечь внимание «народа» от серьезных проблем, копируют старые нравы; в их ходе выставляют напоказ вооружение и одежду, короче говоря, разыгрывают «комедию». Но глубокий смысл имитируемых турниров, высокий драматизм поединка, каким его знали «варварские» времена, утрачивается. И многое, слишком многое, что хочет утвердить Лоренцо в городе, уже давно утра-

тило смысл. Даже лихорадка эпохи открытий, несмотря на все успехи, несет в себе нечто иррациональное, почти болезненное. А знаменитые «trionfi», мифолого-аллегорические групповые картины, становятся символом внешней роскоши того времени, которое искало смысл только в показном и при этом, как сказал бы Савонарола, могло создать только легко уязвимую «суету». В конце этого периода исторического развития, по всей видимости, даже все святое, что еще могло сохранить средневековье, превращается в разновидность театрализованного представления. Оно мелькает, как пестрое обозрение перед приглашенными зевачами. Человек сидит в церкви, как в ложе театра, в то время как перед ним со всеми тонкостями и театральными эффектами разыгрывается возвышающая его пьеса из истории религии, уже давно проигравшей поединок с разумом. С этой точки зрения Александр VI, Борджа, был истинным христианином своего времени. Он больше, чем другие, входит в рамки эпохи. Но и он, весельчак, ничего не добивается. Ибо уже давно жаждущий открытий человек взмыл во Вселенную, веря, что он ее освоит и подчинит. Он обретает себя после совершенного Коперником в науке переворота, которому Лютер ничего не смог противопоставить, кроме своей «веры», так как и он был существом, несущимся на небесном теле, больше не являющемся центром Вселенной. А в космосе царит ледяной холод, что рано или поздно заметят все. Да и сам бог больше не находится на своем прежнем месте. Он погружается в бесконечность, сначала пространственно, а очень скоро и в системе богословия. «Познать» его становится все трудней. Момент его смерти приближается.

Что же остается делать в этой ситуации роскошному Лоренцо и его двору? Якоб Буркхардт еще раз берет Великолепного под защиту, когда пишет, что не может быть большей несправедливости, чем обвинение Лоренцо «в преимущественном поощрении заурядных умов». Но и Буркхардт не может не констатировать в окончательном суждении по поводу Медичи, что он вряд ли был «всесторонне развитым человеком». Таким образом, историк выносит уничтожающий приговор главному представителю эпохи, высочайшим идеалом которой было открытие и создание «homo universale» — универсального человека.

Как бы то ни было, но оценка Великолепного Буркхардтом подтверждает мнение, что при Лоренцо веселым, приятным людям, остроумным собеседникам легче, чем другим, удавалось завоевывать благосклонность мецената Медичи. Такое утверждение тоже много говорит о человеке, который искал дух Ренессанса прежде всего во внешних сторонах явлений. И вполне очевидно различие между ним и Козимо — патриархом, основателем и созидателем. Лоренцо только наследник, основная задача которого — удержать власть и имущество деда. В то время как Козимо воодушевляли великие архитектурные проекты, внук, по всей видимости, скорее коллекционер декоративных предметов, на которых он часто приказывал выгравировать свою фамилию. Козимо предпринимал колоссальные усилия, чтобы украсить город, в то время как Лоренцо был в состоянии придать этим мероприятиям только последний лоск и построить красивый фасад. Еще и сегодня подробные каталоги коллекций Медичи, собранных Козимо и Лоренцо, позволяют судить о характере коллекционера и его увлечениях. Лоренцо и с этой точки зрения вряд ли является отцом, в лучшем случае он потомок.

Но то, что Медичи уже с некоторого времени стали не тем, кем были раньше, видят во Флоренции только тогда, когда проповедующий покаяние Савонарола все более расширяет свое влияние. Тогда сразу конкретно противопоставляются друг другу две личности: монах и светский человек, два полюса города и два непримиримых мировоззрения. Но сначала народ Флоренции выжидает. В будущем у него будет достаточно возможностей для вмешательства. Тогда он поднимет и вновь низвергнет как партию Медичи, так и брата Савонаролу.

II
ИГРА С ОГНЕМ

*Божий огонь горит во мне,
и, если я не дам ему выхода,
он сожжет меня.*

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

СОЖЖЕНИЕ СУЕТЫ

Историки обратили внимание, что дед Джироламо Савонаролы, придворный врач и известный сочинитель медицинских учебников Микеле Савонарола, в свое время в многочисленных трактатах затрагивал тему церковного покаяния и при этом всегда восхвалял Священное писание в качестве истинной основы для реформы. Этот человек, прочно опиравшийся на традиции церковного учения, как и многие верующие «миряне», и прежде всего озабоченный привилегированным положением духовенства, по всей видимости, сумел воспитать своих родственников в определенном духе. У Деда было восемь детей: три замужние дочери живут в Падуе, пятирх сыновей он берет с собой в 1440 г. при переезде в Феррару. Трое из них принимают рукоположение и становятся духовными лицами невысокого сана, один, как отец, выбирает профессию врача, а сын Николо — меняла и купец. В его супружестве с Еленой де Бонакосси родилось семь детей, среди них Джироламо Савонарола; один его брат стал священником, другой — врачом.

По современным понятиям, семья принадлежала к верхушке среднего сословия, она была состоятельна, а ее члены образованны.

Джироламо Савонарола, родившийся 21 сентября 1452 г. в Ферраре, став позже знаменитым проповедником покаяния, с благодарностью вспоминал о религиозном воспитании, полученном от деда и продолжавшемся почти шестнадцать лет, до смерти обожаемого предка. Дед обращает такое большое внимание на основательное гуманистическое образование молодого Джироламо, что он через десятилетия, когда его будут называть хулителем классических трудов в угоду своему «сожжению суеты», не без удовлетворения сможет заявить: «Я тоже познакомился с поэтическими школами, бродил по неплодородным дебрям стихотворных размеров и при этом всегда подставлял руку под розгу. Но божья благодать раскрыла мне глаза, и я покинул эти дебри, чтобы насладиться более сладкими плодами в церковных садах...» Эти гордые слова, стиль которых обусловлен временем, на что можно спокойно не обращать внимания, свидетельствуют о его самостоятельном выборе и религиозном призвании. Во всяком случае, было бы несправед-

ливо обвинять его в недостаточном образовании. Он не придурковатый нищенствующий монах, отгораживающийся «во имя неба» от идеалов своего времени или считающий их с самого начала второстепенными, вместо того чтобы попытаться понять их. Нет, решение Савонарола принимает значительно позже. Сначала монах ревностно шел по «пути образования», характерного для своей эпохи, а это что-то значило, если сравнить его с молодым Мартином Лютером, на будущую жизнь которого оказало большое влияние как раз то, чего он не смог получить в своих школах. Виттенбергский монах всю жизнь сожалел о пробелах в своем образовании. Однако изменить этого положения уже не смог. Далекая Саксония не могла предоставить в его распоряжение даже малую толику того, что другому студенту в блестящей Ферраре получить было совсем просто. Свет гуманизма, сияние Ренессанса — все это было тогда привилегией Италии. Германия — мрачная страна почти на окраине просвещенного мира. Лютер во время своей поездки в Рим остро это почувствовал, но подучиться многому уже не смог. Он слишком скоро с головой уходит в процесс Реформации. У Германии были совсем другие заботы, чем у той прекрасной Италии, где «*otto senza lettere*», как называл себя Леонардо да Винчи, мог постоянно продолжать свое образование, когда его, как и всякого гения, подстегивало ненасытное любопытство и он не хотел ограничиваться уже достигнутым в науке.

Во всяком случае, перед Джироламо Савонаролой мир был открыт. После первоначального гуманистического образования он изучает «свободные искусства», готовясь к заветному медицинскому образованию. Он много времени посвящает изучению Аристотеля, вновь открытого для изучающих философию и теологию. Но особое предпочтение он отдает естественным наукам. Само собой разумеется, что при этом он остается в плену докоперниковского мировоззрения, однако в данном случае это роли не играет. Его часто можно услышать, видеть в кругу сокурсников, ведущих схоластические споры. Они все полагают, что молодому магистру предстоит хорошая карьера. Но о богословии и пострижении в монахи нет и речи. Свидетельства современников, хотя они очень скудны, в этом вопросе довольно однозначны. Все же не следует

повторять старых ошибок авторов легенд, описывавших его молодость, как им вздумается, чтобы позже настоятельно утверждать, что внезапно произошло «прозрение». Вообще о его молодости отсутствуют венки из легенд, сплетенные, к примеру, вокруг Франциска Ассизского²⁸; складывается впечатление, что Джироламо Савонарола вступил в жизнь, минуя юность. И сколько бы иные биографы старательно ни искали параллели с молодым Лютером, для которого Реформация уже в молодые годы была делом жизни, их нет.

Нет, молниеносного прозрения не было. Не было и отчаяния, «превратившего» его в монаха. Выбор жизненного пути, о котором Савонарола сообщает в вышеприведенной цитате, пока еще даже не намечен. Более того, молодой Джироламо, как и большинство молодежи его времени, увлекается поэзией Петрарки. Конечно же, появляется и девушка, которую он воспекает в стихах. Но из-за неразделенной любви, как довольно шаблонно пытались объяснить некоторые, Савонарола не стал проповедником покаяния. Это объяснение слишком неубедительно, чтобы с ним можно было согласиться.

Тем не менее одно из важнейших свойств этой нормально протекавшей юности проявляется все отчетливей: это ярко выраженная склонность к размышлениям, все более усиливающиеся поиски правды. Во время одиноких длительных прогулок молодой человек задумывается о смысле жизни. И это в порядке вещей. Скорей необычно, что ответ на свои мысли он все больше и больше находит в Священном писании, — не у философов и богословов своего времени, а у ветхозаветных пророков, от духовных начал которых он не освободился всю свою жизнь. Невольно вспоминаются многие подобные переживания, связанные у некоторых религиозных радикалов с Библией, которой они обязаны своим призванием.

Молодой Джироламо Савонарола вступает на такой же «опасный» путь. Он тоже позволяет себе вольность именно «так» дать воздействовать на себя Священному писанию. Его вера в Библию не результат чисто умственной деятельности, а скорее плод последовательных переживаний. Он все больше и больше учится у пророков говорить притчами, образно мыслить и высказываться, что было очень важной вехой на пути становления проповедником. И с этого момента он присоединяется к богатой традиции

реформаторского подчеркивания слов Библии и, быть может, вступает в ряды тех, чье увлечение Священным писанием носит черты сектантского «библицизма». Но «библицизм», то есть желание толковать Библию самому и передавать текст аутентично, для церковной верхушки всех времен был так же опасен, как для светских господ. Достаточно вспомнить, что в «Двенадцати статьях»²⁹ в 1525 г. не случайно появилось революционное требование читать проповеди «громко, ясно и ничего не добавляя к написанным словам».

Поэтому не удивительно, что Джироламо Савонаролу подозревают в «библицизме» и упрекают за его трактовку Евангелия, якобы выходящую за рамки церковного и мирского порядка. Молодой человек очень рано приходит к мысли, что Библия, сама по себе, достаточно четко выражает всю сущность вещей. Традиционные комментаторы, которых и гуманисты вскоре назовут «варварами», утрачивают свое влияние на него. Таким образом, Савонарола, возможно, сам того не желая и не догадываясь об этом, становится ярко выраженным представителем своего времени. Он отказывается от «старого», схоластического, живущего толкованиями комментаторов со всеми их сносками в пользу оригинального, древнего, единственного источника. Религиозное чутье гения само по себе помогает найти ему путь назад к неискаженной и некомментированной правде. С ней, а не с ее церковным поверхностным толкованием флорентийский проповедник будет позже соизмерять также и церковь своего времени.

В двадцать лет Джироламо Савонарола пишет поэму под названием «Гибель мира». А через три года еще одну — «Гибель церкви». Так он находит путь к своему призванию, от которого никогда не откажется. Поскольку же он пришел к мнению, что осуществить его можно лучше всего, будучи монахом, — а этой точки зрения он придерживается всю жизнь, несмотря на все искушения, — он без дальнейшего промедления подготавливается к уходу в монастырь. Ставшее неизбежным расставание с родными местами тем не менее далось ему нелегко. К тому же и родители отнюдь не обрадовались этому неожиданному шагу сына, показавшемуся им немотивированным. Молодому Лютеру позже, во времена его ухода в монастырь августинцев, было не легче, чем молодому Савонароле; отец без обиняков выгнал его из дома за

немыслимый выбор профессии и «простил» только тогда, когда он, став зрелым мужчиной, как и другие люди, завелся женой и ребенком. Этот проступок, примиривший отца Лютера с сыном и представлявший собой последний явный разрыв с римской системой законов, доминиканский монах Савонарола не только не совершил, но даже и не собирался совершить. В этом отношении он остается противоречивым. Его представление о верности оспариваемой церкви и своему «я» несравненно статичней.

Чтобы избежать жалоб и упреков родственников, Джироламо уходит не в богатый монастырь своего города Феррары, а в монастырь Болоньи. Дальнейшие подробности этого пострижения в монахи нам, к сожалению, не известны. Но ни в коем случае нельзя предполагать, что Савонарола стал монахом, чтобы вести беззаботную жизнь, как однажды сказал о себе Ян Гус: «Я хотел поскорей стать священником, чтобы обеспечить себе гарантированные средства к жизни, хорошо одеваться и стать уважаемым лицом». А то, что Джироламо Савонарола решил стать именно членом ордена проповедников, следует отнести к его почитанию Фомы Аквинского³⁰, великого ученого доминиканца.

Пока историки еще не занялись интенсивным исследованием этой темы, мы можем объяснить себе решение молодого человека из Феррары только тем, что Джироламо Савонарола собирался этим шагом положить начало реформе. Только много позже плохо осведомленный ранее монах догадается, что его взгляд на реформу как на нечто присущее самой системе и решение проложить к ней путь через монашество были не совсем правильны. Савонарола, правда, говорит о «божьем огне, горящем в нем, который сожжет его, если он не даст ему выхода». Но именно такой огонь и не нужен. Более того, его собратья будут все время стараться погасить это пламя.

Нигде Савонарола не встретит такого непонимания, как со стороны своих. Это и о нем сказано, что «нет пророка в своем отечестве». Но своего решения он все-таки не изменил. Неизвестны причины, почему он не пошел по пути, по которому позже и до конца шел Лютер, а все время пытался осуществить страстно желаемую реформу сначала на самом непригодном для нее объекте — в собственном ордене.

27 апреля 1475 г., едва достигнув двадцати трех лет, он получает облачение доминиканца и следует своему выбору всю жизнь. Ему никогда не пришло в голову отказаться от монашеского обета. Напротив, другие, официальное духовенство и собратья по ордену, оттолкнули его, когда за несколько часов до казни с позором изгнали его из ордена. Пока же об этом еще никто не думает. Во всяком случае, молодой магистр полагает, что, будучи монахом, он легче распознает собственную «суету» и сожжет ее. С этого момента он окончательно принял решение, а родственникам остаются только переживания. «Мать, — сообщил он позже, — плакала в течение нескольких лет. Я ее не утешал. Достаточно и того, что она поняла, как она была неправа». Как просто все это звучит у радикалов. Они считают так: кто положит руку на плуг и оглянется назад, тот недостоин божьего царства. Так воспринимают ортодоксальный текст Священного писания. И так следует идти вперед, все время вперед и без оглядки — считает молодой член ордена. Правда, при этом он не замечает, что выбранное им сообщество скорее затормозит его дело, чем продвинет вперед. Ибо орден, в который вступил Джироламо Савонарола, уже давно находится в довольно опасном состоянии внутреннего брожения и раскола, короче говоря, является точным отражением окружающего мира и церкви.

С исторической точки зрения было бы несправедливо утверждать, что молодой Савонарола обрел весь смысл более позднего своего призвания еще при вступлении в орден. Пророком он становится не сразу. Он не религиозный «вундеркинд». И все же испепеляющий его огонь, о котором он говорит и который постоянно оберегал его от равнодушных собратьев, можно обнаружить уже в ранних свидетельствах о нем. И недалек тот день, когда он получит достаточно возможностей зажечь и других. Пока же он должен еще раз пройти суровую школу богословия. Стать доминиканцем означало стать проповедником, чтобы опровергать ложные учения «еретиков». И конечно же, овладение этой профессией предусматривало солидную подготовку. Джироламо Савонарола занимается этим почти десять лет. Правда, имен большинства его учителей мы не знаем, но надо полагать, что они были незаурядными людьми, поскольку ученые Болоньи имели славу первоклассных.

В конце апреля или начале мая 1476 г. Джироламо Савонаролу допускают к орденскому обету. Свое имя, полученное при рождении (Джироламо, Иероним), став членом ордена, он может не менять. Нам неизвестно, когда юный монах получил сан священника. О нем услышат вновь только тогда, когда его в 1479 г. пошлют для дальнейшего обучения в родной город Феррару. Там он пребывает три полных года, до тех пор, пока внешнеполитические обстоятельства — война Феррары против Венеции — не заставят его начальство распустить монастырь, а учащихся послать в монастырь другого города. Этот монастырь, настоятелем которого он становится позже, и был монастырем Сан-Марко. А город, который станет его судьбой, — гордая Флоренция. Там он узнает, что представляет собой сила, исходящая от монастырей города. Но через некоторое время он узнает, что эта сила имеет и оборотную сторону — это колосс на глиняных ногах, потому что внешнему влиянию могущественных орденов больше не соответствует внутренняя сила. С этой точки зрения Савонарола опоздал родиться на сто лет. Он не пережил весну, а вошел в осень своего сообщества. И его попытки все изменить можно характеризовать не как усилия начала, а как отчаянные попытки замедлить приближение конца. Однако он еще может использовать внешнюю оболочку духовной власти. Переход Савонаролы в 1482 г. во вторую флорентийскую обитель доминиканцев, в Сан-Марко, предопределил судьбу молодого монаха. Ибо в отличие от аристократически выглядевшего главного монастыря Санта Мария Новелла, где привыкли останавливаться папы, а монахи все более склоняются к «умеренному» направлению в ордене, в Сан-Марко проживают, по общему мнению, еще некоторые «более строгие», которые по крайней мере до последних месяцев жизни Савонаролы могут оказывать некоторое сопротивление признакам разложения в собственном ордене. Но и здесь все относительно. Ибо и Сан-Марко, не в последнюю очередь по причине приданого, полученного от Медичи, не совсем свободен от склонности к роскоши.

Савонаролу в монастыре вскоре удостаивают почетной должности чтеца — что-то вроде доцента богословия. И юный монах предпринимает первые попытки читать проповеди. Однако если, будучи доцентом, он добивается некоторого успеха, то в качестве проповедника у разбор-

чивой публики медичейской столицы ему не слишком повезло. Его голос слаб и не сформировался, наречие вызывает насмешки, а жесты неуклюжи. Он позже сам расскажет об этом времени: «Все мои старания тогда были бесплодны». Он постоянно теряет слушателей, и после недолгой деятельности вспомогательного проповедника в других местах его в 1487 г. отзывают в Феррару. Причины этого шага руководства ордена остаются неясны. Но не будет ошибкой предположить, что Лоренцо Медичи оказал некоторое давление, чтобы избавиться от предсказателя бед, который в то время уже начал излагать свои, позже ставшие знаменитыми, «три тезиса»: 1) церковь следует покарать, 2) только так она сможет обновиться, 3) все это следует сделать поскорей.

Но и в родном городе, Ферраре, Савонарола не пользуется успехом, так что его вновь посылают странствовать, и, конечно, пешком. Он ведь нищенствующий монах, и при этом не инквизитор; он идет в Брешию, Геную, Болонью, пока его, по всей видимости по настоянию его покровителя Джованни Пико делла Мирандолы, не отзывают опять во Флоренцию, куда он придет летом 1490 г.

Это второе пребывание в городе внесло в его жизнь коренное изменение. Монах как будто преобразился, и внешний успех, заставивший себя так долго ждать, появляется сам по себе. Весной 1491 г. Савонарола впервые читает проповедь в соборе, и уже в июле этого года собор братья выбирают его своим настоятелем. Со дня избрания приором монастыря Сан-Марко начинаются резкие противоречия с Лоренцо Великолепным, прежде проявлявшиеся в завуалированной форме. Неугомонного монаха еще раньше предупреждали, чтобы он не затрагивал «определенную тему», а именно не говорил бы о Медичи и их статусе во Флоренции, но он не обращал внимания на эти предостережения. Более того, он утверждал, что его задача с двойной силой — светской и церковной, с двойной мудростью — философской и богословской, бороться против двух зол — открытого и скрытого. И когда новый настоятель наотрез отказывается нанести формальный визит вежливости в дом Лоренцо, явного покровителя монастыря, сторонники Медичи и их внутригородские противники поняли, что час пробил.

Положение Лоренцо в это время и без того плохо. Дела его банка идут не очень хорошо. Благосклонность

народа он, кажется, может поддерживать только с помощью «сісценса». Противники из знатных семей уже ожидают своего часа. А Джироламо Савонарола принимается, воодушевленный своими вещими снами, неутомимо подтачивать бастионы «городского тирана». Он заявляет, что в обществе все зависит от личности властителя. Если он морально неустойчив, то деградация всего города неотвратима, а это означает, что правосудие приходит в упадок, мелкий люд облагается налогами несправедливей, чем когда-либо, бедноту угнетают, результаты голосования в коммуне фальсифицируются. Короче, процветает коррупция, поскольку насаждаются продажные чиновники, заботящиеся только о благосклонности тирана. К тому же ведутся несправедливые войны с другими коммунами, что способствует упадку морали. В общем и целом картина упадка является точным отражением сущности верховного «signore», то есть Лоренцо де Медичи.

Правитель города воспринимает новые настроения и сначала пытается парализовать деятельность надоедливового молодого человека. Он несколько раз посещает монастырь, слушает мессу и делает «благочестивое пожертвование». Но новый приор не реагирует на это. Тогда Великолепный обращается к испытанным средствам, он хочет выбить клин клином и нанимает «контрпроповедника» — члена одного из многих конкурирующих орденов. Тот в качестве проповедника несравненно выше брата Джироламо, но и он не в состоянии справиться с доминиканцем. Также и представителям знатных граждан Флоренции, посланных Лоренцо, ничего не удастся сделать. Настоятель монастыря Сан-Марко продолжает читать проповеди и, как прежде, громогласно говорит о вещах, о которых отваживаются только шептать, чтобы не навлечь на себя судебного процесса по обвинению в измене.

Кажется, Лоренцо так точно и не узнал, с кем он имел дело в собственном монастыре. Новый приор был слишком неотесан, слишком недипломатичен, чтобы с помощью средств того времени его можно было уговорить в будущем быть немного «умней». Радикал, занявшийся спустя несколько лет и римским папой, в немногие оставшиеся месяцы до смерти Великолепного, кажется, пробует силы с властями предрержащими. Многие историки по этому поводу бессильны сказать что-либо. У нас очень много противоречивых данных о том коротком промежутке вре-

мени, а его трактовка учеными постоянно меняется.

Прежде всего каждый раз по-иному рассказывают о знаменитой сцене у смертного одра Лоренцо, когда Великолепный позвал приора к себе, чтобы примириться с ним. Да и сами факты рассказываются по-разному, а их интерпретация в зависимости от предубеждений изучающих то воздает похвалу стойкому монаху, требовавшему от городского тирана «обращения» до последнего вздоха, но ничего не добившемуся, то открыто насмехается над приором, не нашедшим ничего лучшего, как прочитать умирающему князю Ренессанса неуместную клерикальную проповедь о «морали».

В наши дни практически невозможно быть судьей в этом споре и окончательно узнать, что же, собственно говоря, тогда произошло. Согласно одному преданию, Лоренцо якобы сам послал за «единственным правдивым монахом, которого встретил в жизни», потому что Великолепный в голосе монаха чувствовал истинное величие. О другой версии говорил Гёте, написавший: «Этой великой, прекрасной, светлой жизни (Лоренцо) противопоставляет себя карикатурное, фантастическое чудовище — монах Савонарола, неблагодарный, упрямый, страшный, который по-поповски омрачает принятую в доме Медичи просветленную ясность смертного часа». Этой второй версии приписывают известный и часто комментируемый факт, что якобы Лоренцо, когда незадолго до смерти монах стал упрекать его в «нежелании покаяться», повернулся лицом к стене и не стал разговаривать с фанатиком.

Правда, все варианты имеют одно общее: настоящего примирения не состоялось. Лоренцо тоже не смог погасить или затоптать пламя монаха. А нерешенная проблема «реформы» мира и церкви, воплотившаяся в личности Джироламо Савонаролы, в годы после смерти Лоренцо приобретает еще большее значение. Между тем Джироламо Савонарола все больше становится выразителем настроений недовольных и дезавуирует в глазах всей общественности узаконенные самими Медичи их притязания на непоколебимую власть во Флоренции. В его словах, завуалированных «пророчествах», внимательные слушатели проповедника покаяния все отчетливей слышат призыв освободиться от тирании в городе. Слово «свобода» становится девизом освобождения, которое хотя и услышать флорентийцы, чтобы окончательно разру-

шить сферу власти Медичи. В настоятеле монастыря Сан-Марко беспокойный город находит наконец человека, который может дяляческой морали Медичи противопоставить требования Евангелия, не будучи дискредитированным собственной безнравственностью. В это время Савонарола завоевывает безусловное доверие. Он прямо идет навстречу общественному мнению и стремлениям масс. Монах все время говорит о «тирании», под которой понимает деятельность правительства, служащего не всеобщему благу народа, а только определенной личности или семье. Согласно этому определению, взятому из трудов Фомы Аквинского, дом Медичи, в лице его теперешних представителей, является прообразом тирании. Брат Джироламо, этой оценкой открыто высказал свое мнение и, выражаясь современным языком, стал называть противоевангельскими отношения государства и церкви, образовавшиеся во Флоренции и считавшиеся традиционными.

Он больше не избавится от духов, вызванных им, и потерпит поражение именно в результате взаимодействия «государства и церкви». Но в своей непримиримой борьбе он не заботится о подобных последствиях. Он твердо убежден в правоте своей миссии. При этом монах, как многие другие, руководствуется в своих поступках не политическим умом или земной мудростью, короче говоря, разумом, а только своим «пророческим» призванием и по примеру образцов из Ветхого завета открыто заявляет, что его единственный союзник — сам бог. И ему, с его пониманием действительности, в первые годы даже немного везет, ибо не в последнюю очередь своеобразное стечение обстоятельств, возникшее между гордыми своими традициями институтами и еще неопытными наследниками этой власти, создает во Флоренции ситуацию, которая благодаря неустанному фанатическому энтузиазму монаха достигнет такого напряжения, что будет достаточно одного, неверного движения — и поколеблется равновесие, созданное реальными политиками в свою пользу, причем все превратится в скверный балаган.

Два других соображения могли побудить Савонаролу, основывавшегося на евангельских традициях, которыми он жил, объявить войну Медичи и их притворству вплоть до радикального уничтожения всех иллюзий. Во-первых, еще старый Козимо говорил, что только с помощью молитвы «Отче наш» городом вряд ли можно править. Этим он

выразил определенное мнение о «реальной политике». Монаха же в этой области сначала можно было назвать кем угодно, только не реалистом. В его представлениях все больше оживала картина «божьего царства», в котором король Иисус Христос оказывает народу всевозможную моральную, духовную и материальную поддержку. Таким образом, Савонарола становится не только выразителем давней и богатой традиции христианства, но также одним из первых глашатаев тех религиозных революционных движений, которые начинают возникать в Европе заканчивающегося кватроченто. Но монах переживет крушение своих идеалов позднее, в тот момент, когда его лихорадочная активность больше не найдет отклика в народе.

Савонарола также всегда болезненно переживал, что Медичи в результате их близких отношений с папством считались в городе спасителями и хранителями истинной веры. Имея собственное мнение о действительном положении вещей в городе и его политическом полюсе — семье Медичи, монах постоянно старается не завязывать тесных отношений с этим домом и его римскими союзниками. Ибо Савонарола очень хорошо знает, куда может завести эта связь, основывавшаяся только на политическом расчете и на соответствующих взятках. Папы пользовались домом Медичи почти всегда в качестве своих банкиров. И обе стороны чувствовали себя совсем неплохо. Медичи со временем познакомились не только с новой двойной бухгалтерией, но также и с «*libro segreto*» (тайным вкладом) для домашнего пользования, а не для флорентийских налоговых учреждений. И они хранили как современные вклады под номером, также вклады высокопоставленных прелатов «*a discrezione*», это было очень важным достижением в то время частых перемен лояльности и везения также и в делах церкви. Однако эту особую форму религиозности и «служения богу» представитель «бедной церкви», Савонарола, отказывался понимать. «Придворный монастырь» Санта Мария Новелла, существовавший на щедрые дотации Медичи, поощрявшиеся папами, у настоятеля обители Сан-Марко вызывал отвращение. В оставшиеся годы своей жизни он будет бороться прежде всего о том, чтобы сделать из своего монастыря очаг «реформ» и с него начать обновление ордена, города и всей церкви. А тот, кто собирается встать на

пути его радикального плана, должен рассчитывать на ожесточенное сопротивление непримиримого монаха. Семья Медичи узнала это сначала, а клан Борджа немного позже.

Тогда эти взгляды Савонаролы были подкупающе новы. Поэтому во Флоренции все больше внемлют молодому голосу, доносящемуся из Сан-Марко. Это внимание народа, уделяемое проповеднику Савонароле, не случайно, ибо все видят, что дела Медичи идут под гору. При старшем сыне Лоренцо — Пьеро вскоре после смерти Великолепного начинается явный упадок семьи. Правда, постоянные атаки монаха при жизни Лоренцо еще не могли причинить много вреда, но уже вызывали сомнения в до тех пор не поколебленной законности деятельности Медичи и господства их во Флоренции. Этот посев дает хорошие всходы. Когда же наследник Лоренцо, Пьеро Медичи, все более проявляет себя неспособным властителем — флорентийцы в свое время говорили несколько дипломатичней: «sfortunato» (неудачник) — и когда стало ясно, что во главе правительства находится отнюдь не баловень фортуны, тогда конец Медичи становится только вопросом времени. Пьеро вообще ничего не делает или же каждый раз поступает неправильно. Он боится изменения воззрений на демократию. И он прав, поскольку его предостерегает опыт предков. Но на другой, не менее важный опыт рода он не обращает внимания. Он забывает, что «народ» надо постоянно привлекать для достижения целей семьи с помощью «circenses» отца Лоренцо или посредством «commoditas» старого Козимо. Оба презрительника устраивали первое или второе. И все проходило довольно благополучно. Пьеро же не присущи ни меценатство предков, ни скромность в обращении с согражданами. Ему и в голову не приходит, что он такой же гражданин, как и другие. Он хочет быть властителем Флоренции не только де-факто, но также по имени и титулу. Поэтому он нередко заключает союзы с иностранными державами даже против своего города и этим превращает свою семью в партию, борющуюся с большинством. Руководство государственными делами он передает в руки чужеземца низкого происхождения, а это позор, которого гордые флорентийцы ему никогда не простят. За все эти ошибки он поплатится. В 1494 г. пробил и его час. Через два года после смерти Великолепного Пьеро изгоняют из города в связи с итальянской кампанией французского короля Карла VIII.

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ

Карл VIII, молодой король Франции, начавший кампанию, чтобы защитить свои права на итальянском полуострове, в конце октября 1494 г. появляется на границах флорентийской государственной территории. Свою армию он разделил на две части. Одна должна была двинуться через Апеннины в Романью, другую король ведет сам вдоль побережья Тирренского моря на Пизу и Рим. Однако чем глубже французские воинские части проникают в Италию, тем большим становится беспокойство в городах полуострова. Повсюду рассказывают о тревожных знамениях, предвещающих приближающуюся опасность. Вновь плачут мадонны. Джироламо Савонарола, совсем как проповедник последних дней мира и провозвестник грядущего Страшного суда, говорит об апокалипсической неизбежности. Еще в проповеди перед Великим постом в 1494 г. он с нетерпением эсхатологического пророка, предвещающего грядущее бедствие, провозгласил свое до ужаса простое «cito, cito, cito» («быстро, сейчас же, сразу»). А в сентябрьские дни этого же года, когда француз продолжает продвигаться на юг, монах категорически заявляет о неудержимо приближающейся к городу «новой волне потопа», которая захлестнет всех, кто не спасется в новом Ноевом ковчеге, то есть в покаянии. Эти слова подобно шоку действуют на и без того запуганных слушателей. Даже властитель города Пьеро Медичи, «неудачник», в эти дни принимается за дело, чтобы отвратить грядущую беду. Он посещает Карла VIII в его боевом лагере. Затем он делает еще кое-что, и, как всегда, самое неверное: он капитулирует и без боя сдает город королю. Вот об этом флорентийцы с ним не договаривались.

Савонарола тем временем не сидел сложа руки, а добился лучшего в скверной ситуации: он окончательно превратил француза в исполнителя божьего гнева, от которого горожанам, если они все-таки не покаются, следует ожидать самого плохого. Поскольку же на Рим и нового, только что избранного папу Александра VI надеяться нельзя, то приходится прибегнуть к политике союзов, чтобы держать француза на расстоянии; с этого момента во Флоренции начинают верить только монаху, поскольку официальная церковь недееспособна. А противника французов на престоле святого Петра в Риме, так полагают многие,

следует проучить, ибо он, кажется, единственный, кто не собирается покаяться. Итак, в приходе «нового Кира», как называют Карла VIII, видят не только суровый суд, но и шанс к обновлению церкви, освобождению нового народа Израиля из нового вавилонского плена церкви. К тому же у властителя, перешедшего через Альпы, несмотря на все расчеты его противников, на знамени выткан девиз: «Missus a Deo» (посланный богом).

Окружение короля действует, как современное рекламное бюро, и заинтересовано в том, чтобы представить суверена законным наследником того легендарного Карла Великого, который в свое время произвел на итальянцев такое большое впечатление. А от потомка и продолжателя дела императора Карла Великого, нашептывают ловкие администраторы француза, пожалуй, можно ожидать и реформы коррумпированной римской церкви. Итак, ожидания населения полуострова довольно ловко сфокусированы на французском суверене. Итальянские праведники ждут этого освободителя. Ряд кардиналов, а прежде всего Джулиано делла Ровере, позже ставший Юлием II, уже приняли сторону короля, чтобы очистить Рим от теперешнего властителя, веселого испанца Борджа и его клана. Таким образом, галл, как тот «gallus»*, разогнавший ночь, о ком поется во время литургии, должен помочь разогнать римский мираж. При этих обстоятельствах не удивительно, что Савонарола, посланный флорентийцами, посещает французского короля и как религиозный фанатик кладет к его ногам надежды города. Но молодой француз, кажется, не очень интересуется этой миссией. Он воспринимает странного монаха, по крайней мере в то время, не совсем всерьез. Да к тому же он знал о капитуляции, предложенной ему Медичи. При этих обстоятельствах Карлу VIII действительно не было нужды выслушивать речи проповедника.

В это время Пьеро Медичи вновь вернулся во Флоренцию, полагая, что добился чего-то важного для своего города. Он, как было заведено в его доме, делает подарки народу, ради которого, но не от его имени, только что капитулировал. Пьеро в те дни даже не догадывается, что он скоро будет низложен. Флоренция же полна стыда и гнева за быструю капитуляцию, подписанную неспособ-

* Игра слов: gallus — петух и gallus — галл, француз.

ным Медичи. Это унижение переполняет чашу терпения. Ибо о сдаче без боя в городе речи не было.

Двери дворца Синьории, под защиту стен которого Пьеро Медичи и его приближенные пытаются укрыться, остаются закрытыми. Большинство членов синьории — противники его семьи. А монастырь Сан-Марко, где Медичи пытается спастись от народа, призванного к оружию, его не принимает. В этом месте неспособному потопку больше нечего делать. А на улицах города звучит клич: «Народ и свобода!» Городской дом клана берут штурмом и грабят, а те сокровища, что не успели спрятать в надежное место, уничтожают.

Скульптурную группу «Юдифь и Олоферн» работы Донателло члены синьории забирают из дворца Медичи и ставят перед своим дворцом, «как предостережение всем, кто отважится посягнуть на свободу флорентийских граждан». На картинах, изображающих казнь монаха, бронзовая группа видна перед дворцом Синьории, ибо флорентийцы забывают нескоро. Внезапно вспыхнувшая жестокость граждан, их самодовольная провинциальность, скептическое отношение к собственному городу и демократическая забота о его благе — все эти черты характера флорентийского гражданина вкупе с его неуравновешенной натурой слились воедино, чтобы свергнуть семью, угрожавшую свободе и все более отдалявшуюся от народа, который ее возвеличил. Клан считается теперь врагом «свободы». Савонарола сделал свое дело, а Медичи сами ему превосходно подыграли. Высокомерие потомков Козимо, начавших держать себя как «князья», горько отомщено. Таким образом, Медичи вынуждены оставить город Савонароле. Вследствие этого монах получает исторический шанс после свержения тиранов воплотить в жизнь собственные представления о свободе и равенстве.

Но приход нового тормозится. 17 ноября 1494 г. Карл VIII с триумфом входит во Флоренцию, это происходит в день смерти Джованни Пико делла Мирандолы, и город, как несколько напыщенно заявляет Марсилио Фичино, после угасания философского света освещается королевским светом, и, таким образом, по воле провидения ему не приходится жить ни одного дня во тьме. Пока знаменитого философа хоронят в Сан-Марко, город, заполненный чужеземными войсками, волнуется. Король сначала, кажется, не собирается осуществлять надежд,

возложенных на него, и вместо того, чтобы пойти на встречу праведникам, он выступает в роли политика и требует, к ужасу многих флорентийцев, восстановить старые права Медичи. Только с большим трудом удается отговорить Карла VIII от этого плана. С сувереном заключают официальный договор, по которому француз, называемый впредь «Maximus», Великий, обязуется и в будущем изгонять всех флорентийских тиранов, но одновременно оставляет за собой право реабилитировать Пьеро Медичи. Бывшего тирана больше не подвергают остракизму, отменяют премию, назначенную за его голову, и возвращают ему конфискованное имущество. Отменяют запрет тирану приближаться к городу ближе, чем на сто миль. Французскому королю выплачивают контрибуцию в сумме не менее ста двадцати тысяч дукатов и за это получают право свободного пребывания и торговли по всей Франции. Город удостаивают чести носить французский герб, а флорентийцы впредь могут пользоваться всеми правами французов. Все в целом — неплохая сделка. Впрочем, она не доставляет радости папе Александру VI, Борджа, в Риме, еще считающемуся в то время врагом французов. Флоренция присоединяется к Франции, и Савонарола поддерживает эту политику. Папе же остается только принять все к сведению.

Но и флорентийцы первое время не очень счастливы. Ибо король не собирается покидать город. Более того, Савонарола должен еще раз отправиться к Карлу VIII, чтобы предотвратить дальнейшее разграбление города. Он выполняет в угоду флорентийцам и третью миссию: монах все настойчивей уговаривает французов двинуться на Рим, чтобы король не медлил с выполнением своей задачи — реформы римской церкви. И французы действительно покидают город 28 ноября. Граждане «города французов» прощаются с союзными войсками еще радостней, чем они их встречали, да это и понятно. Так заканчивается, по крайней мере для Флоренции, военная интермедия. А политический флирт продолжается. Джироламо Савонароле это выгодно: флорентийцы остаются друзьями французов, а следовательно, и врагами папы, по крайней мере на некоторое время.

Монах в результате своих успешных ходатайств у короля французов все более становится выразителем мнения горожан. Именно теперь, после счастливого предотвра-

щения опасности с севера, после того, как страшный па-ломник, так полагает Савонарола, отправился в Рим, что-бы совершить реформу, монах может действовать во Фло-ренции по своему усмотрению. Ибо его пророчество о приближении нового всемирного потопа сбылось у всех на глазах. И еще одно: ковчег покаяния, кажется, дейст-вительно спас город. Что же нужно еще пророку, кроме очевидного исполнения его предсказания? Итак, в бли-жайшее время у монаха будут все возможности использо-вать успех. Ибо он вовсе не намерен так скоро покинуть испытанный ковчег покаяния.

Поводов для дальнейших угроз апокалипсического ха-рактера в то время имеется достаточно. Занимающиеся изучением этого периода наши современники знают о пря-мо-таки катастрофическом положении в мире в конце XV — начале XVI вв. И нас должно заставить задуматься знание того, что многие традиционные силы, от которых всегда ожидали только самого лучшего, поскольку они на протяжении столетий определяли политическую, эконо-мическую и культурную жизнь в рамках прочного соци-ального порядка, потеряли присущий им энтузиазм и утратили право на всеобщее доверие. И поддающиеся учету данные того времени, в той степени, в какой они нам доступны, также почти без исключения свидетельствуют о тяжелом процессе преобразования политических, религи-озных и экономических структур. Так, ко времени смерти Савонаролы население Европы насчитывало около шести-десяти миллионов. Но эта же цифра приблизительно соот-ветствует и данным 1300 г. Такая стагнация указывает, что в промежуточное время, вероятно, были тяжелые кри-зисы. Великий голод 1313—1317 гг. — только один из по-казателей для ставшего привычным цикла неурожаяв, голода и эпидемий, тяготевших над Европой. Спроти-вляемость человеческого организма, ослабленного дли-тельным недоеданием, очень снизилась, и в результате все большее число людей становилось жертвами повто-рявшихся эпидемий, масштабам которых не отвечал тог-дашний уровень гигиенических и лечебных мер. Поэтому в конце XIV в. население сначала сократилось, а в после-дующие десятилетия вследствие стагнации вряд ли возрос-ло. Рост городов происходил только за счет крестьян, бе-жавших из деревень, что не меняло общего количества населения. Только в конце XV столетия начинается

прирост населения. Боязнь тяжелых последствий недавнего прошлого, о которых могли рассказать практически в каждой семье, переносилась на будущее. Поэтому на картинах той эпохи апокалипсические всадники изображены отнюдь не случайно.

Описанное демографическое развитие одновременно привело и к глубоким социальным перегруппировкам. Вследствие бегства из деревни обезлюдели обширные области. Недостаток необходимой рабочей силы полностью ликвидировать было невозможно. Когда-то богатые экспортировавшие районы были вынуждены осваивать новые торговые пути, чтобы снабжать местности, прилегающие к торговым центрам. И только когда население начинает расти, вновь становится возможным форсировать развитие сельского хозяйства. Многие горожане, по большей части купцы, начинают инвестировать капитал, приобретают земельную собственность, сеют новые культуры, и все это с целью в будущем жить на проценты от вложенных денег. Это спекулятивное использование земли нарушает стабильность цен. Наступают времена вздорожания, которое ложится на плечи низших слоев населения. С 1480 по 1590 г. цены, и прежде всего на продукты питания, возрастают в Европе в среднем в пять-шесть раз. От этого пострадали люди, не сумевшие сменить бывшую крепостную зависимость на статут преуспевающего «гражданина» и помещика, и те, кто, будучи крестьянами из богатого слоя, могли бы по крайней мере получать прибыль от возросших закупочных цен. Условия жизни батраков по сравнению с коренными жителями и новоиспеченными богачами становились все хуже, а новые, более рациональные методы труда постоянно освобождали рабочие руки и, таким образом, тоже способствовали бегству людей в город. Но после того, как количество населения вновь возросло, города-государства больше не могли на долгое время вместить всю поступавшую рабочую силу. Несмотря на рост торговли и ремесла, возможности создать достаточное количество рабочих мест не было. Поэтому превышение рабочей силы над спросом рано или поздно должно было привести к созданию настоящего «пролетариата», обладавшего большой мобильностью. Таким образом, подготовлена почва для реформы «пророка», собирающегося на основании своих религиозных убеждений изменить положение масс хотя бы в экономической области.

Не очень легко определить, из кого состоял этот «пролетариат», к которому с «состраданием» собирался обратиться Савонарола. И все-таки можно сказать, что в него входили неимущие и жившие трудом своих рук люди, которые с точки зрения религии, будучи «бедняками», представляли собой единую и преданную богу составную часть мирового порядка. Официальная же церковь считала, что эта ситуация должна остаться такой, какой она была. Ее представители рекомендовали подавать «милостыню» и поучали богачей, что именно таким образом можно заслужить прощение у бога. Таким образом, нищество стало основным признаком социального порядка, одобренного официальной церковью того времени. Из этого почитания «бедности» довольно быстро извлекли наибольшую пользу не пролетарии города, а все время увеличивавшиеся орды нищих, собиравшиеся в похождения на ордена группы под начальством «короля нищих» и не дававшие прохода на дорогах Европы. Господствующие классы постоянно испытывали угрозу с их стороны и пытались умиротворить их. Таким путем часть «бедняков» порой улучшала свое положение. Но эта терпимая в известных пределах институционализация люмпен-пролетариата меньше всего могла изменить положение вещей, лежавших в основе предреволюционной ситуации. Более того, на этой основе поднимался широкий слой, угрожавший ниспровержением существующего порядка. Позднейшие попытки решить эту проблему с помощью «Распоряжений о нищих», как это было в 1478 г. в Нюрнберге, также оканчиваются неудачей. И вопрос о наличии «нищих» еще долго волнует умы. Даже Лютер попытается в нем разобраться. Но его ответ соответствует только интересам бюргеров: «Очень плохо, когда один существует за счет труда другого, богат и хорошо живет... в этом случае святой Павел говорит: кто не работает, тот не ест». Здесь много говорится о морали и лени, однако довольно мало о конкретной возможности предоставить желающим работу.

Тем не менее ответ Лютера полностью соответствует богословским взглядам современников. И, как видно, они не заботились о действительном положении пролетариата. От теологов исходило также мало инициативы для изменения ситуации, как и от других лиц, выражавших настроения эпохи. Скорее напротив, задающая тон элита,

многочисленные представители тогдашней «интеллигенции», предпочитала торный и золотой «средний путь» всегда привилегированных средних слоев, которым нечего было бояться при существующем порядке, но которые больше всего должны были страшиться революционных преобразований. И вновь основные представители этого среднего класса проводят удобную для них политику сотрудничества. Во Флоренции, к примеру, в хорошо налаженном контакте с верхушкой духовенства прежде всего заинтересованы богатые купцы. Поэтому в их кругах не очень заметен антиклерикализм, по крайней мере с внешней стороны. Медичи содействовали, как мы уже знаем, официальной церкви, где только было возможно. А сама церковь, представленная духовенством собора и нищенствующими орденами, рассматривает свое существование как своего рода симбиоз с Медичи, то есть обмен взаимовыгодными интересами для обоюдной пользы. С этой стороны вряд ли можно надеяться на особо пылкую готовность добиться коренных перемен.

«Народ» же, как в церкви, так и в городе-государстве, в основном должен был безмолвствовать и терпеливо взирать на эту дружбу, на все хорошие и скверные последствия ее политики, на все обоюдные соглашения и все интриги верхушки города и церкви. Он не может воздействовать на происходящие события. Народу остается только безучастно смотреть на акты произвола сменяющих друг друга правителей и терпеть. Это терпение, которое «теологически» благословляет официальная церковь, но которое не может быть обещано только настоящему «пророку». Флорентийское городское правительство сопереживает хорошие и плохие времена этого беспокойного сожительства. Его члены очень быстро найдут взаимопонимание и с другими господами, синьорами эпохи. А в Риме по-прежнему весело.

ЦЕРКОВЬ И МИР В КАЧЕСТВЕ ТОВАРА

Итак, борьба не на жизнь, а на смерть между пророком и его церковью кажется неизбежной. Ибо Савонарола вряд ли сможет примириться с тем, что римская церковь претендует на единоличное поддержание «права и порядка», поскольку она не согласна вести дискуссию о своих основных правах и о том, как они конкретизируются

в повседневной политике. Поэтому пророк считает своей задачей, с одной стороны, выступать против все возрастающей вражды многих верующих к духовенству и противопоставить веру клерикальному извращению истинной церкви, с другой же стороны — выступать против всех ложных форм тогдашнего богословия и народного благочестия, которые независимо от там и сям встречавшегося антиклерикализма утвердились в народе. Ибо, чем больше люди отчуждались от официальной церкви, тем более они придерживались ее основных религиозных истин. Ведь они соответствовали широко распространенному пониманию религии. Об «иерархии истин», понятии, принятом в теологии нашего времени, тогда вряд ли говорили, и все же на деле она существовала. XV в. — эта эпоха невероятных, ужасных катастроф — нуждался не столько в догмах старого времени, сколько в надежном церковном наставлении, помогающем в повседневной жизни запуганным людям. Духовная возбудимость масс коренится в мучительном желании спасти душу, в боязни смерти и дьявола, в заботе «о рае и аде». Все говорит о предстоящем конце мира, ибо слишком много знамений указывает в этом направлении, слишком много признаков, носящих «апокалиптический» характер. Начинаются всеобщие поиски церковных средств с целью добиться божьего милосердия и благодати, чтобы отвратить угрожающую опасность. Отпущения грехов, почитание святых, культ реликвий, бесконечные процессии, паломничества, процессии кающихся грешников и настоящие эпидемии душевных расстройств достигают апогея. Апробируются новые формы народного благочестия. А на церковные «*sicenses*» утвердился спрос более, чем когда-либо.

Но за религиозным фасадом все выглядит совсем по-иному. Сыгранность светской знати и церкви давно уже стала фарсом. И «народ», который хорошо слышит и видит, уже разбирается в этом притворстве. Поэтому широко распространенные представления — «пляски смерти», — нравившиеся, по вполне понятной причине, также и церкви, выражают не только пессимистические ожидания эпохи. Они содержат, по мнению современных ученых, также и некоторые элементы социальной критики, подавляемой городом и церковью, представляя смерть в качестве общей судьбы, которой не избежит ни папа, ни император, ни епископ, ни бюргер, ни рабочий, ни «*signore*». И с

реалистическим изображением людей некоторыми художниками связывается сознание о мировой несправедливости, которая должна подразумеваться на втором плане. Постоянно муссируемая тема страстей Иисуса Христа позволяла, к примеру, рассматривать страдания господина как беды народа от произвола власти, к которой относилась и верхушка духовенства. Со своей стороны литература о глупцах также отражала основное противоречие с господствующим общественным порядком, а также борьбу за новое просвещенное сознание гражданина, за освобождение от феодально-церковной традиции. В год смерти Джироламо Савонаролы в Любеке выходит «Рейнекелис», едкая сатира на феодализм и поддерживающие его силы. «Лис» разоблачает лицемерие эпохи, правдиво освещает явления упадка, противоречия общества и выступает на стороне «простого народа», против царедворцев и клира.

Изобразительное искусство и литература уже выражают общее сознание народа и недовольство существующим миром и церковью. Однако избытка революционных настроений не наблюдается. Все еще скрыто, и внешняя видимость торжествует еще раз над внутренними реалиями. И это сказывается на реформаторах тех дней. Ни один из них, не исключая и Савонаролу, не пытается, критикуя существующие недостатки, создать новую «систему», то есть заменить новой моделью общественного порядка старые условия, а в религиозной области — по-иному и «еретически» интерпретировать догмы старой церкви. Философия облекала свои мысли в не очень систематизированные конструкции, в лекции и трактаты для школ, а чаще в этические и политические рассуждения и размышления, которые в форме писем или диалогов должны были стать понятны широким кругам публики. И в богословии тоже больше нет схоластики, если не считать ее представителей в «школах». Великие теологи того времени работают совсем по-иному. Они больше не пишут систематизированные трактаты, поскольку те стали считаться «варварскими», а выражают свое мнение в отдельных работах, часто в листовках по актуальным вопросам времени. Таким образом, они оказывают влияние и на потомков. Ибо они не занимаются обыденными вопросами теологии или примитивной сиюминутной философией, хотя и стоят обеими ногами на грешной земле. Более того, в

работах великих людей вспыхивают искры мыслей, опережающих время, которые при всей своей несистематичности обращены в будущее. В любом случае не было совпадением, что человеческие знания того времени во многих областях сразу продвинулись вперед. И поэтому нужно очень осторожно относиться к приговору более поздних историков, изучавших то время и решивших, что эпоха не создала ничего законченного и «систематического». Ибо в данном случае оправдывается положение, что Ренессанс якобы почти ничего не сделал для своего времени, а все подготовил для будущего. Итак, «утописты» иногда значат больше, чем «реалисты».

Эпоха между тем медленно, но уверенно движется к новому времени, времени всемогущего «ratio». В будущем мир и его предметы будут рассматриваться людьми все больше и больше в качестве поддающегося разумной оценке «товара». Открытия эпохи снимают одну за другой пелену с былой таинственности и неизвестности. Города больше не небесные замки, и их планировка решается Леонардо да Винчи и Альбрехтом Дюрером с применением математики. Художники, они же и специалисты по строительству крепостей, работают с помощью «математически обоснованной» фантазии. Планировка города, строящегося и м и и, — это не следствие райской мистерии, она predetermined и рассчитана. Больше никто не уподобляется флорентийцам, говорившим в 1339 г. о «двенадцати воротах города», то есть не об их действительном количестве, а о числе, названном в книге Апокалипсиса, они это сделали, чтобы родной город был подобием рая — «*similitudo paradisi*». Теперь проектируют более практично, зная, что стены и ворота являются основой военного счастья или беды. А флорентийские купцы между тем избрали лучший путь к тому, чтобы все и вся подчинить посредством новейших методов своему искусству: рассматривать мир в качестве товара. Побеждает совершенно новый образ мышления. Коммерческое чутье становится более совершенным. Понятия времени, безопасности, расчета, риска и предвидения принимают конкретные образы, превращаются в новые идеи и одновременно с этим приводят к разработке рациональных, четких методов коммерции. Наряду с тщательным ведением бухгалтерии, с безупречным составлением баланса, если не считать «*libri segreti*», все более дают себя знать простота и рациональ-

ное заключение сделок, достигнутые введением безденежной системы расчетов. Возникшие тогда и постоянно совершенствуемые методы кредитования с помощью векселей за кратчайшее время приобретают большую популярность и у среднего сословия. Все больше распространяются настроения, подготовившие ход событий, который позже назовут «секуляризацией». Ибо вдруг мир становится понятней даже людям того времени, постоянно подвергавшимся абсолютно необъяснимым ударам судьбы. И богатство становится силой. Если раньше спрашивали: Кто ты? И получали ответ: Я могучий человек. Это означало, что он богат. На ранней же стадии капитализма спрашивают: Кто ты такой? Богач? Это значит, что ты могуч.

И кажется, что на деньги могущественных людей можно купить все и добиться всего. Не только недавно открытый Новый Свет, названный Америкой по имени флорентийца Америго Веспуччи, но также институты Старого Света, и не в последнюю очередь римская церковь, стали товаром. Религия тоже становится своего рода объектом торговли, находящимся в распоряжении того, кто по каким бы то ни было причинам предложит за нее больше всех. Но это уже чересчур — ехать в Тулу со своим самоваром и нести деньги в Рим за отпущение грехов. Мы знаем достаточно хорошо, какие сделки тогда устраивались. И мы знаем также о многократно упоминавшемся формальном поводе, ставшем импульсом для начавшейся через некоторое время реформации Мартина Лютера: не что иное, как религиозная сделка. Но никто не должен думать, что Лютеру было очень легко поддерживать стремление к рационалистичности, продолжавшееся все столетие. Целесообразность празднует победу и охватывает все области человеческой жизни. И уже возникают предпосылки носившей характер истерии более поздней борьбы за «веру», которую поведут Кальвин³¹ и Игнатий Лойола³². Она вызвана тайным страхом, угрожающим не только утратой веры, но и вообще способности верить, как это констатировал Вильгельм Рюдигер. Ибо будущее принадлежит разуму. И это проявляется все отчетливей, и более поздние борцы за веру будут знать это хорошо, поскольку сами они, как Кальвин, так и Игнатий, в глубине сердца «рационалисты». И тем не менее они пытаются выдержать бой против разума в собственном сердце. Они с железной дисциплиной вступа-

ют в борьбу против того, что уже одержало над ними победу.

Рядом с этой мощной самодисциплиной духа такой человек, как Савонарола, кажется, подобно Лютеру, еще больше представителем «средневековья», еще более иррациональным. Его апелляция к Библии заключается в целом «слове» и неприкрашенном «есть», а не в более позднем и рассудочном «означает» рационалистического толкования и, во всяком случае, в апокалиптической аллегории. Кого же удивит, что Савонарола со своим лозунгом веры потерпит поражение? Его теократия, базирующаяся только на вере, всемогущем, всезнающем и влияющем извне на мир боге, уже поэтому обречена на провал. И кажется, что никто не может помочь монаху. Борьба против разума проиграна уже в его лагере. Таким образом, государство бога превращается в анахронизм. Собственно говоря, о «владычестве бога» никто не хочет знать. Однако монах отваживается на эксперимент, несмотря ни на что.

ВЛАДЫЧЕСТВО БОГА И НАРОДА — ЭКСПЕРИМЕНТ

В начальный период своей деятельности брат Джироламо Савонарола обнаруживает узел организационных проблем и нагромождение нерешенных вопросов в патристически настроенном городе с его уже всем надоевшим «*campanilismo*». И не только явно плохи условия «духовного мира», то есть теологического исправления загубленного дела, поскольку большинство профессионалов духовенства, ответственного за все вопросы «трансценденности», бастует и теологически саботирует эксперимент монаха. Также и внешние условия, политическая и экономическая ситуация в городе таковы, что хуже трудно себе представить. Гражданин Флоренции так привык к господству Медичи и их показному образу жизни, что даже восстание 1494 г., когда изгнали Пьеро Медичи, не стало в этом отношении переломным.

Однако попытка учредить «божью республику», на которую монах все равно отважится, представляет собой, насколько мне известно, единственный эксперимент подобного рода в истории итальянского полуострова, а может быть, и в мире. И даже неудача этой попытки

создать настоящую диктатуру бога была не менее впечатляюща.

К сожалению, историки еще не занялись исследованием такой темы — удача и неудача. Причем более основательное изучение именно в нашу пору на фоне удачной и в то же время неудачной «революции» Томаса Мюнцера обещает быть исключительно интересным. Наряду с результатами изучения, по всей вероятности, достойными внимания для марксистского понимания истории, были бы раскрыты еще некоторые факты из истории христианства, очень важные для новой «политической теологии», и не в последнюю очередь повествование о хождениях по мукам непобедивших и неудачников. Марксистский метод, по-видимому, уже из-за его немецкого происхождения используется прежде всего при исследовании немецких революций, в частности Крестьянской войны, этого, согласно Марксу, «самого радикального события немецкой истории»³³. Что касается официальной теологии, то она, главным образом в лице основных представителей предмета «истории церкви», по всей видимости, не очень заинтересована в изучении флорентийского эксперимента как церковной политики народа. Таким образом, противоречивый человек Савонарола, ошибочно понимаемый одними только в качестве нищенствующего монаха, другими же как прямолинейный революционер, не поддается окончательному определению и остается неразгаданной тайной. И историки нашего времени останутся перед ним и его делом в долгу, оплатить который можно только более серьезным изучением данного вопроса.

Правда, такое изучение исторически достоверных намерений и дел брата Джироламо повлекло бы за собой возникновение большого числа спорных моментов. Но без этого устранить все неясности вряд ли возможно. Они имеются и у исторических личностей, которые сравнительно хорошо изучены. Во всяком случае, предыдущие попытки охарактеризовать его деятельность оказались неудовлетворительными. Поэтому политическую и религиозную деятельность Савонаролы во Флоренции следует рассматривать как эксперимент, о ничтожности или непреходящем значении которого еще нужно вести дискуссию.

Я вижу в этом эксперименте Джироламо Савонаролы не просто голый факт или только характерный признак

эпохи, а стараюсь поместить его в более широкие рамки и понять влияние, которое он оказал на мир. В конце концов, не подлежит сомнению, что монаха, как и всех достойных внимания исторических деятелей, надо рассматривать в определенной взаимосвязи фактов и духовно-исторических событий, хорошие и скверные стороны которых заслуживают более внимательного изучения.

Проблемы, вставшие перед Савонаролой, были самыми реальными: экономическое и политическое положение города-государства, религиозные споры. Они заключались в теологических положениях, вставших на пути данного человека, который должен был справиться с «детьми мира сего» — а к ним принадлежало большинство его собратьев — и приобщить их «ad normam evangelii», к букве и духу Евангелия. В сравнении с этими все выше и непреодолимей громоздящимися трудностями счастливые эпизоды его жизни выглядят намного скромней и незначительней. В этой связи указывали на многолетнее терпение Лоренцо де Медичи и Родриго Борджа, якобы позволивших монаху значительное время осуществлять свои замыслы. Но это терпение сверху, умение из снисхождения или от веселья не обращать на кого-либо внимания и нежелание сначала принимать дело монаха всерьез, было врожденным свойством характера властителя, обусловленным временем. В действительности препятствия, мешавшие монаху, заключались, скорее, в традиционных структурах и институтах той эпохи. А вот их-то монах не смог преодолеть.

Однако он не уклонился от задачи, стоявшей перед ним. Переезд Джироламо Савонаролы во Флоренцию и избрание его приором монастыря Сан-Марко были двумя событиями, последствия которых их участники еще не могли предугадать. Правда, Флоренция привыкла к вспышкам революций. Но предшествовавшие восстания приводили только к переменам в самих правительствах. Савонарола же собирался изменить образ жизни флорентийцев и вернуть их мораль к истокам Евангелия. Поэтому предложенные им реформы вряд ли бы оставили незатронутой какую-либо сторону флорентийских будней. Но и без него почти на всех углах города шли разговоры, что пора начинать проводить реформу. После отхода французских войск возникла угроза сильного голода. Неурожай, безработица, эпидемии были другими бичами.

И казалось, что выход из положения не могли предложить ни бывшие противники, ни существовавшее правительство. Тем временем вернувшиеся назад высланные из города после свержения Медичи их сторонники только и помышляли о скорой мести противникам, а не о своем вкладе в преобразование общества. Старые республиканские «советы» существовали при Медичи только для вида и были всего-навсего внешними атрибутами былых «свобод народа».

Когда 2 декабря 1494 г. колокол дворца Синьории стал сзывать флорентийцев к «парламенту» на заседание народного собрания на площади перед дворцом, только немногие утописты могли помышлять о реформе городской конституции. И действительно, значительных событий не произошло. Правда, были распущены старые советы Медичи и были избраны новые «ассоріаторі» (уполномоченные выборщики), которым надлежало в дальнейшем выдвинуть членов синьории, то есть верховного законодательного и исполнительного органа города. Но и среди новых «ассоріаторі» находились почти исключительно сторонники старой партии Медичи. Все выглядело как замена действующих лиц, но не как смена системы правления.

И тогда новый проповедник города, приор монастыря Сан-Марко должен был в своей предрождественской проповеди вскрыть корни зла. Позже Савонарола объединил в «Сочинении о конституции и управлении городом Флоренцией» предложения, высказанные им перед рождеством, и опубликовал их незадолго до своей смерти. Он советует городу последовать примеру Венеции, конечно, исключая то, что не подходит для Флоренции, а именно пожизненную должность дожа. Дожем Флоренции может быть только сам Иисус Христос. А законодательный орган, Большой совет, можно перенять у венецианцев. Этот совет должен быть в городе верховной властью и назначать на должности, включая членов синьории. Дальнейших уточнений монах не делает, но отдает распоряжение, чтобы во всех районах города обсудили проекты конституции, из которых потом можно было бы выбрать самый приемлемый для города.

Инициатива проповедника упала на плодородную почву. Большой совет был действительно создан. В него вошли около 3600 представителей имущих слоев населения

города, это были так называемые *benefiziati*, члены семей, когда-либо участвовавших в управлении городом. Из Большого совета затем избрали Совет восьмидесяти, чтобы иметь более динамичный комитет для решения назревающих проблем. За синьорией, как и прежде, остались право вносить законы о налогообложении, право ведения переговоров о войне и мире. Но право голоса при голосовании по этим вопросам имели только члены Совета восьмидесяти и Большого совета. Различные комитеты в любом случае могли взаимно контролировать друг друга, однако возвращение власти отдельному лицу или его посредникам казалось уже невозможным.

Но монаху не удалось включить в созданные по его предложению Советы всех граждан. Новые комитеты с самого начала ориентированы на средние слои и не представляют городской бедноты, как и жителей примыкавших к городу деревень. Несмотря на это, Савонарола в те дни постоянно говорит о равенстве и обосновывает свое требование строгим указанием первоначальной воли создателя. При всем этом монах отнюдь не руководствуется только богословской теорией. Его вера в равенство созданий доброго бога воплощается в политической деятельности. Ранке³⁴ по праву говорит о Савонароле: «...он первый и единственный, кто, абстрагируясь от власти партии, требует абсолютного равенства всех имеющих право голоса. Он связывает с этим свои религиозные и моральные идеи».

И только позже монах будет вынужден организовать свою партию и таким образом отказаться от первоначального «равенства». Но сначала он говорит о своих идеалах. Задуманная им своего рода «революция» имеет целью «перешерстить» нравы, вкусы и мнения, царящие в городе. Этот переворот имеет отношение к сложнейшим психологическим проблемам не только флорентийской, но и всей итальянской истории культуры. Ибо флорентийцы, при Медичи восхищавшиеся прекрасными идеалами гуманизма, в массовом движении шарахаются в другую крайность. Можно подумать, что во Флоренции вдруг начинается господствовать совсем новая религия, выгодно отличающаяся от той, какую предлагает официальная церковь своей эпохе.

Поскольку Джироламо Савонарола догадывается, что ему следует ожидать от церковных специалистов, он после-

довательно пробивает стены школярской богословской ограниченности и обращается к «миру», «народу» и городу. Этот смелый шаг к массам не был для монаха таким уж само собой разумеющимся, особенно учитывая его твердые политические воззрения, речь о которых впереди. Спор о политике имеет глубокие корни, не говоря уже о политике, проводимой с помощью масс. Еще Петрарка в свое время осуждал Цицерона, отказавшегося от «благородного одиночества» и философии во имя ничтожной славы государственного деятеля. Боккаччо тоже порицает Данте за то, что он «стремился к преходящей пустоте и тщеславному великолепию» государственного деятеля. И если уж такое отвращение к государственным делам распространяется среди «мирян» того времени, то каково же было отношение к ним у монаха. Но Савонарола отказывается от этих мыслей, свойственных современной ему философии, поскольку считает свою задачу несравненно выше. Он полагает, что призван создать с помощью народа власть господина бога, причем не обращая внимания на профессиональных теологов. С этого момента выступления монаха носят характер речей народного трибуна, хотя они и очень своеобразны. Монах прежде всего возмущается богачами, присваивающими себе заработок простого народа и почти ничего не делающими для создания новых рабочих мест вновь прибывшим и, по всей видимости, старающимися только выгодно инвестировать капитал и увеличить эксплуатацию рабочей силы других. Савонарола все время нападает на ставшее популярным флорентийское уравнение «богатство — это власть», считая его нехристианским. Люди, добившиеся таким путем власти, с удовольствием предложили бы трудящимся вместо причитающейся им платы свои изношенные ботинки — так полемизирует монах. Власть пререкращающие и их чиновники стараются заставить городских бедняков и крестьян в основном трудиться без оплаты, сами же не пошевеливают пальцем для их защиты, а об остальных людях при этих обстоятельствах им нет нужды беспокоиться, ибо всегда найдутся новые рабочие, а об отдельном человеке в таких условиях вообще никто не думает.

Джироламо Савонарола, придерживаясь этой точки зрения, опирающейся на «веру», предложил новый политический путь. Он, так сказать, проповедует «политиче-

скую» теологию. А речь об апокалипсисе и грозящем страшном суде возвращает слушателей в конкретные будни, как у Томаса Мюнцера, сказавшего: «Настоящее правление Христа должно утвердиться после устранения всех соблазнов мира, тогда явится господь, чтобы править, и низвергнет тиранов на землю». Поэтому без перевоспитания человека не может быть господства Христа и низложения тиранов. Людей следует привлекать к грядущим преобразованиям. К богачам же сначала нужно отнестись милосердно, чтобы они были готовы раскаяться, но, если они этого не сделают, известить их о гневе бога. И вновь можно провести параллели с точкой зрения Мюнцера, уповавшего сначала на власти и только потом, после горького разочарования, обратившегося к простому человеку: «Когда это произойдет, то следует отнять у него меч и отдать разгневанному народу, чтобы безбожник погиб». Здесь четко сформулировано право народа на сопротивление, подтверждается обязанность свергать безбожников и тиранов, после чего может произойти «реформа» в миру и церкви.

И хотя Савонарола не был в состоянии составить собственную программу действительно основополагающей социальной реформы, хотя он и не смог затронуть всеми своими мероприятиями экономическую основу олигархической власти во Флоренции, он настаивает на проведении различных демократических реформ: следует ввести прогрессивное налогообложение на недвижимое имущество, изгнать из города ростовщиков, кредитная касса должна выдавать под небольшие проценты незначительные суммы нуждающимся, а неимущих должников следует освободить от уплаты своих долгов. Андреас Боденштейн³⁵, прозванный «Карлштадтом», осуществит подобные мероприятия в Виттенберге. Он, еще до иконоборчества в феврале 1522 г., чтобы нанести ущерб папской церкви, конфискует церковные доходы и устраивает «общую кассу», из денег которой несостоятельным ремесленникам выплачиваются кредиты и оказывается помощь бедным, вдовам и сиротам. Савонарола планировал нечто подобное, когда собирался во имя общего блага обложить налогом богатые церковные имения.

Вместе с тем монах и не упоминает о действительной конфискации имущества богачей, помещиков и церковников. Низшие слои, не объединенные в мощных цехах

«porolo», как и прежде, держат далеко от важных государственных должностей, а косвенные налоги не отменяются. Только новый прогрессивный налог, который затронул прежде всего старых и новых землевладельцев, особенно приветствуют городские средние слои, которых он не коснулся. Таким образом, «буржуазная оппозиция» добилась успеха, «плебейской» же не повезло, как в другой связи констатировал Фридрих Энгельс³⁶. Аналогично поступали в последующие времена и многие другие реформаторы. Цвингли тоже остается только буржуазным революционером. А церковь, которая впредь будет называться «общедоступной», становится прежде всего частью городского буржуазного общества, хотя и без особого юридического и социального положения, как до этого. Для низших же, «плебейских» слоев еще было необходимо создать «общедоступную» церковь. Но именно против этого изо всех сил боролась буржуазия во Флоренции и других местах. И тем не менее огонь революции снизу продолжал тлеть. Ибо «буржуа» привилегированного слоя не выполнили своей исторической задачи стать носителями действительно нового порядка. И в конце концов дело дойдет до того, что именно эти буржуа всеми средствами постараются защитить от напора масс новые права в государстве и церкви. А «равенство» продолжают применять только по отношению к верхним слоям, а не к нижним.

Таким образом, это «равенство» во Флоренции остается половинчатым и не одинаковым для всех. В городе вскоре опять воцаряются голод и безработица, ибо многие мастерские закрываются, а занятых в них рабочих выбрасывают на улицу. Бегство из деревни отнюдь не уменьшается. Налоговое обложение на длительное время увеличивается, а кредитная касса не в состоянии давать ссуды беднякам. Поэтому популярность монаха постепенно падает. Народ сделал на него ставку и полагал, что этот духовный «signore» вытащит увязшую телегу экономики из грязи. Но политически действенной поддержки он ему не оказал. Горожане слишком сильно ожидали благ «сверху». Но о возможности создать их самим никто не думал. И авторитет Савонаролы окончательно подрывается, когда папа римский начинает беспокоиться о «ненавистнике святого престола», а французы со своим Карлом VIII покидают ту самую Италию, которая их еще не-

давно приветствовала. Падение монаха начинает уже вырисовываться, ибо он ничего не смог сделать с социальной неоднородностью в городе, этим тяжелым наследием последних десятилетий, и не смог преодолеть непостоянства партий, этого основного зла флорентийцев. Если вначале средние слои, надо полагать, были довольны Савонаролой и его реформой, то у плебейской оппозиции во Флоренции — так по крайней мере считают марксистские историки — отсутствовала «классовая зрелость». Мышление, образ жизни, приемы труда этого слоя населения были слишком примитивны, чтобы он мог воспользоваться возможностью, появившейся в результате свержения Медичи и возникновения правительства «равенства» Савонаролы. Поэтому народные массы, разочарованные «signore» Савонаролой, не могли действовать самостоятельно и тем более разработать программу социальных реформ, которая послужила бы основой для организованной борьбы против высших классов. «Равенство» великого верующего Савонаролы надолго никого не смогло заинтересовать, его огонь в свое время никого не воспламенил. Тем не менее, несомненно, его историческая заслуга в том, что в труднейшие месяцы после внезапного свержения Пьеро Медичи, призывая к «вере» и «милосердию», он сумел воспрепятствовать возникновению в городе гражданской войны, утихомирить и перевести на религиозные рельсы агрессивность группировок, свергнувших тиранию и собиравшихся начать борьбу между собой. Более того, монах часто говорит о «свободе» граждан. Он не собирается, чтобы успехи ноябрьского переворота отдельные лица использовали в своих целях. Ибо никто бы не поставил свою жизнь на карту ради того, чтобы старую тиранию заменить новой, установленной соперничающими господами банкирами. И великий проповедник говорит все ясней о своих представлениях на период восстановления: милосердие по отношению ко всем противникам и сторонникам «проигравших» партий, прощение бывших угнетателей и наряду с этим внимательная осторожность народа, чтобы не только ни одному из бывших, но и из новых тиранов не удалось восстановить свое господство.

Думается, мы поступим правильно, если усмотрим в этих словах не только выражение морали самого монаха. Ибо эти проповеди имеют более глубокие последствия

для города, чем это кажется. Милосердие должно помочь избежать гражданской войны, исключить сведение старых счетов между партиями в городе и не дать кому-либо среди «равных» поднять оружие против другого. Если угодно, можно говорить о зачаточной форме «бесклассового общества». У этой утопии только один недостаток: «увязшие структуры», как бы сказали в наши дни, не вытацишь с помощью этических призывов. То же самое относится к требованию «свободы». Савонарола, правда, всегда говорит о том, как пагубно действовала тирания, однако его попытки провести реформу вряд ли смогли на долгое время закрепить гражданские права в городе. Монах вновь и вновь пытается объяснить флорентийцам, что, согласно святой воле бога, не отдельный гражданин, а только весь «народ» должен обладать высшей властью, но это всего-навсего лишь выслушивают. Тайные заправилы, серые кардиналы, уже заботятся, чтобы за словами проповедника действительно не последовали реформы. Господа не позволят тронуть себя.

И вскоре происходит первая вспышка общественного недовольства. Поводом к ней, как и всегда во Флоренции, послужил «финансовый вопрос». Савонарола требовал с самого начала ввести справедливое налогообложение церковного имущества, чтобы, будучи верным духу Евангелия, действительно поддерживать бедняков города, поскольку их нельзя выволить из тяжелого положения или хотя бы улучшить его. Это требование радикала было смертным грехом по отношению к узаконенным правам церкви и клира. Особое положение духовенства было давно уже бельмом на глазу у горожан, оно было неподсудно властям города и не облагалось налогами, что чрезвычайно отрицательно сказывалось на равенстве шансов в торговле и ремесле. Ибо духовенство очень скоро стало использовать свое привилегированное положение, обосновывавшееся «свободой во имя бога», чтобы создать свое собственное производство и механизм сбыта, действовавшие вне всякой конкуренции и наряду с остальными доходами от нищенства монахов и церковной десятины отнимавшие постоянно большую часть народного достояния. Отсюда следовало, что привилегированные лица могли хорошо жить на земле, поскольку, будучи бедными в «царстве небесном», они возмещают это благами на земле. Таким образом, для возникновения анти-

клерикализма были свои основания, и можно понять «Жалобную песню» из Швейцарии (это только один пример), категорически требовавшую в XVI в.: «Юноши должны сбросить сутаны и бежать подальше от монастырей, должны кормиться трудом своих рук, так, как благословил бог-отец». Правда, со своей стороны Савонарола не требует выхода из монастырей, для этого он слишком благочестивый монах, но говорит, что у ранней церкви жертвенные сосуды были деревянными, а служители из золота, а сейчас все наоборот. И это прекрасно понимали.

Однако не следует забывать, что, как уже упоминалось во Флоренции была сильная группа «клерикалов», хотя и не принадлежавшая к духовенству, но постоянно стоявшая на стороне официальной церкви. И тотчас же эти пособники клира, эти слои флорентийцев, с давних пор проводившие с духовенством политику сотрудничества, начинают проявлять себя, чтобы достаточно активно представлять «общие интересы». Очень часто от этих групп слышится призыв проклясть монаха. Папа в Риме может положиться на свою «пятую колонну» во Флоренции. Ибо то, что планирует Савонарола, заходит слишком далеко, неприкосновенность духовенства не должна быть затронута ни при каких обстоятельствах.

Вскоре монах совершает еще одну непростительную ошибку. Поскольку он, кажется, не очень убежден в моральных качествах флорентийского духовенства, он требует от светской власти своеобразной теократии, нечто вроде «права наблюдения за духовенством», то есть права и обязанности правительства изгонять «плохих» священников из города. Этим требованием он нанес чувствительный удар по представлению современников о странном «сожительстве государства и церкви». Ибо автономия церкви, завоеванная в ходе прошедших столетий в кровавых сражениях с мирянами, стала к тому времени форменным табу, нарушить которое, да еще в глазах общественности, было равно самоубийству. Но создается впечатление, что в своей религиозной одержимости монах не осознает этого факта. Он говорит, как когда-то чомпи в революционном 1378 г., о городе Флоренции как о «городе бога», народ которого призван установить божественный мировой порядок, решительно сопротивляясь в случае необходимости церкви и ее клиру. Но это никогда хорошим кончиться не может. «Свобода» церкви,

так учат все «лоббисты», всегда «выше мирской» свободы. А о «равенстве» в церкви не может быть никакой речи. О равенстве «божьих детей» говорят в случае необходимости в хорошо интерпретированном библейском смысле, исключаяшем любую политическую двусмысленность. Поджигатель Савонарола, хорошо не подумав, сам складывает себе костер. А богословы «старого» толкования Библии с удовольствием окажутся в числе первых, кто подожжет его.

Монах никогда высоко не ценил их ремесла. Он больше доверял вдохновенно высказанному слову, опиравшемуся на текст Священного писания, чем на сентенции и глоссы богословов, беспрестанно копируемые и заучиваемые наизусть, ничего собой не представляющие и призванные обосновывать стерильную традицию схоластики. Приор Сан-Марко был убежден, что народ должен встретить своего бога в другом виде, как бы ожившего, которого все схоласты, придерживающиеся только официально одобренного текста, никогда не узнают. Так уже здесь назревает вопрос «о народном языке», этой главной проблеме Реформации. Ульрих фон Гуттен³⁷ выразит это четкой формулой: «Латынь, на которой я писал раньше, была знакома не всякому, теперь я кричу отчизне: вся немецкая нация, скорей напиши все это на своем языке». Савонарола со временем будет учить с кафедры народ и станет одним из великих людей этого народа.

Что же касается другой стороны схоластической традиции — стерильности канонического права, происходящей от того же самого корня школьного и придворного богословия, то монах, борясь с этим черствым куском, в который вцепилось церковное «лобби», объявил войну духа против буквы, и это произошло по крайней мере с момента ожидавшего его папского отлучения от церкви. Монах совершенно открыто отваживается на неслыханное — неповиновение Риму, что заставляет цепенеть слушающих и видящих его. И сначала он добивается успеха. Но впоследствии без излишней суматохи все же побеждают юристы. Они наступают твердо, последовательно, придерживаясь буквы текста, и завоевывают бастионы поджигателя один за другим. Таким образом, огонь будет задушен фолиантами, которые он должен был сжечь.

Тысячи священнослужителей города, так или иначе, не ожидали услышать от приора монастыря Сан-Марко, что

они со всей ответственностью обязаны примкнуть к движению религиозного пробуждения и отказаться от былых привилегий. Придя в себя от первоначального удивления, они станут самыми решительными и непримиримыми врагами монаха. Ибо то, что он хочет и делает, не отвечает их взглядам. Так серьезно и дословно божье слово нельзя воспринимать. Это они все знают. Иначе их собственная жизненная цель не была бы достигнута, а их усердие при обращении в другую веру было бы парализовано, если бы от них столь решительно требовали выполнения этого слова. Их удивление, изумление по поводу такого простого факта, что завещанное потомкам Священное писание можно и надо понимать почти дословно, очень скоро превращается в свою противоположность. Приор, должно быть, просто лжепророк. А то, что он проповедует очень опасное «новое учение», излагая Библию на свой л а д , — для них очевидно. При всем том он действует так решительно, что у них, этих «тоже реформаторов», не хватает аргументов, и они прибегают к клевете. Критика, исходящая от монаха, таким образом, оборачивается критикой его деятельности. То, что приор собирается сделать, не имеет ничего общего с «истинной церковью Иисуса Христа», в сути которой они так много понимают. Монах, нашептывают они, создает, во всяком случае, свою собственную церковь ради своей славы и выгоды. О «господстве же бога» в этих условиях не может быть и речи.

Впрочем, такого же мнения придерживаются и другие противники монаха. Они из различных лагерей. Одни — члены бывшей партии Медичи, другие — разочарованные представители знати, надеявшиеся после своего возвращения из изгнания увидеть во Флоренции не правительство «дожа Христа», а собственное. Это люди не в последнюю очередь из большого числа недовольных, которых что-то не устраивало в монахе или его деле и которые стали подумывать о новом перевороте. Всем им вряд ли могло импонировать «господство бога», по крайней мере во Флоренции, к тому же оно начало принимать все более своеобразные черты.

СРЕДСТВА ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

Савонарола придерживался своих основных представлений с твердостью ортодокса. В те месяцы и годы «рефор-

мы» он ничего не упускает, чтобы сделать Флоренцию таким образцовым городом христианства, каким он его себе представляет. По примеру раннехристианской общины в Иерусалиме город должен с помощью веры довести жизнь до высочайшего совершенства. Ибо вера, полагает монах, все еще является силой, движущей миром. И вполне закономерно, что религия определяет всю жизнь, до самых интимных сторон личности. Как следствие этого радикально-простодушного основного тезиса монаха во Флоренции наступает время, объяснить которое довольно трудно. Ибо насколько просто выглядит уравнение «вера есть простота», настолько же сложны выводы из него.

В городе довольно скоро появляются форменные стражи нравов. Они должны следить за успехом или неудачей религиозного эксперимента, предпринятого приором монастыря Сан-Марко. Со временем даже учреждают специальную «полицию из детей». Невинность малолетних должна сломать закоснелость взрослых. Это было, конечно, отнюдь не новое мероприятие. Однако при Савонароле идея монастырского, «*correctio fraterna*», наставления монахов совершенствуется. Итак, дети и молодежь выходят на улицы, разужают о поведении взрослых, упрекают «непристойно» одетых женщин, убирают столы, предназначенные для азартных игр, делают предупреждения сквернословом, доносят городской администрации на богохульников и не замечают, что уже давно стерлась грань между справедливым «порицанием непристойности» и фарисейским наслаждением от скандала. Они бегают по городу и читают свои нотации: «Во имя Иисуса Христа, короля нашего города, мы призываем тебя снять суетные предметы, которые ты носишь, чтобы к тебе не пристала чума!»

То, что долго так продолжаться не может, совершенно ясно. Все больше и больше собираются «контргруппы», бросают друг в друга камни и очень радуются, когда попадают в стража морали.

В конце концов вся эта история вырождается в новый вариант флорентийских партий «на детском уровне». Враждующие семьи, улицы и районы города поощряют свои шайки. Они разбивают друг другу в кровь носы, сводят старые счеты и при этом испытывают удовлетворение, поскольку сторонники морали Савонаролы побеждают не в каждом случае. Зато подростки, сторонники монаха,

могут без страха участвовать в больших детских процессиях, организуемых им. Таким образом, Джироламо Савонарола тоже собирается устраивать разновидность духовных «сircenses». И это предложение принимается. Около десяти тысяч детей и подростков участвуют в этих праздничных шествиях, полные энтузиазма во имя справедливого дела, которое затем в будни следует защищать, после того как сняты белые ангельские праздничные одежды.

Савонарола в эти годы своего «господства» действует не прямо, а скорее косвенным образом. Он правит из-за кулис, дает указания в тишине, мобилизует массы высказанным или написанным словом, предупреждением, носящим религиозный характер, а не прямыми приказами. Его влияние растет скрытно. Он постоянно возражает чтобы общественность его рассматривала в качестве нового «signore» города. Он хочет остаться скромным реформатором, серым кардиналом слова. Монах не стремится к внешним почестям.

Само собой напрашивается сравнение с Кальвином и его женеvским городским правительством³⁸. Кажется, что Флоренция и Женева идут по пути, схожему до мелочей. В том городе и в другом радостное население, которому приезжий проповедует покаяние. И здесь и там удивительные преобразования благодаря теократии. И как для Савонаролы Христос стал королем Флоренции, таким же стал Иегова для Кальвина. Отныне в обоих городах государство и церковь служат выполнению одной задачи — добиться победы религиозной морали. Оба реформатора живут в духе Ветхого завета. Оба хотят усовершенствовать людей возвратом к разумным христианским идеалам. Оба мечтают о простоте будничной жизни отдельных лиц и общины, которая была в старину. Оба являются теми, кого позже назовут «пуританами». И оба учат, что все силы надо посвятить этому идеалу и добиваться его осуществления со всей не знающей снисхождения строгостью. Ибо мягкое отношение к аморальному является только жестокостью. Поэтому процветают официальные доносы. А «празднества», как и остальные «увеселения», являются грехом, который во имя бога надлежит безжалостно искоренить.

Впрочем, эта пуританская традиция не нова. Еще гуситы были пуританами; они и их последователи и

подражатели большей частью своих военных успехов, как и действенностью своего учения, были обязаны железной дисциплине. Они в святом гневѣ пытались истребить в мире «смертные грехи», и прежде всего проституцию. И если во время Констанцскаго собора, чтобы снять напряжение с папистов, было еще достаточно проституток, то теперь разрушение публичных домов относится к первым мероприятиям всех реформаторов. Только Савонарола не последовал этому обычаю, сочтя его, согласно старому теологическому учению, более «мелким злом». Во всех других случаях он не отстает от других пуритан. Его проповеди становятся все строже, а поводы для «сожжения суеты» можно отыскать всегда.

Монах открыто говорит флорентийцам: «Ваши мальчишки для разврата, ваши гулящие девки, ваши наемные убийцы и сожительницы — вот ваши кумиры». Он сокрушается о положении в городе: «В наше время ты не смог бы послать взрослую девушку одну пасти скот, как это делали когда-то во времена патриархов». Повсюду только упадок нравов, нигде не видно добродетели. Поэтому необходимо освободить город от сорной травы, а затем дать ему божественное средство — очищающее учение раннего христианства, поскольку «simplicita», простота христианской жизни, еще не утратила своего значения. А искомая внутренняя сердечная простота должна отразиться в простом образе жизни, в неприязательности к пище, одежде и жилищу. В этой связи приор дает детальные указания всем сословиям, чтобы каждый знал, что ему подобает. Эти увещевания начинаются с указаний по поводу покроя дамскаго платья и кончаются советами беременным женщинам и кормящим матерям. Трудно найти тему, которую бы монах не затронул в своих речах или писаниях.

Но более всего обращает на себя внимание его критика «суеты» на полотнах живописцев того времени. Монах, кажется, ведет постоянную борьбу против многих произведений, но не всех, а прежде всего против изображающих мадонну с обнаженной грудью, а также против того, чтобы художники писали богородицу с известных в городе женщин и даже фавориток властителей. Лукреция Борджа, светловолосая дочь папы, была, к примеру, одной из самых любимых моделей для художников, писавших мадонну и святых. А во Флоренции некоторое

время было распространено нечто вроде моды на Симонетту — городскую красавицу Симонетту Веспуччи — объект поклонения и обожания многих. По поручению Лоренцо Великолепного Боттичелли неоднократно писал эту замужнюю генуэзку, которой при жизни горячо интересовался убитый позже Джулиано Медичи. Другие художники города также следовали этой моде и еще многие годы отдавали дань рано умершей «Венере». Другие же полагали, что эта тенденция неприлична. При этом их не столько беспокоило изображение наготы красивой женщины, сколько невысказанный гуманистами упрек церкви, что ее богословию стала вообще чужда эстетика человеческого тела. И Генрих Гейне³⁹ выскажет аналогичное мнение, когда напишет: «Возможно, что художники Италии вели с поповщиной более действенную полемику, чем саксонские богословы. Роскошные формы на полотнах Тициана — это проявление протестантизма. Бедрa его Венеры — более основательный тезис, чем те, которые немецкий монах наклеил на двери церкви в Виттенберге». Революция заявляет о себе и в искусстве. А чрезмерная строгость «праведников», боровшихся с подобными «пороками», все больше вызывает насмешки.

Мнения современников разделились и по этому вопросу. На одной стороне были «эстеты», сожалевшие о невозможной утрате сожженных произведений искусства, а на другой — ортодоксы, которые могли восхищаться только абстракцией религиозного и кому все осязаемое казалось воспроизведением непостижимого. Картины же, как следствие этого спора, проходившего не только в рамках «моральных» категорий, но имевшего и более глубокое религиозное значение, стали всего-навсего «предметами», живописными изображениями истуканов, как их назовут вскоре. Религиозное изобразительное искусство средневековья с его теологической иконографией все более и более утрачивает содержательность, а разум побеждает и в этом случае. Художники, писавшие до тех пор еще обычные религиозные сюжеты, в будущем начнут использовать библейские темы в качестве бутафорских аксессуаров. Искусство все более утрачивает трансцендентность и становится «светским». А религиозность в нем, как уже сказано, становится пустым притворством. В будущем картины, написанные на религиозные сюжеты, к примеру полотна испанских ху-

дожников, носят в себе печать манерности, пустого очарования, постоянства «чрезмерного» экстаза. С этого момента искусство и религия отделяются друг от друга. Их бывшее партнерство кончилось. Больше не пишут непорочную деву Марию; идеал художника Фра Анжелико поблек. Образцом становится замужняя женщина, возлюбленная, женщина с чувственными формами, манящая мужчин.

И тем не менее пуриты того времени пытаются остановить развитие истории в этом направлении. Начинается иконоборчество Запада. «Праведники» ведут свои последние арьергардные бои. Монах Савонарола начинает в них тоже принимать участие. Позже его деятельность в этом направлении намного превзойдут. Строгие пуритане начинают бороться во имя своих представлений о простоте и чистоте со всем, что им кажется излишним, суетным и роскошным. И, как при всех пуританских радикальных движениях, довольно быстро воцаряется чрезвычайная строгость, нетерпимость по отношению ко всем, кто уклоняется от истинного пути, от прямой линии руководителя. О терпимости нет и речи. Кальвин в этом отношении неумолим, как Цвингли, и Савонарола тоже охотно придерживается этой линии.

Многие утверждали, что неудачу Савонаролы как личности и его дела можно объяснить его впечатляющими промахами, а также кострами, зажженными монахом в последние два года его жизни, чтобы спалить все, кажущееся ему излишним и суетным. В большинстве случаев с этим связывают и окончательное суждение о невыносимом и не оправдавшем надежд монахе, утвердившееся до сих пор во многих умах, а именно: Савонарола — это скверный человек, презиравший искусство, моралист, не обладавший чувством юмора, ограниченный пуританин, препятствовавший торжеству флорентийской культуры Ренессанса. Такими же характеристиками удостоили Мартина Лютера, того самого шумливого немецкого крестьянина, согласно Якобу Буркхардту и Фридриху Ницше, стоявшего на пути прогресса человека эпохи Возрождения. Опыт свидетельствует, что подобная однобокость ведет только к тому, что у обвиняемого сразу же появляются столь же ревностные и столь же ограниченные защитники. И они без труда опровергают несправедливое и все упрощающее обвинение выше-

упомянутых защитников искусства. Им нужно только сослаться на бесспорно хорошие отношения монаха с великими художниками своего времени. Они могут также обратить внимание на поэтические опыты, предпринимавшиеся юным Савонаролой, и даже на некоторые проповеди уже зрелого человека о религии и искусстве. Мы же вновь наблюдаем возникновение антагонистических групп. А загадка одного-единственного радикала кажется еще более таинственной, чем все искусство людей, пытающихся ее объяснить.

События 2 февраля 1497 г. и 28 февраля 1498 г., происшедшие соответственно во вторник и накануне Великого поста, когда масса верующих и среди них много детей уничтожали на кострах в городе заботливо сложенные «предметы суеты» — различную косметику, принадлежности для игр, музыкальные инструменты, книги и картины, — привели к тому, что народ хотя и говорил о «*maggior pazzia*», большом шутовском празднике, как все это назвал Савонарола, но в то же время и осуждал чрезмерную строгость своего вдохновителя. И все же эти события не раскрывают его тайны, ибо происшествия этих дней, как бы театральны они ни казались и какого бы отрицательного мнения ни вызывали у потомков, — эти происшествия одного или двух «карнавальных дней» были, во всяком случае, только эпизодами во всей деятельности, направляемой монахом, и вряд ли действительно важными краеугольными камнями в его учении. Если бы Савонарола был только разрушителем и иконоборцем, если бы он призывал только к уничтожению дьявольщины или излишеств и роскоши, то этот монах не поднялся бы над уровнем остальных проповедников покаяния своей эпохи. А подобных в то время было с избытком, и «покаяние», хотя и подвергалось постоянной инфляции, было одним из популярных слов того времени.

Еще Якоб Буркхардт указывал на важное специфическое влияние проповедников покаяния, эту чисто «итальянскую специальность XV столетия», когда говорил, что в отличие от создателей религиозных течений севера, из тиши своих монастырских келий оказавших влияние на столетия, юг Запада породил людей, производивших на своих слушателей только «колоссальное впечатление мгновения». Особенность этого «южного» влияния заклю-

чалась исключительно в «пробуждении совести», ибо итальянские проповедники говорили о морали, не прибегая к помощи высоких абстракций, стремясь к ее конкретно осязаемому применению, и подкрепляли свои проповеди примерами собственного аскетизма.

Такая характеристика — с некоторой вероятностью — подтверждается и на примере Джироламо Савонаролы. Однако она не совсем соответствует личности этого проповедника. Ибо деятельность монаха оказывает на людей не временное и преходящее влияние. Савонарола не только мастер слова и импровизации, оратор, затрагивающий злободневные вопросы и мгновенно дающий им религиозную интерпретацию, он и уединившийся в тиши монастыря Сан-Марко религиозный писатель, не исчерпывающий себя в риторических жестах и не довольствующийся только разжиганием огня и ожиданием, что он спалит всю «суету» того времени. Ибо он политик повседневности, который не только не затрагивает, в духе столь многих однодневных пророков, проблемы «рая и ада», их метафизической сущности и глубины, а говорит исключительно об актуальных, почти со дня на день ожидаемых и указанных во времени карах.

Правда, Савонарола редко упускает возможность предсказать — и с высшей степенью жизненными подробностями — приближение Страшного суда, главным образом в форме ставшего для итальянцев того времени типичным «*maledizione*», проклятия, которое, например, можно услышать в опере Верди «Риголетто». Однако этим он не ограничивается, поскольку его задача, от которой он не откажется до самого конца, видится ему несравненно более важной и значительной. Благодаря этому он становится все более глашатаем приносящего исцеление слова, не ограничивающимся «*maledizione*», спасающим от имени доброго бога. Итак, речь Савонаролы о наказании, может быть, и проникновенна, однако его возвешение божьей любви несравненно важнее. И только это делает его учение значительным. Оно все больше утрачивает ограниченность, вырывается из гетто моралистов и оказывается в состоянии преодолеть пуританскую критику. Таким образом, и монаху удастся выстоять против предубежденности своего и нашего столетия к монахам-«пуристам», как их называли некоторые гуманисты.

Поэтому он в конце концов падет жертвой, но не жертвой великих людей гуманизма и Ренессанса. Нет, они ценят его более или менее высоко, поскольку догадываются о его конгениальности и чувствуют, что этот монах олицетворяет собой религиозную сторону человека эпохи Возрождения. Монаха свергнут все те маленькие люди, «тоже реформаторы», бесчисленные конкуренты из нищенствующих орденов, профессиональные богословы, проповедники покаяния, вносящие беспокойство во все города Италии, странствующие с места на место, рассказывающие об одних и тех же положениях «реформы» и по праву ставшие мишенью для насмешек гуманистов. Итак, нам следует сделать четкое различие между «покаяниями». В то время, как все высмеивают избитые проповеди монахов с их сообщениями о «чудесах» и ссылками на поддельные реликвии, с помощью которых необходимо завоевать народ, Джироламо Савонаролу, отличающегося от всего этого, воспринимают серьезно.

Это уважение отнюдь не случайно. Ибо его критика «Рима», скверных порядков этого города Борджа и осуществляющих их институтов более глубока, чем все остальное, что произносят на известную тему о «покаянии» по всей стране. О реформе говорят почти все. Буркхардт — мы назовем его еще раз глубоким знатоком и интерпретатором — по праву ссылается на проявившееся в литературе полуострова самое позднее со времен Данте «антииерархическое негодование итальянцев», о котором можно прочесть в «Discorsi» Макиавелли, а также у флорентийского историка Гвиччардини. Атаки интеллектуалов на устаревшую и продажную церковь бесчисленны. Такой город, как Флоренция, жители которого отличались своеобразной склонностью к подтруниванию, в течение столетий занимался неисчерпаемой темой — «духовенство». Голос Савонаролы не особенно выделялся в большом и разноголосом хоре насмешников. Он не становится рупором хулителей, довольно редко и неохотно используя слухи, эпиграммы, пошлые подозрения, которыми, надо полагать, была полна тогда Флоренция. Его критика пользуется другим источником. Он основывается не на цинизме равнодушных, не на легкомыслии и верхоглядстве «тоже реформаторов». Монах может предложить больше. И поэтому его язык понимают все, так кажется по крайней мере продолжительное время.

Время от времени высказывается суждение, что общественное мнение Италии и намерения видных проповедников — реформаторов этой страны — якобы ограничивались простым отрицанием церковной иерархии, тогда как Мартин Лютер позже предложил действительно позитивные доктрины и альтернативы, чтобы восполнить пробелы, возникшие внутри старой системы в результате критики, и, наконец, заложить основы, необходимые для удачной реформы, однако это суждение по отношению к Савонароле вряд ли оправданно. Монах, как уже сказано, может предложить и дать больше, чем критические высказывания пророка, больше, чем подстрекательство масс и ликвидация ненужной мишуры. Присмотревшись внимательно, мы видим, что хотя он, точно так же, как Гус и Лютер, не может предложить законченной «системы», но по крайней мере хорошо знает, что для «реформы» устаревшего необходима зажигательная речь о вечности и, следовательно, об «извечной» доброте бога. И кажется, единственное, чего ему не хватало всю жизнь,— это крупницы слепого счастья, без которой, по всей видимости, невозможно занять значительного места в людской памяти.

Монах предает мирскую «vanita» (суету) огню, и для него это, как констатировали современники, звено в длинной цепи традиций. Ветхий завет уже подготовил для этого духовную почву; говоря о «vanitas vanitatum», (суете сует), апостол Павел в Эфесе, как рассказывает автор «Деяний апостольских» в Новом завете, сжег магические книги, находившиеся в языческом центре. А великие церкви нередко следовали этому апостольскому примеру. Но брат Джироламо, по крайней мере в этом случае, идет дальше. Он считает, что суета — эта пустота мира — существует и внутри его церкви. Эта церковь, полагает он, уже давно стала конформистской. И его высказывания о «суетности» учреждений римской церкви — закономерный результат развития уже давно совершавшегося в его уме. Ибо, еще будучи молодым человеком, он почувствовал, что этот бранный мир в целом может предложить только бремя. И немного позже он был вынужден с болью констатировать, что и церковь из-за ее деградации может проповедовать только бранный суетность. Поэтому не удивительно, что монах становится столь бескомпромиссным, когда говорит об уродливых проявлениях своей церкви. И само собой разумеется, что

Савонарола, когда-то охваченный пламенем ненависти к ним, должен был стать признанным бунтовщиком своего времени, который не успокоится до тех пор, пока не будет сброшен последний грамм стопудовой тяжести, которую взвалила на себя церковь. Но вопрос, можно ли называть это ересью, остается открытым. Во всяком случае, монах милосерден, несмотря ни на что. Правда, и при нем существуют строгие законы о безбожниках, однако их почти не применяют.

У монаха еще кое-что осталось от милосердия его бога. Он не отбрасывает эту черту Священного писания. И ему не нужно, как это было у Кальвина, бороться с собственным могущественным разумом, который не дает тому покоя и вынуждает вести жизнь как бухгалтерский учет морали, с приходом и расходом, и все же опасаться, что он просчитался и при великом подведении итога будет изгнан за дефицит баланса. Перед Джироламо Савонаролой еще не встает проблема «правоверности», ставшая такой насущной через несколько десятилетий, поскольку истинная вера угрожает затеряться среди многих вероисповеданий.

Современники почти не жалуются на новое положение дел в городе. И только более поздние «моралисты» нарисуют мрачную картину «реформаторских» лет во Флоренции. Монах же и его «божественное» правительство не кажутся олицетворением слепой морали даже его противникам того времени, «*compagnacci*». Во всяком случае, нам не надо слишком опрометчиво следовать односторонним оценкам той эпохи, которые донесли до нас последующие столетия. В целом о божьем государстве Савонаролы и без того судят слишком поспешно, оценивая его моральными категориями вместо теологических. Эту основную ошибку может совершить только тот историк, кто идентифицирует религию и мораль в духе более поздних XVII и XVIII вв. и забывает, что понятие «вера», по мнению монаха, охватывает намного больше, чем затхлая мораль. Савонарола вряд ли когда-нибудь пытался устранить безнравственность саму по себе, он также не был только «проповедником недовольных». И когда его партию называют «*riagnoni*» (плаксами), не следует забывать, что это прозвище ей дали противники, дабы ее дискредитировать. В действительности Савонарола все время старается вернуть своему богу его старые права

и в последний раз спасти «веру», а отнюдь не изгнать пороки из города.

Он говорит все время о любви к богу и милосердии и очень далек от того, чтобы под этим подразумевать только слова, высказанные им своим слушателем. И так, было бы величайшей несправедливостью свести его деятельность только к одной борьбе за мораль. Да и биографу, имеющему право время от времени проявлять симпатию к своему герою, характеризую истинные намерения монаха, не стоит становиться слепым апологетом. Ибо Джироламо Савонарола значит больше, чем только поступки и слова, которые моралисты в своей излюбленной манере выдергивают из теологической взаимосвязи. Нападки монаха на существующую церковь объясняются не моральной позицией, а верой в более радикальное начало именно этой церкви, какой она явилась монаху в Священном писании и как она позже была извращена Римом и его веселым папой. Леопольд фон Ранке понимает это положение вещей, когда говорит: «Именно в совпадении позитивной веры и отрицании абсолютной власти папства заключен интерес, вызванный Савонаролой». А за этим отделением «веры» от «конкретной церкви» скрывается также и величие Реформации. С этой точки зрения Савонарола является действительно предтечей Лютера.

Только в последней фазе спора с Александром VI монах говорит на такую неисчерпаемую для моралистов тему, как поведение, но не в качестве проповедника морали, а скорее ретроспективно, как пророк, напоминающий о первоначальных устоях церкви, церкви Иисуса из Назарета и апостолов.

Итак, настало время справедливо рассмотреть «дело» флорентийского проповедника покаяния, тем более что эта справедливость также должна распространиться и на того Иисуса, бывшего кем угодно, только не «моралистом», поскольку он прежде всего хотел говорить о «любви бога», а не о поведении человека, и для чего теология извратила его личность и его учение.

Послужившее для монаха идеалом «господство бога и народа» можно понять только из его радикального, очищенного от позднейших морализующих наслоений отношения к восстановлению первоначальных корней веры. Но такое отношение его флорентийские противники все-

рьез не принимают. Собственно говоря, в борьбе с ними у Джироламо Савонаролы был только один шанс: он должен был доказать, что его речи и поступки одобряются богом, и одновременно надеяться на поддержку многих веривших в него последователей. Ибо после того, как он задел почти всех видных представителей вольготного живущего духовенства, ему может помочь только доказательство своей божественной миссии. Его «simplicita», другое название радикализма, основывающегося на вере в провидение и являющегося существенной особенностью реформаторов, заставила его наложить строгие рамки Евангелия на конкретную церковь своего времени. И он попытался, уверовав только в силу своего слова, побудить граждан Флоренции поднять свой город до «господства бога и народа».

Все эти опыты монаха закончились одним великим экспериментом его жизни: доступно и достоверно доказать согражданам, что он, пришелец Джироламо Савонарола, делает это не по собственному желанию, а только в силу тех прав, которые он сам называет полномочиями пророка. И все споры последних месяцев будут вестись прежде всего вокруг его претензии на то, что он, пророк, должен наставить на истинный путь город и его власти. Поэтому совсем не удивительно, что монаха, начиная от чуда испытания огнем 7 апреля 1498 г. до дней его страданий и пытки, ни о чем другом не спрашивают, кроме как о его кажущейся такой невероятной претензии, от которой он просто не мог отказаться, потому что считал ее последним проявлением своей человеческой «тайны».

ПРОРОЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС

Монах прекрасно понимал, что свою «тайну» он не может оставить при себе, а в один прекрасный день должен открыть людям, которым она предназначалась. И он опубликовал в разгар ожесточенного спора о политике Флоренции в отношении французов «Compendium revelationum» (очерк откровений) — трактат, опубликованный издателем Франческо Боннакорси на итальянском языке во Флоренции 15 августа 1495 г. и сразу ставший литературным событием. Этот оправдательный памфлет, который в большой степени является апологией поступков Савонаролы, но этим не ограничивающийся, а сообща-

ющий и о других пророчествах, которые должны осуществиться в будущем, относится к важнейшим автобиографическим документам монаха. Он исходит из того, что в глазах бога ситуация в Италии безнадежна и что он собирается ее изменить, применив совсем новые средства: согласно ветхозаветному образцу, каким его описал пророк Амос, власть нужно отобрать у опустившихся князей, мирских и духовных властителей и передать отныне избранному слуге, пророку, чтобы он сообщил свою божественную тайну городу, который по воле всемогущего предназначен для проведения в нем «реформы».

От этого «откровения» можно отмахнуться как от причуды самоуверенного или даже одержимого манией величия человека, но это вряд ли было бы справедливо. Многочисленные противники приора, пытавшиеся низвести его пророчества к тривиальному честолюбию и тщеславию маленького монаха, пытаются втиснуть этого человека в слишком узкие и обычные рамки. Монах несравненно значительнее. Он живет традициями, освященными столетиями, и ему вполне достаточно близости к богу и связи с ним. Одновременно он придает своим откровениям незаменимый «местный колорит», ибо он говорит, как это показал Дональд Вайнштейн, как человек, до деталей знающий флорентийские особенности и взявший на вооружение древний лозунг об избранности города Флоренции. Пророк Савонарола в первую очередь носитель специфически флорентийских откровений. Он говорит о тысячелетней славе этого города и одновременно пытается эту известную, хотя и многократно оспариваемую славу перенести в недалекое будущее, не в последнюю очередь с тем, чтобы использовать ее в своих интересах как политически, так и теологически. Монах не стесняется преподнести городу сплав различных идей, воплощенных в его личности, как нечто единственное в своем роде. Он одновременно говорит о современных апокалипсических признаках, древних императорских мифах и республиканских достижениях недавнего прошлого. И кажется, что монах хорошо знает, на какую плодородную почву должны упасть эти слова. Ибо его город и время прямо-таки перенасыщены подобными идеями. Он полагает, что саму эпоху следует писать только темными осенними красками средневековья, а также черной апокалипсической; имперскую идеологию можно конкретизировать лучше всего в

личности Карла VIII, самозваного Карла Великого; все это предназначено для народа Флоренции, только что отвоевавшего свои старые «свободы». В соответствии с этим Савонарола до мелочей человек своего времени, по крайней мере так кажется на первый взгляд. Основную часть его первоначального успеха во Флоренции можно с большой вероятностью приписать тому, что он олицетворял надежды и ожидания современников. Джироламо Савонарола стал духовным «signore» во Флоренции, пожалуй, только благодаря своей приспособляемости. И он делает все, чтобы укрепить свои позиции. Флорентийцев же этот аспект его деятельности только устраивает.

Они уже несколько столетий весьма своеобразно гордятся своим городом. Ярко выраженный интерес граждан к прошлому города, о котором говорит Гроте, кажется у них прирожденным. Еще в 1300 г. во время раскопок в городе находят остатки построек эпохи римлян и чрезмерно превозносят эти доказательства его старинного происхождения, поскольку таким образом прекрасно подтвердились старинные сказания и легенды о городе. Основание города Флоренции не кем иным, как Юлием Цезарем, с этого времени считается доказанным и само собой разумеющимся фактом, а тот самый Флорентиус, якобы построивший город по заданию Цезаря, превращается из героя сказания во вполне реальную личность, и только те из горожан, кому Цезарь не показался достаточно подходящим основателем такого свободолюбивого города, как Флоренция, продолжали вести поиски других основателей. По крайней мере оба самых знаменитых канцлера Флорентийской республики — Колуччо Салутати и Леонардо Бруни — верят, что город основан убежденным республиканцем Суллой. И даже сам Карл Великий в VIII в. имел отношение к новому основанию города. Этот факт можно доказать многими документами, и так полагают до тех пор, пока просвещенное и безжалостное столетие не разоблачит эти источники как простые фальшивки. А нужны были доказательства, чтобы продемонстрировать удивленному миру законность прав Флоренции, этой «дочери Рима», носить в своем гербе цветок ириса. Исторический интерес имеет четкую цель — доказать политическую законность. И городской пророк Савонарола, исходя из этих соображений, делает единственно правильное, когда он совершенно неосознанно становится защит-

ником мифов о городе. Да, он даже совершает в этом направлении важный шаг вперед, давая всем этим мифам христианское толкование. Избранность города с этого момента объясняется божественным предпочтением, оказанным народу-избраннику и его республиканским свободам. По сравнению с этим меркнут такие фигуры, как сам Цезарь, Флорентиус, Сулла и Карл Великий, по крайней мере так думают некоторые набожные граждане, но отнюдь не гуманисты, преклоняющиеся перед античностью. Городским покровителем, а следовательно, и защитником против внутренних и внешних врагов становится только король Христос. А его правительство в городе, кажется, согласны терпеть даже более просвещенные флорентийцы, торговцы и коммерсанты, хотя бы до тех пор, пока это господство не приведет к последствиям, отрицательно сказывающимся на ремеслах.

Но именно в этом пункте Савонарола придерживается несколько иного мнения. И только в этом вопросе теория «местного пророка», казавшаяся такой законченной, обнаруживает свою уязвимость. Ибо, как бы она ни была доходчива, она может объяснить только взлет монаха, но не его падение. Если проанализировать весь путь монаха, то его неудачу не так уж легко объяснить. А она так же неотъемлема от его жизни, как и первоначальная слава. Именно на этом решающем моменте прерывается изложение Дональда Вайнштейна. Таким образом, он рассмотрел и истолковал только одну половину деятельности пророка. Но вторая половина, не менее важная, остается, как и прежде, во тьме, и остается «тайна».

Итак, к монаху следует отнестись более внимательно, чтобы хотя бы приблизительно разобраться в его личности и деле. Это пытались сделать различные биографы. После многовекового затишья в XIX столетии вновь предпринимаются усилия, чтобы восполнить биографию Джироламо Савонаролы. В монастыре Сан-Марко вновь собираются сторонники монаха и называют себя «новыми *riagnopi*», чтобы сделать из монаха борца за освобождение Италии и тем самым показать свое отношение к Рисорджименто. И Паскуале Виллари⁴⁰, заброшенный во Флоренцию превратностями войны, издает двухтомную биографию, изображающую монаха несгибаемым и верным своему делу человеком. Но, как скоро заключили историки, монах изображается у Виллари только поборником республикан-

ских свобод города, герольдом эпохи Возрождения, а также политического и культурного прогресса. Савонарола, являясь пророком новой цивилизации, становится итальянским героем, но при таком рассмотрении почти абсолютно утрачивается понимание монаха, как глубоко религиозного человека, пророка божьей милостью. При всем этом стало бесспорным, что монаха нельзя понять до конца без теологического осмысления его тайны. Всякий историк, оставляющий без внимания пророчества монаха и не читающий источники, из которых они исходят, видит в Джироламо Савонароле только вопрос без ответа и нерешенную загадку.

Все же XIX столетие, как никакое другое, было благоприятно для изучения Савонаролы. В то время как Якоб Буркхардт в своем образцовом произведении об итальянском Ренессансе рассматривает монаха как одного из великих противников торжества идей этой новой эпохи в истории человечества и создает образ, дошедший до наших дней, другие историки видят в Савонароле одного из значительных предтеч Реформации. Такой памятник собираются поставить Лютеру в Вормсе. На его цоколе должны стоять чех Ян Гус⁴², англичанин Джон Уиклиф⁴³, француз Петр Вальдес⁴⁴ и итальянец Джироламо Савонарола, каждый по-своему повлиявший на жизнь и деятельность Мартина Лютера. Но и этот взгляд на монаха может объяснить только один из отрезков его жизни. То же самое можно сказать и о больших биографиях, появившихся позже. Виллари видит в монахе передового борца с тиранией Медичи и великого человека на пороге нового времени, который, как двуликий Янус, оглядываясь на средневековье, смотрит и вперед, в эпоху Возрождения, подобно Христофору Колумбу, искателю и открывателю неведомых земель. Буркхардт же придерживается диаметрально противоположного мнения. А Йозеф Шницлер, самый знаменитый немецкий биограф монаха, в начале нашего столетия изображает Савонаролу как великого человека одной религиозной идеи, как непримиримого пророка, готового на неподчинение «Риму», а следовательно, и на духовную смерть, чтобы без скидок довести свое дело до горького конца. Шницлер, со своей точки зрения, которую он противопоставил такому решительному и верному паписту, а значит, и одностороннему человеку, как Людвиг фон Пастор⁴¹, внес один из важнейших

вкладов в изучение деятельности Савонаролы. Ибо у него монах — это человек, одновременно сжигаемый божественным огнем и воспламеняющий им других, монах, которого ничто не в силах удержать от радикальной веры в собственное призвание. Шницлер, умеренный католический священник и преподаватель высшей школы, созданием этой биографии, которая по-прежнему не имеет себе равных, проявил конгениальную интуицию, показав действительные движущие силы, вдохновлявшие деятельность Савонаролы. Этот вариант биографии существенно отличается от истории его жизни, написанной членами монашеских орденов И. Хергенрётером или Х. Гризаром. При их чтении создается впечатление, что они пытались соперничество, существовавшее в то время между орденами и причинившее Савонароле столько неприятностей, перенести в наши дни. От монахов, занимающихся такими интригами, вряд ли можно ожидать трезвого суждения. Точно так же и более новые биографии, написанные итальянцами, такие, как изданная в 1952 году историком Роберто Ридольфи, не оправдывают ожиданий. Современные итальянские историки хотя и пытаются осветить подоплеку пророческого дара Джироламо Савонаролы и найти монаху место в богатом традициями ряду апокалипсических высказываний, но они сплошь и рядом ослеплены именно апокалиптикой того времени и забыли, что пророчества связаны не только с угрозой Страшного суда, носящей эсхатологический характер. Чтобы лучше понять феномен пророка, необходимо исследовать суть его личности, прежде чем удастся объяснить высказывания Джироламо Савонаролы относительно того, что предназначалось им для «других».

Само собой разумеется, что нельзя не назвать самонадеянной попытку систематизировать деятельность пророка, исходя из того, какой она была в период своего расцвета и как о ней сказано в некоторых местах Ветхого завета. Точного определения этого дарованного богом призвания, именно *per definitionem*, никогда не было. И в этом случае мы можем проследить только некоторые основные линии в известных к этому времени отличительных признаках пророчества. Также и при изучении жизни Савонаролы в нашем распоряжении слишком мало отправных пунктов, свидетельствующих о понимании монахом своего призвания, чтобы сегодня с уверенностью

можно было сказать, будто флорентийский монах соответствует ветхозаветным критериям пророка. При всем многообразии и различиях пророчеств Ветхого завета невозможно выделить общие закономерности. И даже если бы таковые существовали, этот метод определения был бы слишком сомнителен, поскольку вечно существовала бы опасность нивелирования индивидуальных качеств людей в угоду «объективным» признакам и категориям. Джироламо Савонарола имеет право, предпосланное свыше, быть самобытным, а возможно, и ни с кем не сравнимым пророком. Ему не нужно соответствовать критериям исследований по истории Древнего Востока, чтобы сегодня его деятельность признали законной. И тем не менее в ходе нашего изучения может оказаться, что монах в немалой степени отвечает критериям, выработанным в ходе современного исследования пророчеств.

Первое впечатление таково, что ветхозаветные пророчества, к которым так часто обращается в своих проповедях и писаниях Савонарола, встречаются нам во множестве и в самых различных формах. Всегда существовали отдельные предсказатели, а также связанные интересами группы предсказателей, придворные и религиозные пророки, жившие и в подвижных сообществах. Одни из них легко приходили в состояние экстаза, другие предпочитали разумно аргументированные проповеди. И у большинства из них даже была определенная клиентура: отдельные люди, хотевшие решить личные проблемы с помощью предсказаний; короли и властители, получающие от пророков советы или упреки; военачальники, желающие перед выступлением в поход услышать определяющее решение Иеговы; члены культовых общин, ждущие ответа бога во время покаяния перед религиозным праздником. Многие из них — непрошенные гости при официальном отправлении культа или в мирских делах. А их различия в происхождении, зависимости и задачах создают целый ряд поводов к соперничеству и конфликтам в собственных рядах. Борьба между ними, противостояние друг другу, — безусловно, ахиллесова пята пророчеств, как справедливо констатировал Хоссфельд-Мейер. Это легко уязвимое место представляет профессиональную угрозу и ранимость для пророка. Прорицатель борется не только с закоснелостью и жестокосердием своих современников, к которым он обращается, он должен опасаться раздора и в своих

рядах, следствием которого может быть непризнание и насильственная смерть. Именно враждебно настроенные коллеги по профессии могут дезавуировать действенность его прорицания и просто парализовать его. Мы должны постоянно помнить, что Савонарола не в последнюю очередь становится жертвой своих собратьев и сторонников, богословов. И только после длительного процесса обретения его паствой духовной зрелости, длящегося во многих случаях более столетий, пророк будет реабилитирован и его правду поймут. Поэтому и на сегодняшний день остаются нерешенными труднейшие проблемы. Всегда найдутся люди, желающие узнать, как же проходит подобный процесс, в котором откровения получают признание, какие препятствия им придется встретить и каким путем преодолеть. Да спросят и о том, есть ли вообще критерии, оправдывающие претензию на истинность откровения. Как же можно конкретизировать библейское требование «различать духов»? Какие авторитеты решают вопрос о «правде» и «неправде», об «ошибочном» и «безошибочном»? И каких должностных лиц следует привлечь, чтобы пересмотреть прежние определения по этим вопросам?

Итак, в отношении дел радикального монаха из Флоренции необходимо решить немало затруднительных проблем, прежде чем ответить на вопрос о его «правде» и «тайне». При этом особенно трудна проблема критериев истинности. Какую роль в этом вопросе играет ссылка на традиции? Как влияет моральный облик провозвестника на его предсказания? Как сказывается жизнь пророков на правоте их учения? Как вообще предсказатель приходит к мысли об осуждении окружающего мира вместо того, чтобы просто одобрить господствующий порядок? Существуют ли у него обязательства перед государственными и церковными учреждениями, поддерживающими его, или же он должен предъявлять свои требования именно к ним? И возможно ли, что решающим для выполнения божественной миссии является не успех, а неудача? Может быть, мученичество и костер являются признаками истинности его учения, поскольку настоящий пророк всегда обречен на неудачу среди своих современников?

И еще одно. Богословская проблема, стоящая за всеми этими вопросами, а именно вопрос о радикально-пророческой сути церкви, по всей видимости, не решен. Хотя «Рим» все время и признает необходимость пророческой

миссии церкви, но все тот же папа Александр VI, как и его советники, отказывается принять именно во флорентийском монахе конкретное подтверждение этой теории школьных и придворных богословов. К тому же церковь только за собой оставляет право на пророчества и именно в своем противоборстве со злым «миром», которому она должна противопоставлять себя в качестве эсхатологического и пророческого знамения бога. Убежденная в этом, церковь считает своим правом постоянно именем бога увещевать мир, критиковать его или ему угрожать. Но она также внушает и надежду, возвещая божественное откровение и напоминая о его осуществлении. Если же она по отношению к верующим якобы выполняет свои пророческие функции, то позволительно ее спросить, причем настойчивей, чем когда-либо, с чем же она собирается смириться в качестве наследницы деятельности ветхозаветных пророков. Во что же обходятся церкви ее претензии на пророческую миссию? Это спрашивает и монах из Флоренции. И он, конечно, прав. Ибо церковь его времени хотя и приписывает себе пророческие качества, но не хочет сделать никаких выводов из этого гордого признания. Более того, пребывая в полной уверенности в истинности своего учения, она устраняет «лжепророков», угрожающих ее безопасности, после чего вновь наступают спокойствие и порядок.

Поскольку же пророк, по всей видимости, упорно отказывается подчиниться, то высшие власти всех рангов считают его «очагом мятежа». Он угрожает окружающему миру, следовательно, надо защитить от него людей. Он нарушает официально узаконенный покой, к тому же не хочет вступать в переговоры и полностью исключает возможность общей точки зрения. Он не выступает также как исполнитель требований какого-либо органа, не представляет ничьих интересов, за исключением бога и народа. И по этому вопросу он тоже не желает вступать в переговоры, хотя государственные учреждения, не исключая церковь, пытаются использовать в своих целях его пророческую деятельность и подчинить ее своему контролю. Савонарола отказывается от всяческих предложений официальных лиц. Ведь невозможно быть одновременно пророком и кардиналом римской церкви. Он решил на одно и поэтому всегда будет отвергать другое, даже если бы карьеристы и не захотели лишить его этого.

В отличие от всех жалобщиков и зловещих прорицателей, которые могут только обличать безвыходную ситуацию, истинная пророческая критика исходит из отрицания существующего положения отвергаемой ею действительности. У пророка всегда есть что предложить. Не предлагая законченной системы, он и не думает только о разрушении, не взывает к неизвестному будущему, а пытается все воссоздать на собственный и радикальный лад. Говоря языком Ветхого завета, пророк не только «вредит», он рано или поздно возвестит о твердом решении своего бога залечить нанесенные раны. Более того, пророк также и тот, кто может исцелить, правда, только по определенному заданию своего бога и только тогда, когда он сам соответствует нравственным требованиям, предъявляемым богом. Ибо пророк, который вроде часто упоминаемых нами «тоже реформаторов» только убаюкивает своих современников, оценивает свое собственное существование, неверно отказываясь тем самым от бога, предсказывает благополучие и обещает выздоровление там, где радикальный пророк видит только симптомы постоянного углубляющегося кризиса, которые нельзя затушевывать и излечить которые может только бог. А тот, кто все время успокаивает и пренебрегает проповедью обращения людей к богу, — шарлатан и отнюдь не истинный целитель.

И еще одно. Пророки Древнего Востока занимались своеобразной «социальной критикой», когда говорили о «вреде» и «благе». Выступая против непроизводительных доходов того времени — ростовщического капитала и его порядков, — о которых мы еще будем вести речь, они провозглашали себя глашатаями «маленьких» людей, ссылаясь на старые права, данные богом. Воспоминания о старых правах и обычаях общины, какие могли быть во время перехода к оседлости, еще не стерлись в памяти людей. И более того, для ситуации того времени типично, что подобные традиции никогда не исчезают совсем, а это особенно проявилось в преддверии Крестьянской войны 1525 г. У оседлого крестьянина хорошая и долгая память. И у него прекрасно сохраняется верное чутье на старые права, хотя они нигде не записаны, и понимание современного бесправия, хотя ему и придана видимость законности. Вышние же слои, включая высокопоставленное духовенство и королевскую власть, неизбежно становятся мишенью пророческой критики, потому что пророк

должен стать рупором «бедных» и бесправных и выступать против знати, которая своими нарушениями права и подделкой подтверждающих его документов искажает старые права, дарованные богом. В соответствии с этим крупное землевладение подвергается не только критике реформаторов XVI в., ему досталось уже от речей ветхозаветных пророков, жаловавшихся на постоянный обман бедного люда.

Вместе с тем было бы неверным сегодня на основании точных исторических данных, относящихся к Древнему Востоку, считать, что пророки были просто глашатаями религиозных идеалов. Напротив, критика религии всегда являлась также и критикой существовавших условий эксплуатации бедняков господствующим классом. Если же кому-нибудь покажется, будто данные высказывания носят чрезмерно «марксистский» колорит, то это будет означать, что он опровергает мнения историков, пришедших к этим выводам и отнюдь не желающих называться «марксистами».

Правда, было бы преувеличением считать, что пророки постоянно отрицали всю тогдашнюю систему. Итак, о социальной критике в современном понимании этого слова не может быть и речи. Для этого время еще недостаточно созрело ни в период Ветхого завета, ни при Савонароле. Также и Ян Гус в свое время не мог предложить разработанной социальной модели и не собирался этого сделать. Он видит бесправие и произвол прежде всего там, где они рядятся в религиозные одежды, но систему новой церкви у него невозможно обнаружить, как и у Мартина Лютера или других реформаторов тех столетий. Все они, и Джироламо Савонарола в первую очередь, измеряют масштабами библейских требований современные им институты и представления. И они обвиняют свою церковь в таких жестоких прегрешениях потому, что она, выдавая себя за стража морали, считает выполнение собственных требований для себя необязательным. Но поскольку представители и выразители мнения церкви, по всей видимости, не собираются исправляться, все реформаторы, не исключая и Савонаролу, призывают на помощь светскую власть, чтобы вернуть продажную церковь на евангельский путь во имя ее самой. Критикуемой системе не противопоставляется и не предпочитается какая-нибудь другая конкретная система. Более того, создается впечат-

ление, что, борясь в высшей степени радикально против недостатков своей эпохи и категорически отказываясь от переговоров и реформ, пророки никогда не говорят о пороках, «обусловленных системой», которые можно устранить введением нового экономического порядка. Ни одному из них не известна иная политическая система. Во всяком случае, каждый надеется на исправление положения путем возврата к старому общественному порядку и изначальным правам, медленно, но верно аннулированным властителями в ходе истории. Однако социальной программы, ориентированной на будущее, у пророков нет.

Тем не менее этот вывод ничего не меняет в том факте, что все пророки с энтузиазмом выступают в защиту «нижних слоев» своего времени и в соответствующий момент всегда оказываются не на стороне верхушки, а внизу, с массами. Приблизительно во времена Ветхого завета образовалась экономическая форма ростовщического капитала, позволившая господствующим слоям городов благодаря развитию торговли и образованию капиталов утвердить и расширить свои, изначально феодальные ростовщические правопритязания на крестьянские и ремесленные слои. Следствием этого явилась эксплуатация крестьян, осуществлявшаяся прежде всего с помощью трудно поддающихся проверке долговых расписок. Да и вообще у крестьян была масса возможностей запутаться в долгах. С одной стороны, этому способствовали частые неурожаи, с другой — крестьяне страдали от системы ростовщического капитала с его постоянно растущими процентами и всю жизнь были без средств. Поэтому крестьянин довольно часто оказывался в долгах у господствующего класса, чтобы прокормить свою семью. Высочайшим идеалом системы и ее представителей очень скоро стал тот, чтобы возможно большее количество крестьян запуталось в долгах и при уплате в рассрочку никогда не смогло бы погасить первоначальную ссуду, одолженную в незапамятные времена. Кредиторы же сидели в укрепленном городе, предоставлявшем в их распоряжение культурные достижения эпохи, поскольку денег для этого было не только достаточно, но количество их постоянно возрастало.

Так ростовщический капитал высасывает доходы людей, вынужденных работать на него, и становится настоящим паразитом. А эксплуатируемое крестьянство все

больше — физически и морально — приходит в упадок, поскольку оно должно постоянно работать на «город» и его славу, не имея возможности избавиться от долгов. И как во Флоренции более позднего времени, так и на Древнем Востоке, родине «пророков», налицо бегство из деревни в эти великолепные города, а вместе с тем новые причины безработицы и роста «пролетариата».

Только тогда, когда мы ясно представим себе эту ситуацию и выясним, какие параллели можно провести между древневосточной и флорентийской экономикой, мы поймем значение деятельности предсказателей и особенности их социальной критики. Королевская власть и богатый господствующий слой, могущественные лица в торговле и ремесле увеличивают свои богатства и бесстыдно используют в собственных интересах господствующую экономическую систему, вызывая бесчисленные человеческие трагедии в низших классах своего времени. Если не обращать внимания на этот социальный, а точнее «асоциальный» фон нападок пророков на те несправедливости, которые никогда бы не понравились богу Яхве, то трудно что-либо понять в сущности пророческой деятельности. Пророки не просто праведники, постоянно твердящие о боге и претендующие на вершение человеческих судеб. Напротив, они и в качестве провозвестников истин не отрываются от земных дел и клеймят не какие-то недостатки вообще, а прежде всего несправедливость, с которой они сталкиваются повседневно.

Позднейшие ученики, потомки, в более просвещенные времена, когда конкретные выпады учителей не могли быть столь же конкретно применены, как у их современников, попытались очистить учение пророков от налета повседневности и завершить его богословскую обработку. И чтобы достигнуть своей, несомненно, благой цели, последователи не обращают внимания на многое «обусловленное временем», что пророку когда-то казалось важным. Поэтому от данных письменных документов о пророке, написанных не им, скорее следует ожидать сокращенного и выхолощенного изложения, а не расширения пророческой социальной критики. О таком положении вещей в целом можно только сожалеть. Ибо в свое время пророк постоянное обличение социальной несправедливости связывал с волей бога и создавал внутреннюю взаимосвязь между социальным злом действительности и грядущими бедами,

которыми он угрожал. Для истинного пророка социальные недостатки — противодействующий и деструктивный элемент в единственной в своем роде связи бога с избранным им народом. И тем не менее такое положение остается, несмотря на совершенно иную трактовку, содержащуюся в более поздних редакциях последователей. Ибо и до сих пор в немногих дошедших до нас текстах пророков можно увидеть в общих чертах первоначальные цели социальной критики, исходившей от этих непримиримых людей.

К сожалению, приходится констатировать, что эти научные выводы, сделанные современными историками, признаны еще не всюду. Также и в наши дни критику пророком социальных пороков своего времени считают надоевшим и в конечном счете несущественным элементом его «миссии», приложением, скорее искажающим, чем помогающим понять «суть» в отношениях бога с народом. И в наше время охотно апеллируют к новым интерпретациям высказываний пророков, связывают критику зла с неземными и апокалипсическими событиями, ожидают божественного Страшного суда и тем самым затрудняют нужный подход к непосредственной пророческой миссии, к социально-радикальной критике и конкретно связанному с этим предсказанию грядущих бед всяческим богачам. Согласно этой интерпретации, пророк является прежде всего «божьим человеком», который, преображая повседневную жизнь, одновременно в силу своего учения остается вне ее и, ведя борьбу за лучший потусторонний мир, не пачкает своих рук будничными делами. Таким образом, те, кто пытаются придать пророку эсхатологический ореол, а также окончательно подвести его под нечто апокалипсическое, преследуют определенную цель. Им, удаляющим предвестника грядущих бед от мирской реальности, можно не бояться за свой личный покой. Поэтому и не удивительно, что имущие и лжепророки заинтересованы в умалении значимости пророка или даже в ликвидации его социальной деятельности вообще, чтобы никто не мог сравнивать их жизнь с миссией пророка. Если же кто-либо попытается серьезно разобратся в неискаженном назначении его миссии, то он в большей степени отдаст должное «божьему человеку», чем это смогут когда-нибудь сделать усердные толкователи смысла пророческих откровений. Тогда и в этой области можно констатировать «эпоху пророческого Ренессанса». Пророк будет открыт заново,

и в процессе ознакомления с его деятельностью и за пластами поздних наслоений, созданных заинтересованными в этом людьми, обнаружат суть его радикальной миссии.

Джироламо Савонароле, пророку города Флоренции, присущи многие из названных критериев истинного пророка. Но мы бы слишком много от него потребовали, если бы предположили, что он, читая находившиеся в его распоряжении древние тексты, разобрался в социальных вопросах ветхозаветных пророчеств. Тексты, которыми он в свое время пользовался, были ранее переработаны под определенным углом зрения. Одним из традиционных интересов эпохи прежде всего была «апокалиптика» — ожидание видений и чудес, очевидного и осязаемого вмешательства бога, наступление которых настоящий пророк того времени должен был предсказать с определенной уверенностью, если не хотел повредить своей репутации или утратить уважение окружающих. Монах от этих мыслей вряд ли может освободиться. В своем «Compendium revelationum» он не раз говорит о видениях и личных откровениях, которых он удостоился для исполнения своей миссии. И он живет, как правильно констатировал Дональд Вайнштейн, верой в «свой» город Флоренцию, который, будучи преобразован в город бога, обретет великолепное будущее. Таким образом, Савонарола полностью раскроет «апокалипсическую» сторону своей миссии.

Но этого не произошло. И хотя Савонарола вряд ли мог заимствовать из традиционной интерпретации Священного писания социальные проблемы истинных пророков, он сам пробивает барьер «праведной набожности» и выступает в качестве радикального критика господствующего в городе порядка. С его точки зрения, необходимо установить не только «господство бога», но и господство «народа», пусть оно даже будет всего-навсего только попыткой. Пророческая деятельность Джироламо Савонаролы не ограничивается чистой эсхатологией и вскоре расширяется до критики положения дел в городе и у духовенства. И с этой стороны ему оказывается сопротивление, которое в конце концов приведет к его падению. Сама по себе «апокалиптика» вряд ли могла повредить монаху. Его пророческая настырность становится вредной только тогда (так шепчут его враги), когда он отважится заняться конкретными делами и запятнает себя оскорблением светских и церковных властей. С этого момента он стано-

вится проповедником народа, его рупором. И только теперь его могут понять, ибо он отличается от всех лжепророков среди своих профессиональных коллег. Только теперь ему угрожает костер. Становится опасным не мечтатель, не человек, выдающий себя за ясновидящего, а политик-реалист, спустившийся в конце концов с небес на землю. А его клиентура, слушавшая так долго и терпеливо, все-таки позволяет свергнуть его, «чужака». Пока он говорил только о славе города, не было никого, кто упрекнул бы его в нефлорентийском происхождении. Когда же все ясней он дает понять, что остается чужим Флоренции не по причине своего рождения в Ферраре, а потому, что живет по другим канонам, нежели большинство граждан, бывшие сторонники покидают его. Итак, лишний раз становится очевидно, что настоящий пророк должен бороться не только с косностью своих слушателей, но и против бунта в собственных рядах, в данном конкретном случае — против собратьев в монастыре Сан-Марко, которые все чаще называют приора «лжецом», ибо считают только себя и своих сообщников самыми правдивыми людьми.

Чтобы уладить спор, поскольку церковь еще не высказала на этот счет авторитетного мнения, было решено 7 апреля 1498 г. прибегнуть к помощи огня. Когда это также не дает ответа на вопрос «пророк против пророка», прибегают к пытке и, в конце концов, к костру, чтобы пролить свет на «тайну» этого человека и узнать его «правду». Но в результате, как во многих других случаях, добиваются не укрепления связи с существующими институциями, а терпят неудачу, ибо критерием истинности призвано быть не заискивание у коллективного «лобби», а отказ от общения с этой сворой. Итак, радикал терпит крах, столкнувшись с собственной церковью, считавшей, что она единственная может быть выразителем радикализма, заимствованного у своих святых. Поскольку же в лице Джироламо Савонаролы она встретила с еще более радикальным деятелем, опирающимся на самого бога и ни за что не соглашающимся на компромисс, 23 мая 1498 г. церковь вынуждена прибегнуть к уничтожению чужого радикализма с помощью огня. Это решение, как и в других случаях, спровоцированных самими пророками, принимается окончательно. Таким образом, угроза окружающему миру устранена. Разница между «еретиком» и «пророком» исчезла. Именно в результате этого Джироламо Савона-

рола и становится одним из действующих «пророков Нового завета», поскольку он повторил судьбу Иисуса из Назарета, преданного своими единомышленниками и казненного высшим духовенством. Поэтому монах своей судьбой обращен не только к будущему, к последним дням Страшного суда, но также и к прошлому, к тому первому поджигателю, которого «они» больше не могли терпеть и кто один пожертвовал собой во имя всех. Таким образом, осуществляется «возрождение пророка». Согласно Иисусу из Назарета, все пророчества имеют связь и с прошлым, ибо они опираются на активную память о нем, а не на перспективу туманного апокалиптического будущего. Поэтому монах последовательно поступает единственно правильным образом, воздвигая над городом крест и провозглашая Христа королем Флоренции.

О БЕССИЛИИ ЧЕЛОВЕКА

Мы, родившиеся позже, хорошо знаем, что королевская власть Иисуса Христа и его пророка Савонаролы, установленная во Флоренции в 1494 г., длилась недолго. Приукрашенная богословием слава города скоро поблекла. А листы золотой книги, на которых должны увековечить славу Флоренции, сжигают самое позднее 23 мая 1498 г., когда был казнен монах. Причин такого хода событий было предостаточно. С монахом покончено во всех смыслах. А он все больше и больше попадает в поле напряжения, создаваемое обоими полюсами города, в смертельную сеть мирской и церковной власти. Дети же, ходившие раньше по его заданию от дома к дому, чтобы выискивать «суетность» горожан и демонстрировать взрослым в качестве примера свою невинность, теперь не менее самозабвенно бросают камни в монаха, потому что им так велели разочаровавшиеся в пророке взрослые.

А в монастыре Сан-Марко, духовной родине Джироламо Савонаролы, еще раньше принимают решения не в его пользу. И это горькая пилюля для монаха. Ибо осуществление реформ он связал с местом деятельности святого, основателя монастыря. Когда-то Ян Гус стремился к аналогичной цели, избрав пражскую Вифлеемскую капеллу, ставшую теперь чешским национальным памятником. Но папа одновременно с провозглашением

анафемы этому еретiku отдал и приказ снести капеллу, который, однако, не выполнили. Правда, Гусу пришлось бежать и руководить распространением своего движения из эмиграции. И все же ему не суждено пережить то, что ждет Савонаролу, — уничтожение святилища изнутри. Ни один папа не мог бы разрушить Сан-Марко. Об этом заботятся и собратья монаха. А измена уже подготавливается. Правда, монастырь во времена Савонаролы форменным образом расцветает. В то время как число постриженных в монахи за последние десять лет до его приората составляло около двадцати, под руководством брата Джироламо оно выросло до ста тридцати человек. Монахи были даже вынуждены сделать пристройку к основному зданию. Также и в других монастырях города реформа все больше одерживает верх. И все же этот расцвет длится недолго, ибо сразу после казни монаха число новых послушников резко сокращается до одного или двух. Явная неудача приора свидетельствует, что его успех был мимолетен. Вечные раздоры между нищенствующими монахами, которых Савонарола подавлял с большим умением, начинаются вновь. Итак, настал час «тоже реформаторам» сказать свое веское слово.

Дух противоречия этих людей еще при жизни монаха проявлялся все отчетливей. И нередко противники из собственных рядов обращались непосредственно к папе римскому, чтобы тот освободил их от этого монаха и его радикальных воззрений. Строгое направление в ордене, олицетворявшееся приором монастыря Сан-Марко и безжалостно навязываемое им своим собратьям, нравилось отнюдь не всем. И кое-кто из монахов, сравнивая свое положение с жизнью братьев по ордену в других местах Италии, вероятно, говорил, что жизнь со святым нередко означает ад на земле. В Риме такие высказывания охотно выслушивали, к тому же руководство орденом во главе с верховным генералом Торриани с радостью отдалось бы от неприятного провидца, собиравшегося внести только новую смуту в жизнь ордена, хорошо приспособившегося к существовавшим тогда обстоятельствам. При этом папу все больше раздражают бесконечные нападки монаха на его личность, и он вскоре прибегает к помощи сообщников в ордене, предлагающих ему свои услуги. Он начинает готовиться к «окончательному решению» вопроса о Савонароле.

Все́му этому предшествовали волнующие события. Савонарола всего за несколько недель до своей смерти начал постепенно осуществлять радикальную реформу в собственном городе. Многие поняли, что от этого монаха и его пророческой миссии можно ожидать радикальной реформы даже города папы. Монах в возрасте зорока с лишним лет был полон сил и, несмотря на все возрас-тавшую критику, продолжал еще оставаться любимым проповедником с тысячами последователей. Эти сторонники, сплотившиеся в настоящую партию, представляли нечто большее, чем просто набожных монахов из его монастыря Сан-Марко. Ему помогает непоколебимо следующий за ним штаб сотрудников из молодых и воодушевленных им людей, имеющих превосходные связи с крупными политическими деятелями, известными далеко за пределами Флоренции. Однако его окружают и влиятельные враги из всех слоев населения, ожидающие, когда пробьет их час. Неуязвимый с точки зрения своего образа жизни, не обремененный большими пороками своего времени и сословия, он — пришедшийся по сердцу народу и ниспосланный богом руководитель, на которого многие возлагают надежды.

И Савонарола идет навстречу ожиданиям. Более радикальных высказываний ни от кого не услышишь. Он знает силу своих слов. Эхо его проповеди возвращается к нему, подкрепленное новыми надеждами, и гонит его все дальше и дальше. Таким образом, монах узнает о влиянии почти магической силы доверия, надежды и ожиданий многих людей. Поскольку же он не только проповедник с кафедры, но и духовник, умеющий слушать и размышлять, он продолжает совершенствоваться и читает в сердцах доверившихся ему людей, как в книге. И при этом он узнает об истинных стремлениях и страстных желаниях народа, о которых ему не смог внятно рассказать ни один из его учителей. У него словно пелена упала с глаз. Поэтому его речи становятся все более раскованными и проникновенными. Он уже не собирается осуществлять реформу только в городе, а расширяет круг своих задач — берет на прицел и Рим.

Когда римляне начинают понимать, что беспорядок, исходящий из Флоренции, скоро не прекратится, они вмешиваются. Но это вмешательство осуществить нелегко. Ибо личная жизнь монаха безупречна, и он, кажется,

не отрицает ни одного догмата веры. Когда некоторые представители церкви пытаются наконец заткнуть рот назойливому проповеднику, перед ними встает задача придумать аргументы, чтобы обвинить его в формальной ереси, а именно: в недостаточной солидарности с наследником трона святого Петра, или еще что-нибудь в этом роде.

Окольным путем, с помощью этой шаткой выдумки, римлянам все же удалось поколебать мнение о благочестивом монахе Савонароле, и только тогда «праведникам» была дана лицензия на его «отстрел». Кто противопоставляет себя папе и его авторитету, тому нет места в римской церкви. А его образ жизни с этого времени становится подозрителен, коварен и опасен. Такой упрек, сделанный исподтишка, должен привести к плохому концу. По сравнению с этим все скромные последствия, которыми монах в свою очередь угрожал папе в открытой полемике, все его упреки казались незначительными и просто пошлыми. Ибо церковный стиль жизни Борджа, как странно это ни звучит, был относительно безупречен. Большой раскол церкви в XV в. только что счастливо закончился, а такой исход бывал не часто. По сравнению с упреками, выдвинутыми на Констанцском церковном соборе для обоснования смещения папы Иоанна XXIII, Балдассара Коссы, жизнь Борджа была ярким примером добродетели. В то время многие считали, что в этой области все довольно относительно. Александр VI, во всяком случае, хотя и не был безупречен в личной жизни, все же умел умно и осмотрительно представлять свою систему. Такая манера поведения давала ему возможность устраивать свою личную жизнь, как ему заблагорассудится, в границах, созданных людьми, преданными официальной церкви и признававшими в то время только собственную шкалу ценностей для тогдашнего духовенства. Формально папу могли счесть еретиком, это, конечно, было допустимо. Множество теологов и каноников вели по этому вопросу ожесточенные споры, немало ссорились по этому поводу и на соборах. Чтобы обвинить папу в ереси, надо было обвинить его в теологическом заблуждении, иначе говоря, в церковном расколе, а никак не в нарушении сравнительно второстепенного закона о безбрачии католического духовенства и уж никак не в политическом провале. Итак, нападки из Флоренции серьезно не затрагивают римского папу.

Иначе обстояло дело с второстепенным священником, которого не мог защитить ни его невысокий сан в церковной иерархии, ни так называемое церковное единство, что для него было очень важно. Его, бессильного, не допущенного к привилегиям высокопоставленного клира, следовало назвать лжепророком, еретиком и низвергнуть самое позднее в тот момент, когда его соратники по партии решат от него отделаться. Никакой роли не играло и то, что, по всей видимости, повредил своей церкви папа, а не монахи. И ни у кого не возникала сама собой напрашивающаяся мысль, что именно поведение Борджа, да и многих других, было «еретическим». Правда, многие истолковывали «ересь» как попытку из целостности христианской веры и ее традиций выделить отдельные положения для использования в личных целях, а затем выдать их за целое. И только немногие шли дальше в своих размышлениях, приходя к мысли, что этот особый вид ереси можно обнаружить и у так называемых должностных лиц — пап и епископов, очень уютно устроившихся в собственной, особой форме реальной церкви и из этого безопасного убежища без колебаний называющих еретиками и преследующих, с помощью созданного ими аппарата власти, всех, кто отказывался эти реалии считать церковью Иисуса из Назарета.

Именно такой схемы придерживается Александр VI, действуя против Савонаролы. Он защищает только определенную церковь — официальную, победоносную, но не обязательно единственно возможную. Таким образом, папа Александр VI, Родриго Борджа, остается верным своей сущности и должности. Он оправдывает надежды, возложенные на него, по крайней мере в этой области. Поэтому у него и не появляются глубокие сомнения по поводу своих обязанностей в качестве папы. Они возникнут у более поздних поколений.

Правда, папа, следуя своим привычкам, действует скорее осмотрительно, чем опрометчиво. Он не торопится. Важные политические соображения играют здесь не последнюю роль. Между тем со своей стороны монахи также тщательно подстраховываются. Французская договаривающаяся сторона держала обещанное слово, по крайней мере до этого момента. После отхода из Флоренции Карл VIII двинулся на Неаполь и занял его, не утруждая себя даже ради приличия спросить разрешения папы.

О реформе церкви больше не было разговоров, тем более о претензиях на наследство и власть. Француз следит в Неаполе за порядком и благодаря своим военным успехам в чужой стране приобретает все больше и больше врагов. Политическое следствие его деятельности — возникновение антифранцузского союза. Папа, император и испанская королевская чета объединяются против Франции. Но Флоренция после некоторых колебаний остается верной договору с Карлом VIII. За эту позицию ответствен Джироламо Савонарола. Он ожидает для своей реформы от короля французов больше, чем от номинального главы римской церкви — Родриго Борджа. И Карл VIII, возвращающийся на родину, очень благодарен городу Флоренции, имеющему такое важное значение, за эту верность. Когда Савонарола посещает его еще раз 17 июня 1495 г. в военном лагере под Поджибонзи, суверен обещает монаху всяческую поддержку городу. Но вскоре после этого Карл VIII вынужден окончательно покинуть Италию. Правда, молодой король намерен еще вернуться, и с большими силами, но первое время он находится в своей стране, а антифранцузские настроения во Флоренции становятся все сильнее.

В это время Александр VI решил вмешаться в дела города. Его первое послание, папская грамота от 21 июля 1495 г., уже учитывает изменившееся положение. Французский защитник отсутствует, а монах, по крайней мере на некоторое время, предоставлен самому себе и колеблющемуся народу. Но тем не менее послание папы выдержано в самом дружелюбном тоне. В нем воздается хвала заботам монаха о спасении душ окружающих. И все же Савонаролу призывают, совершенно определенно со ссылкой на обязанность духовного повиновения, прибыть в Рим для «разъяснительной беседы» по поводу его пророчеств. Поскольку речь шла о традиционных проповедях покаяния, это требование не казалось необычным. Предшественники Савонаролы зачастую ничего так страстно не желали, как предстать перед папой, чтобы доказать божественное предопределение своей миссии, а следовательно, и право на свою деятельность. Итак, в данном случае папа только выполняет свою обязанность. Он должен по поручению церкви, которую он представляет в качестве наследника апостольской доктрины, проверить все: хорошее оставить, а кажущееся опасным задушить в зародыше.

Но Савонарола не церемонится с веселым папой. Он не соблюдает традицию проповедников покаяния и наотрез отказывается принять его приглашение, полагая, что у него на это есть веские причины. Еще и в наши дни историки задумываются над тем, что, собственно говоря, могло побудить монаха отвергнуть папское приглашение. На этот вопрос вряд ли можно ответить. Во всяком случае, это был не страх за собственную жизнь, хотя все прибывавшие в Рим руководствовались именно этим. Несколько позже и Лютер откажется приехать в Рим на допрос, приведя в свое оправдание колкий довод, что, как известно, повсюду в этом святом городе даже сам папа не уверен в собственной безопасности. Итак, Савонарола мог отклонить папское предложение, руководствуясь чувством страха, однако это не соответствовало действительности. Надо полагать, что он поступает так, а не иначе скорее по причине все более осознаваемой невозможности пойти на компромисс с папой и его римской курией. Как бы то ни было, но отказ от папского предложения — зародыш мятежа, а также внушающего опасения и поэтому запрещенного радикализма противника тогдашней римской церкви. От приглашения главы папского государства так просто не отказываются. Обязанные повиноваться монахи не отклоняют беседу. Это просто невежливо. Короли вроде Карла VIII еще могут себе позволить что-либо подобное. За ними стоит сила, исчисляемая количеством копий. Таким образом, во всем виноват монах, в то время как в глазах общественного мнения прав Борджа. Отказ от беседы с папой, если рассматривать все в целом, принес ему больше пользы, чем возможное согласие монаха, ибо этим решением проповедник сразу подтвердил свою неправоту. К тому же он лишился единственной возможности высказать в Риме свое мнение. Так или иначе, с самого начала разговор еще мог бы не принять неблагоприятного оборота для дела Савонаролы. Император Карл V, разбирая дело Лютера, позже подведет соответствующий итог, сожалея в конце своей жизни о том, что вообще выслушивал опасные аргументы еретика, а не сжег его сразу. Он говорил: «Еретики приводят такие убедительные и хорошо продуманные доводы, что они легко могут запутать слушателя. А что произойдет, если случайно какой-либо лживый аргумент вдруг останется в моей памяти? И у кого

найдется достаточно сил, чтобы вырвать его из моей души?» Также и Лютер знал, о чем идет речь, когда говорил: «Ересь невозможно побороть с помощью силы. Здесь нужен другой прием и другой спор и разговор, нежели с помощью меча. Здесь должно решить божье слово, а если оно не сможет этого сделать, то не делает этого и светская власть, даже если зальет мир кровью. Ересь — это духовная субстанция, ее нельзя разбить железом, сжечь огнем или утопить». Но именно это справедливое мнение заядлого еретика не может быть принято духовенством Рима, если оно не хочет признать себя побежденным. По крайней мере в деле Джироламо Савонаролы правота тезиса Лютера оправдалась: смерть монаха на костре не способствовала ни расцвету «правды» римской церкви, ни торговле города Флоренции.

И без того в ходе столетий истории церкви никогда не было ясно, кто отстаивал правду, а кто ложь. Ожесточенные споры велись постоянно и в основном из-за вопросов, в которых сегодня разбираются только специалисты. Папы и антипапы, императоры и епископы обвиняли друг друга в ереси, в полном соответствии с христианской верой, а обвинения скрещивались с контробвинениями. Но со временем все яснее сказывалась на этой центральной проблеме веры инфляция. Сама проблема продолжает существовать. Взаимосвязь ереси, страха, церковных наказаний и коммерческих интересов, кажется, выяснена еще недостаточно. Даже превосходная сыгранность церковных и светских властей в борьбе против отступников, о которой говорят Лютер и многие другие, объяснена историками еще не точно, хотя она и нашла выражение в имперском законе императора и обладателя двуличного характера Фридриха II, которого некоторые считали «просвещенным умом». В будущем, думали тогда, функции экзекуции над проклятым духовным судом еретиком возьмет на себя светская власть и сделает это не без внутреннего удовлетворения, поскольку впредь государство таким благородным образом сможет защищаться от угрожающих его существованию нападок церковных «радикалов». Савонарола же, отважившийся мобилизовать «народ» против существующих властей божьей милостью, даже не зайдя в своей опасной теории о «мирянах» так далеко, как это сделал позже Лютер, стано-

вится типичной жертвой этого предательского союза церкви и государства, которому в равной степени повредили бунт против римских представителей собственной церкви и борьба с политическими недостатками в городе-государстве Флоренции. Говоря о мятежных действиях Савонаролы, не следует забывать о тогдашней двойственной ситуации, тем более если вспомнить обстоятельства его конца.

Проблема ереси и отсутствия способности к интеграции, во всяком случае, продолжает оставаться. Победители сражений всегда писали историю на свой лад, и у них не было недостатка в плагиаторах, которые возмущались тем, что их собственный радикализм не оставлял им иного выхода, как соответствовать в этих описаниях в той или иной степени представлениям сильных мира сего. С давних пор считается возможным исходить из того, что действительно великие люди находятся на стороне власти и успеха. Ибо именно таким образом система, кажется, продолжает торжествовать.

И только позже слышатся новые голоса, и их обладатели все настойчивее требуют слова. Угнетенные, потерпевшие поражение отступники отныне должны восстановить свои права, если не при жизни, то хотя бы в истории. И вот с некоторого времени книги по истории переписываются, вплоть до школьных учебников. Бывшие наверху неожиданно оказываются внизу. Безмолвствующий народ продолжает делать собственную историю. И люди сверху пытаются все больше оправдаться перед этой историей. Государственные институты их больше не поддерживают. Все большее число людей видит, что под льдом, державшим властителей, зияет пучина. И никто не хочет когда-то могущественным людям прийти на помощь. Ревниво охранявшиеся ценности господствовавшего слоя оказываются просто заботами о своей безопасности, о том, что они раньше безнаказанно могли называть «правом и порядком». Удивительная, напряженная и захватывающая ситуация. Вероятно, она началась еще во времена Лютера, полагавшего, что папизм есть не более как человеческое установление. Это мнение очень трудно было опровергнуть, по крайней мере в истории, поскольку историки все больше и больше переходили на сторону новой веры, то есть ереси. Они все чаще приводили новый материал, направленный против римской курии, о постоянной борьбе в ней за власть,

о спорах по поводу Вселенских соборов, ужасных обвинений, характерных для всех столетий, о разложении святого «духовенства». И клириков, единолично писавших историю, последовательно сменили «миряне» и показали римскую церковь так, что все увидели, каким чудовищем она была. Впрочем, еще великий Августин⁴⁶, отступник особого рода, сказал: «Только не думайте, что ересь создали неизвестно откуда взявшиеся мелкие души. Ее создали великие люди». Но о словах этого разумного человека долгое время не вспоминали. И все же о них не забыли совсем. Память о непримиримых не умирает. Мимо них не проходят даже придворные историки. Власть бессильных радикалов над формальным авторитетом их противников, облеченных государственной властью, начинает проявляться там, где внимают ей и ее словам. Но отступники, по всей видимости, обязаны выполнить одно предварительное условие для такого хода событий. Они не должны отказываться от опасного разговора с папой. Если же они, как Джироламо Савонарола, этого не делают, то их влияние падает. Ибо при таких обстоятельствах никто не может понять истинных причин отказа еретика. Более того, отсутствие готовности к «диалогу», как принято описывать поведение Савонаролы в наше богатое высказываниями время, отказ великого проповедника в глазах многих профессиональных соглашателей делает его неправым. И напротив, несправедливые действия, совершаемые Борджа во время его правления, значат уже не столь много. Все неожиданно становится так просто. Многие к этому времени уже спешат высказать привычное мнение об «открытом непослушании», о начале и причинах его ереси. А о «гордыне» монаха говорят еще чаще, чем раньше. Смирение, и только оно, становится требованием времени. Чувство собственного достоинства монаха больше не соответствует его самосознанию. Всем известно, как обычно кончают эти умники. Точно такое же было однажды с дьяволом. Службы папы, от которого можно требовать чего угодно, но только не смирения, могут спокойно рассчитывать на поворот в общественном мнении; это ясно. И более того, Александр VI может, не приложив руки, насладиться первым триумфом, поскольку многие уже обнаружили «ересь» и именно в личности высокомерного монаха из Флоренции.

Поэтому Борджа не медлит со следующим шагом. Он направляет 8 сентября того же года папскую грамоту, но уже не лично монаху, а его ближайшим противникам, конкурирующим с ним членам ордена во Флоренции. Она была убедительным свидетельством перемены общественного мнения. Правда, эту бросающуюся в глаза перемену адресата в папском учреждении, занимавшемся отправкой корреспонденции, постарались объяснить как почтовую ошибку. Но форма и содержание римского послания вряд ли допускают такое мягкое толкование. К Джироламо Савонароле не обращаются прямо. О нем говорят в третьем лице. С этого момента говорят не с ним, а о нем. Его знают только понаслышке. И хуже того, проповеднику по призыванию официально запрещают вести проповеди; это было началом «запрета на профессию». На этот раз речь идет уже и об анафеме. Косный, хорошо смазанный механизм церкви, включая и инквизицию, приходит в движение. Итак, еще раз будет поставлен спектакль, в котором человек борется с машиной. Савонарола же, как в свое время Ян Гус, обороняется только своими «аргументами», а это выглядит довольно смешно. Таким образом, монах вновь показывает, что он просто недостаточно хорошо знает правила игры. С официальными представителями этого вида церкви, а тем более с папой не дискутируют, поскольку все свидетельствует о том, что дело идет к формальному обвинению в «ереси». При таких обстоятельствах никто не собирается выслушивать «аргументы». Монах из Флоренции проявляет позднее в важной фазе спора о возможностях проведения действительной «реформы» свою чрезмерную близорукость в церковных делах. И свою политическую слепоту, не менее чреватую серьезными последствиями, он ощутит достаточно скоро. Этот пророк не очень-то разбирается в игре. Во всяком случае, он просто-напросто опрокинул игорный стол. А уж за это Савонарола должен быть предупрежден властью в любом случае. Но Савонарола, не в последнюю очередь по политическим мотивам, не выполнил папского запрета на чтение проповедей. Одновременно с этим его приверженцы использовали все дипломатические каналы, чтобы попытаться переубедить папу. Сначала Александр VI не уступил. Также и противники монаха не сидели сложа руки, тем более что их дела шли в гору. Монах и папа в то время ведут друг против друга поли-

тическую, а не только внутрицерковную игру ва-банк. При этом соратники по партии хладнокровно им подыгрывают. В этой фазе спора нельзя привести убедительного теологического объяснения развития событий. Савонарола «необдуманно» говорит с Римом все более резким тоном и этим вновь проявляет свою неспособность к компромиссу.

Несмотря на это, папа Александр VI в следующем послании от 16 октября 1495 г. вновь занимает примирительную позицию. Савонаролу на этот раз изображают религиозным фанатиком, якобы кое-что преувеличивающим в пылу спора, как это время от времени происходит с истинными «радикалами».

Ну что ж, хорошо, «тоже реформатор» и весельчак Борджа пытается понять все человеческое и даже такой комический тип людей из помеси печали с серьезностью, о котором ему уже сообщали из монастыря Сан-Марко во Флоренции. Правда, сам Родриго Борджа принадлежит к числу умеренных людей и совсем не таков. Обо всем ведь можно договориться — само собой разумеется, среди христиан. Итак, предложение прибыть на беседу сохраняется. Но оно связано с запретом читать проповеди. Борджа и его окружение расценивают своеобразного монаха как человека с тонким чувством психологического восприятия, однако источники, из которых монах продолжает черпать свое вдохновение, остаются им неизвестными, как и прежде. При этом папская теология, используя в этом случае свой опыт, вновь допускает «пророческий дар», который всегда был и должен быть в церкви. Но приходится сильно сомневаться, что в Риме когда-либо думали, что именно на Савонаролу снизошла эта божья благодать. Итак, нужно уметь точно проводить различие между «теорией», признающей пророка как такового, и «практикой», приписывающей существование првидцев только не своему, а другим временам.

Продолжавшиеся приглашения на беседу, высказанные папой, вероятно, не были предлогом для «bellissimo inganno» (великолепного обмана), как это делал его сын Цезарь. Но и не очень многое свидетельствует, что речь могла идти о серьезных разговорах и обмене мнениями между равноправными людьми. Более того, по всей видимости, речь шла о попытке оправдания одного противника в глазах другого. А по поводу оправданий уже давно все было ясно. Позиция папы не подлежала

обсуждению, а позиция монаха с точки зрения теологии была ясна, но с точки зрения политики церкви требовала своего объяснения. Итак, Александру VI не о чем спрашивать. Он уже обо всем знает. Со времен царя Ирода, собиравшегося уверовать в бога, если ему скажут правду о ребенке, родившемся в Вифлееме, аргументы властителей нередко повторяются. Это характерно и для приглашений на беседу. А основное — угрозу церковных наказаний, смягченную готовностью побеседовать, — папская интерпретация диалога не устраняет.

ПРОТИВ ЕРЕТИЧЕСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ

7 ноября 1496 г. Александр VI обнародует по делу Савонаролы четвертую папскую грамоту, согласно которой гордая и самостоятельная конгрегация монастыря Сан-Марко во главе с приором Джироламо Савонаролой просто-напросто распускается, превращается в рядовой монастырь и объединяется с другими монастырями в Римско-Тосканскую конгрегацию. Этим решением монах лишается всякой возможности и в будущем объединять своих сторонников в готовое к реформе орденов нищенствующих монахов и независимое от других конгрегаций сообщество. И поэтому не удивительно, что приор монастыря Сан-Марко отказывается подчиниться требованиям этой новой папской грамоты, написанной, по всей видимости, первосвященником по настоянию «тоже реформаторов», и тем самым делает еще один шаг в сторону неповиновения «Риму». Правда, Савонарола пытается в трактате «В защиту братьев из монастыря Сан-Марко» оправдать сопротивление своих сторонников попытке объединения конгрегации с «равнодушными» из других монастырей, ибо, в конце концов, лучшее должно одержать победу над хорошим. Но он ошибается, полагая, что все его собратья одобрили этот курс, хотя недовольные смиряются и на этот раз. Втайне же они продолжают свои интриги против приора. И они находят в приверженцах свергнутого Медичи, находящихся все еще во Флоренции или в римской эмиграции, новых союзников в борьбе против духовного синьора города.

В своем послании глава церкви вновь требует послушания и опять угрожает анафемой. Это повторение и нерешительность подрывают в глазах многих авторитет

Борджа, поскольку они свидетельствуют, что первосвященник воюет тупым оружием и до сих пор не очень преуспел в действиях против мятежного монаха.

Все современники Савонаролы боялись подобных церковных угроз. А отлучение от церкви с давних пор считалось одним из самых тяжелых наказаний эпохи. Многие боялись его уже потому, что оно, в отличие от угрожавших невзгод потустороннего мира, с которыми надеялись все-таки справиться с помощью милосердного бога, могло реально и болезненно вторгаться в повседневную жизнь. Анафема и интердикт играли важную экономическую роль, поскольку делали недееспособными лиц, подвергавшихся этим наказаниям, и исключали их из экономической деятельности. Со временем применявшиеся раньше только в случае крайней необходимости, как самый решительный аргумент из всех церковных средств нажима, они превратились в слишком бездумно пускавшееся в ход оружие как против духовного, так и против финансового авантюризма, как против неповиновения канонам веры, так и против не плативших церкви налоги. Со временем все поняли, что «отлучение от церкви», применяющееся чаще, чем раньше, скоро станет средством принуждения при сборе налогов и утратит свое первоначальное значение. Отлучение от церкви провозглашалось не только папой, но и другими высокопоставленными духовными пастырями, и его отмена нередко связывалась со сроком платежа. Современники тогда жаловались на то, что одно время около трети населения Запада было отлучено от церкви или находилось под действием интердикта, а то и страдало от обоих наказаний сразу. Сопоставление провозглашенных одновременно в XV в. отлучений от церкви и их территориальное распределение представляет большой интерес. На некоторые территории церковный штраф налагался в течение многих лет; во Франкфурте он как-то продолжался целых двадцать восемь лет. В Риме же на это чреватое последствиями инфляционное развитие событий вообще не обращали внимания. Отлучения от церкви следовали за наказанными по пятам, никогда не забывались и не аннулировались сроком давности. Римская курия очень последовательна в использовании права налагать дисциплинарные взыскания, и это являет собой странный контраст с ее обычно небрежным отношением к действительно важным

духовным проблемам времени. И тем не менее, кажется, и в Риме находятся люди, не оставляющие этого явления без внимания. Охотники, в частности в таких делах, всегда начеку.

Итак, Савонарола знает, что ему делать и на что не обращать внимания. Конечно же, он старается исключительно с помощью церковного права и принятой в нем аргументации, то есть с помощью метода, присущего системе, опротестовать законность вынесенного ему церковного наказания. И, по всей видимости, он не собирается основательно оспаривать саму систему, продолжающую действовать слепо и неудержимо. Только Мартин Лютер отважится на этот последний и решительный шаг. Эта религиозная проблема до сих пор исследована недостаточно глубоко. Радикал-еретик в своей борьбе остается одиноким, а его аргументация рушится при столкновении с буквой закона. Поэтому Ян Гус в свое время отказался от юридически обоснованной апелляции своего отлучения от церкви. Его протест больше похож на гневный крик против вопиющей несправедливости судопроизводства. Он апеллирует к «самому справедливому судье — Христу», в чем его и упрекает на церковном соборе в Констанце⁴³ кардинал д'Айли⁴⁷. Ибо такая самоуверенная апелляция, к помощи которой прибегнул и Савонарола, разрушает параграфы земной юриспруденции. И все же это решительно не затрагивает систему канонического права. В этом мире она продолжает успешно действовать, поскольку на земле не требуется последовательность, присущая внеземному сознанию. Но Гус не делает этого последнего шага. Он, как и Савонарола, только не обращает внимания на запрещение чтения проповедей и отлучение от церкви. Таким образом, оба остаются подвластны законам.

Ну а юристы берутся за дело, здесь они как рыба в воде. Именно это несоблюдение несправедливо провозглашенного отлучения от церкви становится для монаха ловушкой. Даже в наше время находятся историки церкви и теологи, считающие себя серьезными учеными, которые придерживаются мнения, что канонизация флорентийского монаха невозможна уже только из-за его открытого неповиновения дисциплинарной власти Рима, из-за все решающего «упорства» прирожденного еретика.

В этот момент положение монаха становится опасным и по другой причине: папа загнал себя в угол, откуда ему никто не поможет выбраться, и, к сожалению, этого не сделает и Савонарола. Ибо можно полагать, что в эти месяцы обеим сторонам не хватает стремления сказать последнее, решающее, разумное слово, маленького жеста великодушного прощения, проявить крупицу сговорчивости — того, что, возможно, могло бы все изменить к лучшему. Внезапно в игру вмешиваются с обеих сторон вечные принципы, перебранка. И неразбериха превращается в кровавое и весьма серьезное дело. Подготовленные роли, с одной стороны — должностные лица, с другой — пророк (по церковным понятиям те и другие «еретики»), будут распределены окончательно и бесповоротно. Позже (для этого нужно иметь длительный навык) монаха упрекнут в том, что он, в конце концов, перешагнул границу дозволенной критики, а его правда была всего-навсего проявлением бессердечия. Но и эта аргументация не имеет под собой почвы, как бы доходчива она ни была. Да, можно спорить по поводу упрека, что поведение монаха было нехристианским, тенденциозным, недостаточно хорошо «взвешенным», что оно бросало тень на его церковного противника, способствовало в конечном счете карикатурному изображению церкви и рисовало действительность в ложном свете. Однако те, кто в борьбе со всеми видами «радикализма» прибегает к помощи этих и подобных аргументов, избегают принципиальной дискуссии по проблеме, где же, собственно говоря, может конкретно проходить граница между клеветой, отклоняемой ими во имя приличия, и критикой, которую они никогда не устанут слушать. Таким хитроумным способом они создают сомнительное дело, решение которого обещает быть не в пользу обвиняемого. Должностные лица вновь без труда добиваются выгоды. И кажется, что не удастся найти действенного лекарства от говорунов, собирающихся своей болтовней врачевать раны и болезни общества, от самозванных знахарей с их риторическими аптечками, от ораторов, придерживающихся мнения, что все обстоит не так уж плохо. Ибо историю сначала следует переписать, прежде чем радикалам, находящимся внизу, к которым с известной уверенностью и некоторым правом можно причислить и Джироламо Савонаролу, будет воздано по заслугам

и по праву вопреки всем многочисленным соглядатаям по должности, озабоченным всегда сохранением своего собственного мира представлений. Со времен Иисуса из Назарета и до наших дней в этом плане изменилось немного, потому что всегда кажется легче и удобней, чтобы только один пожертвовал своей жизнью ради многих. Ясные указания на это очевидное обстоятельство в аналогичных случаях отсутствуют, и это даже стало, так сказать, общим в образе мыслей инквизиторов всяческих оттенков. А на церковном соборе в Констанце один епископ читает по этому поводу нотацию подлежащему осуждению еретика Иерониму Пражскому. И никто при этом не смеется.

Сознание того, что один должен умереть ради будущего многих, со временем обрели также и некоторые бывшие сторонники Савонаролы. Монах начинает казаться им, порядочным гражданам или по крайней мере стремящимся к порядочности и уравновешенности, все более одиозной фигурой. Ибо он независимо от всех отваживается перейти границы, установленные для него его доброжелателями и заботливыми друзьями. А его собственные пограничные столбы вкопаны в совсем других местах. Поэтому все так и происходит. Именно в этой самостоятельности и переходе границ дозволенного его заставят раскатыться «тоже реформаторы», находящиеся среди его сторонников. Он уничтожает мнимую радикальность их беззаботной жизни, когда, имея некоторую склонность к реформам, уже можно считаться реформатором и пользоваться уважением как минимум у флорентийских пьяниц. Теперь же тенденции изменились. И сразу проявляется так заботливо скрываемая слабость «тоже реформаторской» позиции. При первых признаках возможного свержения монаха, при первых раскатах грома эти люди уже начинают шептаться, отходить в сторону, устраниваться от совместных действий и говорить о благоразумии. Очень скоро они, профессиональные попутчики, разбегаются в разные стороны, по возможности подальше от очага событий и поджигателя Савонаролы. Его дело их больше не касается. А на будущее можно успокоить свою совесть ссылкой на опыт всех времен, который свидетельствует, что ни в коем случае нельзя быть таким «радикальным», усердным и пуристским, как монах, чтобы одновременно служить церкви, теологии, миру и их буду-

шему. Они шушукаются между собой о том, что всему есть границы. До цели можно добраться и не торопясь. Фанатики же испокон веков уничтожали все, чего они, умеренные, добивались от мирских и церковных властей с таким трудом. Да ко всему, человек и не должен говорить о себе, что он один вещает правду, а милосердный государь папа в Риме со всеми его мудрыми и учеными советниками просто неправ. Само собой разумеется, что в этих обстоятельствах нельзя больше поддерживать такого радикала и такую свободу. Пусть даже будет сильно ограничена «свобода другого лица», лишь бы она никак не соизмерялась с собственной свободой, свободой лицезмеров.

Александр VI, о котором в эти дни часто заходит речь среди флорентийских шептунов, использует это «изменение тенденций» для усиления своих атак. И он чувствует, что наконец-то пробил его час. В любом споре между личностью и учреждением этот момент должен со временем наступить. И тогда личность всегда бывает побеждена. Учреждению следует только достаточно долго выждать. Позже оно получит возможность насладиться победой, и лишний раз станет ясно, что «терпение» в обращении с невозможным побеждает, в особенности умеренность. А это многим покажется позитивным фактором. Вот поэтому большинство и выступает против нетерпеливых. Революцию радикалов сначала душит большинство «тоже реформаторов», отказавшихся от своих убеждений. И сверх того, история ее сначала не признает, будто она еще не поняла, что всегда только отдельные люди могли попытаться решить старые вопросы. Ибо из таких одиночек — монахи они или нет, — из людей, сознание которых было захвачено полемикой, слагается история церкви, и вряд ли кто-либо будет отвергать эту простую истину.

13 мая 1497 г. Александр VI подписывает новую папскую брeve, пятую, и на этот раз по всей форме провозглашает отлучение от церкви непокорного монаха из Флоренции. Духовный должностной авторитет, над которым, по школьному богословию, нет и не может быть пророков, вновь рассчитывает на поддержку сильной партии в городе. В интересах обеих сторон действуют также и дипломаты. И все еще кажется — этого нельзя отрицать, — не утрачена возможность для примирения. Обстоятельства для этого благоприятны: папа потрясен

убийством своего сына Хуана. Он думает о реформе и размышляет о требованиях монаха немного серьезней, чем обычно. Но веселость его нрава все-таки побеждает, к тому же и Савонарола ни на йоту не идет навстречу папе. Монах слишком далеко зашел, чтобы его могли предостеречь голоса обеспокоенных друзей, миротворцев и конформистов. У людей, когда-то желавших ему помочь, опускаются руки. Они утратили понимание происходящего. Их усилия оказались тщетны. Деятельность Савонаролы сама являла пример постоянно возобновляющихся конфликтов.

26 февраля 1498 г. выходит новая папская булла, адресованная флорентийцам, в которой городу предъявляется ультимативное требование передать в руки правосудия Джироламо Савонаролу, «сына дьявола». Папскую терминологию, означавшую в данном случае ясное напоминание о предателе Иуде, не воспринимают особенно серьезно. В таких делах писцы курии всегда слишком резки и недвусмысленны, об этом знали и во Флоренции. Вероятно, все, за исключением серьезных немцев, догадывались, как воспринимать подобные преувеличения, «романизмы» и грубость. В отличие от этого намного серьезней обстоял вопрос с угрозой римского суверена наложить на Флоренцию интердикт и подвергнуть ее другим церковным штрафам в случае, если не уступят его требованию положить конец деятельности скверного монаха. И это все, так полагает Борджа, происходит только ради сохранения «чести и авторитета римского престола».

Бросается в глаза, что в эти дни прямо-таки подозрительно много хлопочут о чести такого человека, как Родриго Борджа. Сам папа не устает затрагивать эту тему в своих беседах. Флорентийские граждане попадают в затруднительное положение. Конечно, они могли бы сослаться на то, что такие речи в устах Александра VI звучат довольно странно. Но столь невоспитанными эти дипломаты быть не хотят. Они и в этот раз не называют вещи своими именами. Более того, они подобострастно ссылаются на то, что в учении Джироламо Савонаролы при всем желании невозможно обнаружить ничего предосудительного, и это исчерпывает вопрос. Папа сразу с этим соглашается. Об ошибках в вопросах веры он отнюдь не собирается говорить, но в данном случае речь

идет о публичном неуважении папского авторитета, о неповиновении человека, уже давно заслуживающего отлучения от церкви. Итак, возникает странная ситуация, а Савонарола ничего не предпринимает, чтобы изменить угрожающее положение, напротив, он кует свое железо, пока оно еще горячо. Папа же продолжает разговор о своей «чести». События все более и более принимают такой оборот, будто Александр VI переживает личную обиду, поскольку монах отказывается быть его духовником и выступает как обвинитель и судья.

Если поддастся этому впечатлению, то можно впасть в ошибку, объясняя эти события с чисто психологической точки зрения. Глубокий разлад наступил не между обеими личностями — минуя эту фазу, он уже давно стал принципиальным вопросом. Монах должен был, как уже было замечено, выступать против любого папы и до тех пор, пока в его глазах радикального пророка римская церковь своего времени представляет собой извращение дела Иисуса из Назарета. Поэтому совет Савонароле проявить в этой ситуации «смирение» не затрагивает основную проблему и ничего не достигает. Но если смирение в церкви уже давно стало уделом только умеренных, для кого оно не являлось проблемой, то для монаха, если бы он следовал таким советам, это должно было означать отказ от дела всей его жизни. В эти дни Савонарола понял более ясно, чем когда-либо, что Борджа его возможную уступку не воспринял бы в качестве инициативы к проведению запоздавшей реформы церкви, а в любом случае нашел бы новый повод продолжить свою беспечную, веселую жизнь, как будто ничего и не случилось. Монах же достиг точки, от которой он мог двигаться только вперед — события должны развиваться своим ходом.

Людвиг фон Пастор порицает ответное письмо Савонаролы папе от 13 марта 1498 г. и полагает, что монах пошел по пути всех бунтарей, отважившись апеллировать к церковному собору в споре с Александром VI. И этого ему недостаточно; он призывает на помощь иностранные державы для борьбы против законного авторитета церкви, воплощавшегося в Родриго Борджа. Я не могу согласиться с этим объяснением, хотя оно и нашло много сторонников. Оно недооценивает двух вещей.

С одной стороны, у Савонаролы хватило мужества

следовать своей совести и до конца пройти по давно предначертанному ему пути, который спокойно можно считать путем бунтаря. У него не возникло необходимости сменить однажды намеченный курс в отличие от многих «тоже реформаторов» всех времен, менявших свою точку зрения, это был «*donum perseverantiae*» — «дар стойкости» совершенно особого вида. Он остается верен себе и своей пророческой миссии, хотя эта верность многим и не нравится. Последовательность монаха впечатляет, если ее даже и назовут недипломатичной неспособностью к интеграции. Но куда бы зашло человечество, если бы каждый раз оно следовало советам умников и всезнаек? По-видимому, есть еще одна, особая, разновидность ума, недоступная профессиональным дипломатам. По этому поводу Ульрих фон Гуттен справедливо сказал, что, не подвергаясь опасности, никто не совершил великих поступков. А записные умники рано или поздно запутываются в своих сетях. Итак, произнесен приговор тем, кто никогда и ничем не рискует, стоит в стороне от конфликтов, а об отваге других привык судить из безопасного укрытия.

С другой стороны, против Пастора свидетельствует то, что Савонарола использовал только политические средства, которыми Борджа пользовался с давних пор в собственных интересах. И очень трудно выяснить, почему же монаха, а не папу обвиняли в использовании вспомогательных политических средств, хотя они и оказались бесплодными. Если мы вправе исходить из того, что любая форма церкви может существовать только в миру, согласна она с этим или нет, то необходимо принять во внимание и неизбежные заключения, вытекающие из такой формы существования. И в этом случае вряд ли можно вынести окончательное суждение кого же, собственно говоря, из обоих духовных противников можно назвать еретиком и кто больше навредил церкви и ее задачам — папа или монах.

У Савонаролы, совесть остается чиста, когда он сравнивает папу и его приспешников с дикими волками, свирепствующими против невинных людей. И не следует упрекать монаха в употреблении именно этого образа. До него это уже сделал Данте, тоже великий человек из города Флоренции. Да и грядущие события не исключают такого развития. Запрет на охоту на волка отныне снят.

ОХОТА НАЧАЛАСЬ...

Последний акт великой драмы начинается. Жертвенный агнец уже выбран, и он носит тавро священника, неугодного реальной римской церкви. Ко всему и последние планы монаха оказались для него губительны. Время, выбранное Савонаролой для инсценировки подвоя коалиции европейских князей против владельца территории Рима, бывшего попутно и папой, точно совпадает с его собственным низложением во Флоренции. Зависть, скопившаяся в его городе, слишком многие ошибки в политической повседневной деятельности, уже упомянутое изменение тенденций в суждениях собственных приверженцев, неисполнившиеся надежды утопистов и ожидавших конца света — все это должно ускорить его свержение.

Политическое положение еще менее благоприятно, чем раньше. Папа, став членом «лиги»⁴⁸, уже давно застрахован от французского короля и получает все больше козырей, а Карл VIII вынужден вновь отложить свое объявленное возвращение в Италию. Савонарола вновь остается один. И он пытается вдохнуть жизнь в движение, зашедшее в тупик. В марте 1498 г. он составил наброски писем, которые собирался направить императору, французскому королю и в Испанию, чтобы привлечь их к борьбе против папы и во имя реформы. Он пишет: «Господь бог сподобил меня сообщить Вам, королям и князьям христианства, некоторые тайны, из которых Вы можете узнать, в какой опасности находится престол святого Петра в результате вашей небрежности и споров». Совершенно ясно, о чем идет речь, но создать желаемую коалицию не удастся. Она чистая утопия. Наброски писем остаются в ящике стола. Это переписка без адресата. Борджа тем временем завоевывает все новые позиции. Интриги городской партии, враждебной французам, все больше подрывают позицию монаха.

Монах и сам изо дня в день замечает, что его опора исчезает. «Popolo mugugatore» (ропущий народ) называет он в это время народ, который свое неистребимое недовольство флорентийской жизнью все больше и больше выражает громким ропотом, давая многим новый повод для елейных и успокаивающих авторитеты речей о его ненадежности и непостоянстве — признаках переворота

в пользу грядущей сильной личности, которая вот-вот придет. Савонарола в последующее время даже вынужден поощрить создание собственной монашеской партии, которая должна взять его дело под защиту от этого народа, состоящего из потенциальных бунтовщиков. Таким образом, в городе у всех на глазах вновь оживают старая вражда и враждебные группировки. О «равенстве» и «милосердии» говорят уже не так часто. Все это стало не очень уместно. Члены монашеской партии также все больше мешают самим себе. Ибо раньше они гордились тем, что вместе со своим предводителем ратовали во имя народа и всеобщего блага государства. Теперь же под руководством Франческо Валори они опускаются до просто партии, борющейся уже не ради всеобщей, а ради личной выгоды. Об этом превращении в группу руководителей, оторванных от базиса, членам партии монаха еще придется пожалеть. Первые признаки грядущей беды проявляются, когда проповедники флорентийских храмов, вновь ставшие конкурентами, устраивают настоящую забастовку и публично выражают свое недовольство политикой, проводящейся под руководством монаха. Этот мятеж духовенства сумели подавить, но в последующее время все чаще происходят политические выступления против монаха, постоянно инспирируемые и поддерживаемые городским духовенством. Небольшие распри среди сторонников обосновавшегося вражеского лагеря уже больше не являются эпизодами, а происходят почти ежедневно. Проповеди монаха в соборе прерываются все чаще, ибо общественное мнение утратило равновесие. Итак, до событий весны 1498 г. остается совсем немного.

Противники используют в своих целях прежде всего стихийные бедствия — голод и чуму, угрожавшие тогда Флоренции. А граждане к тому времени узнали, что монах этим бедам может противостоять только с помощью обращения к божьему милосердию и в лучшем случае с просьбой о подаении пострадавшим. Но действенного лекарства пророк не знает, как и бывшие властители города, о которых в эти дни вспоминают все чаще. Правда, Пьеро Медичи, которому в апреле 1497 г. показалось, что его час настал, вновь прогнали от городских ворот. Впрочем, от этого никому легче не стало. Ибо вряд ли возможно сдерживать тягу народа к господству сильной личности, которая наконец покончит с бедами в городе.

А Джироламо Савонарола все больше низводится до положения наместника грядущего властителя, которого, правда, зовут не Христос. И когда в эти дни тлеющего недовольства монаха отлучают от церкви, все знают, что для Флоренции час пробил. К этому моменту монах как политик уже не имеет значения.

Теперь горожане вновь могут позволить себе выступить в листовках против монаха. Город, вновь расколотый на два лагеря, и значительно глубже, чем прежде, готовит духовно-религиозную кончину своего «пророка». Ибо проповедник все больше становится камнем преткновения и причиной теологического скандала. В Риме собирают подписи под воззваниями, требующими его низложения. И разные людишки пытаются — в соответствии с духом времени — устроиться получше при развеседе Александре VI, строча доносы и этим наглядно проявляя послушание Риму. Наконец-то папа может облегченно вздохнуть. Его политика на взбудораженном полуострове приносит новые успехи. Правда, во Флоренции раскрывают заговор против синьории и Франческо Валори, организованный не без ведома папы. Валори учинил кровавую расправу с противниками, потомки которых приблизительно через год предъявят ему кровавый счет. А монах в эти месяцы публикует в свою защиту трактат под названием «О правде пророчеств», где в форме выдуманных диалогов полемизирует с семью мудрецами-философами, ставящими под сомнение его задачу. В этой работе Савонарола впервые защищает свою миссию также и против все чаще предъявляемого ему обвинения в том, что он, сам того не замечая, обманывает не только свой город, но и самого себя. При этом он ссылается на два неопровержимых факта из своей теперешней жизни, которые, будучи «благими плодами», могут быть только от «хорошего дерева». Во-первых, его образ жизни вне всякого сомнения, и по его поводу могут злословить только лжецы, об этом знают все. Во-вторых, монах утверждает, что он, несмотря на отлучение от церкви, не утратил душевного покоя. Ибо тот, кто открыл ему, пророку, будущее, поставил его в известность, что отлучение от церкви, совершенное папой Борджа, не имеет никакого значения. Именно поэтому Савонарола спит так спокойно. Угрозы официальной церкви его нисколько не пугают. Даже когда папа возьмется за дело всерьез и даст согласие

на пытку и казнь монаха, его не покинет состояние внутреннего покоя. Он полагает, что истинный пророк находится под особой защитой даже тогда, когда хотя бы сжечь его сочинения якобы за то, что они содержат только вымысел. Правду пророка нельзя уничтожить огнем.

К этой несгораемой правде принадлежит также и отношение монаха к тому, что можно было бы назвать духом своего времени. Возможно, один из эпизодов, происшедший за несколько недель до казни Савонаролы, убедительно расскажет об особенностях того времени и его главных представителях. Pamфлет «*Apologia Marsilii Ficini pro multis Florentinis ab Antichristo Hieronymo Ferrariense hypocritarum summo deceptis ad Collegium Cardinalium*». «Апология Марсилио Фичино в защиту многих флорентийцев, введенных в заблуждение «антихристом» Джироламо Савонаролой, величайшим из лицемеров, [представленная] коллегии кардиналов», написанный против Савонаролы и опубликованный главой флорентийских философов Марсилио Фичино⁴⁹, является ярким свидетельством личного разочарования человека, ожидавшего от монаха прежде всего содействия расцвету славы Флоренции и ее культуры. Поскольку же дела монаха быстро катятся под гору, его бывший сторонник, «представлявший мнение многих горожан», не долго думая, называет его антихристом, лицемером, обманщиком и чужеземцем из Феррары, что никого не удивляет. Правда, этот памфлет никто не принимает всерьез, поскольку он представляет собой написанное в благоприятный час сочинение, с помощью которого философ хотел польстить церковным сановникам в Риме. Тем не менее в заглавии памфлета, как и в его содержании, прямо говорится почти обо всех надеждах разочарованных горожан, которые не могут простить монаху, что предсказанной славе Флоренции при его «господстве бога и народа» так быстро пришел конец. Особенно интересен тот факт, что даже столь свободомыслящий неоплатоник и гуманист, не в состоянии обнаружить действительные причины этого бесславного конца и видит их прежде всего в обмане флорентийцев, совершенном «злыми духами» и ослепившем даже его, мыслителя. И это произошло якобы несмотря на то, что многие «астрологи и платоники», опираясь на свои знания, уже предупреждали его, что монах — «демон». Марсилио Фичино полагает, что в этом

монахе самым скверным образом извращен гуманистический идеал человека, посвятившего себя объяснению мироздания и его порядка и поставившего себе пределом бога и мир. В своем гневе философ не замечает, что он, собственно говоря, дезавуирует только самого себя и свою идеологию, а не пророчества Савонаролы. Ибо мировой порядок платоника, опирающийся на астрологию, пожалуй, самый негодный аргумент в доводах, обличающих «лицемера». Пророчества монаха не затронуты, ибо их, по всей вероятности, нельзя проверить с помощью астрологии. Обманутым оказался именно Марсилио Фичино, когда-то так восторженно приветствовавший короля французов Карла VIII. Но собственный самообман отнюдь не входит в мир его представлений. Философ может согласиться со всем, только не с этим заблуждением. В этом случае у него остается «козел отпущения» — Савонарола.

Особого внимания заслуживает развитие идей этого времени в трактовке Якоба Буркхардта, назвавшего эпоху Возрождения началом нового времени, которому надлежало наконец вернуть человеку его природное право. При этом речь идет отнюдь не о том, чтобы изменить в лучшую сторону приговор, вынесенный этим историком Савонароле, поскольку задача биографа не заключается в апологии своего героя. Поэтому мы и не предпринимаем попытку умалить значение внешнего мира, окружавшего Савонаролу, чтобы сияющая фигура монаха выглядела бы еще более выгодно на окружающем его темном фоне. Ибо в этом случае изображать события в черном цвете не так просто, как это можно было бы сделать, описывая деятельность веселого Александра VI. Итак, мы совсем не собираемся «по-поповски» злорадствовать по поводу «мира без бога». И все же мы позволим себе указать на то, что новое, не теологическое изучение истории все больше склоняется к выводу, что эпоха Возрождения, несмотря на весь оптимизм ее начального порыва, была временем определенного регресса и потерпела крушение в результате собственных противоречий⁵⁰. Эпоха, к которой принадлежит Савонарола, должна была в свое время «оживить мертвые понятия», как сказал Макиавелли. И тем не менее, пока расцветают живопись, архитектура и поэзия, когда эстетическая изысканность празднует свои победы, экономика городов уже подорвана

значение богословия снижается до минимума, высшие слои государства и церкви коррумпируются, республиканские свободы и права постоянно ограничиваются, а истинные провидцы, такие, как Леонардо да Винчи, Дюрер, Микеланджело и Макиавелли, пытаются скрыться от человеческой подлости в мире своих идей. С этой точки зрения Савонарола не что иное, как монах, постоянно читающий нравоучения и отстаивающий провинциальную нравственность, не устраивающую современников. Более того, он со своими пророчествами, обращенными в прошлое и не исчерпываемыми предсказаниями грядущего Апокалипсиса, входит в ряд великих людей и провидцев своего времени, которые, если их внимательно рассмотреть, хотя и являются духовидцами, но, будучи реалистами, не оправдывают господствующие условия. Эудженио Гарен⁵¹ по праву поставил флорентийского монаха и флорентийского художника и скульптора Микеланджело в ряд людей, «исполненных трагического смысла человеческой жизни и истории». Если же кто-либо видит в приоре монастыря Сан-Марко только человека, мешающего и препятствующего прогрессу, тот не понимает смысла всей человеческой действительности. Претензия человека того времени быть отправным пунктом всех дел и центром мира при внимательном рассмотрении оказывается всего-навсего коротким сном. Совершеннолетие человека, о котором все бесплодно мечтают, очень быстро превращается в новую зависимость: на земле угрожает господство сильной личности, а небо отдаляется все дальше. В результате остается много разочарованных людей, собиравшихся стать попутчиками нового времени, вместо того, чтобы терпеливо вынашивать в себе уже возвешенные его грядущие противоречия.

Но «полемическое сознание» нового времени, ярко выраженная воля к бунту против старого мира — именно они и являются достоянием радикалов, а не попутчиков, достаточно сильных, чтобы вместить в себя собственное время, прошлое, а также намечающееся будущее и не согнуться под этой тяжестью. Люди же, оправдывающие существующие условия, члены группки флорентийской интеллигенции, полагававшей, что быть новым и современным — это значит пренебрегать традициями в качестве попутчика настоящего и беспечно относиться к будущему, остаются с пустыми руками. А Савонарола ничего не

утратил. Он борется за возвращение к античности, а именно к изначальной миссии Евангелия, по канонам которого он хочет жить.

А то, что монах, как и все истинные пророки, которые по праву носят это имя, позже потерпит поражение от «новаторов», объясняется этим же. Ибо каждый, кто пропагандирует возрождение, будет свергнут именно такими людьми, и никем иным. Как республиканские свободы в конце концов были утеряны в застенках правящих слоев, так и тексты Священного писания были искажены в темницах комментаторов, полагавших, что они идут в ногу со временем, и опутавших цепями Евангелие, чтобы ему не угрожал «народ». А тот, кто отважился освободить Библию, сделав это даже в форме проповеди, обращенной к народу, должен был рано или поздно пасть жертвой этих исполнителей чужой воли. Но такая перспектива никогда не останавливала «непримиримых», собравшихся «лечить» церковные болезни, как в свое время это делали древние пророки. Савонарола знал это, а Лютер в последующий раз осуществил его опыт. Оба говорят то, что понимает народ, а не то, что хотят услышать ученые мужи, и оба владеют пером с детства.

Монах хорошо владеет словом. За короткий период своих публичных выступлений Савонарола многое опубликовал. Правда, мы не в состоянии проанализировать все его произведения. Но более внимательный взгляд на этого «проповедника народа» свидетельствует, что он публикует только уже сказанное с кафедры. При этом прежде всего бросается в глаза, что приор был очень храбрым человеком. Маленький худой монах с лицом аскета, внешне очень напоминающий Джона Уиклифа, обращается с кафедры к тысячам своих слушателей, он проповедует, не прибегая к риторическим приемам, резко, несдержанно и без оглядки. Только при письменном изложении он кое-что приглаживает. В речах он нападает, клеймит роскошь высших слоев, надменность прелатов, все это, вместе взятое, представляет благодатное поле деятельности, которое, правда, используют и другие. Савонарола — новый тип проповедника. Он резок и говорит без юмора, обычного для его конкурентов. У него все серьезно. Но в то же время монах обладает определенным умением с помощью доходчивых примеров из повседнев-

ной жизни донести свою грубую правду до слушателей. И сверх всего он никогда не забывает о собственной миссии — «реформе» города, церкви и мира. Если в своих трактатах он иногда сбивается на приглаженный стиль схоластики, вколоченный в него много лет назад, то на кафедре он раздражается резкими обвинениями, импровизируя на ходу, ведет диалоги со слушателями, отвечает на выкрики и наслаждается ужасом и радостью толпы. Церковная кафедра, и только она, означает для него контакт с обществом, без нее он не может представить свое дело. А последующие записи и публикации, в отличие от речей, кажутся довольно четкими и ортодоксальными. Противники Савонаролы сначала набрасываются не на трактаты приора, а на слова и обрывки слов, которые можно услышать во Флоренции. Только через полстолетия и сочинения Савонаролы уничтожаются представителями той же инквизиции, вырывавшими раньше отдельные предложения и слова из контекста, опьянявшимися действием метких слов и грубых выражений, копавшимися в «опасностях стиля», чтобы четко отделить «правду» от «ереси».

Но в первые годы после свержения Медичи монаха еще слушали. И сила воздействия его проповедей хорошо известна. Город был потрясен, и горожане это сознавали. Они раскаивались, чувствовали, что в них пробудилось желание сделать хорошее, лучшее. Правда, позже, когда будни возьмут свое, они притихнут. Но по крайней мере во время великого раскаяния о будничной жизни особенно не задумываются. В этот период принимаются во внимание только величественные поступки проповедника и его слушателей. К тому же все понимают, о чем идет речь: настало время говорить о великих и последних свершениях, излагаемых низшим слоям связно и доступно, а не так, как на стерильных кафедрах высших учебных заведений, где каждое понятие подается изысканно и обособленно от других. При Савонароле народ последовательно привлекается к деятельности. Без этого базиса невозможен прогресс. В данном случае не группа профессионалов, оторванных от жизни, ведет дискуссии. Здесь теология оживает, она умеет разделять и убеждать. В этом случае необходимый человек рассказывает правду о «рае и аде».

И несколько не удивительно, что церковные профес-

сионалы отомстят, когда фаза борьбы на улицах, рынках, период жестоких столкновений богословских противоречий захлебнется в крови и огне. Вскоре дебаты навсегда прекратятся, это произойдет, когда проповедника вытащат из его монастырского убежища, чтобы он прошел свой последний путь. Кто сеет ветер, тот и во Флоренции пожнет только бурю. И это все, чем постоянно утешаются боязливые люди, завистники, оставшиеся дома, и реформисты. Именно они на свой мягкий, но решительный лад заставят замолчать революционера. Ибо в последней инстанции Савонаролу осуждают за его проповеди «народу». Если бы он провел свою жизнь в монастырской келье и остался скромным доцентом богословия, то его никто бы не тронул. А он своими необузданными призывами к общественности переходит все границы, установленные «тоже реформаторами». Итак, «реакция» победит и на этот раз, реакция, история которой еще не написана, хотя это и очень нужно, чтобы по-настоящему разобраться в делах церкви тех времен: монах или же его противник и «тоже реформатор» из собственной церкви наиболее убедительно отобразил лицо церкви Ренессанса, и кто из них в наибольшей сохранности перенес в будущее религиозную суть того времени?

С необходимой сдержанностью и отвращением к «окончательным приговорам» все-таки можно попытаться предварительно дать ответ на этот вопрос. Если исходить из того, что Ренессанс был прежде всего временем мучительного воспоминания о трагическом в человеке и его истории, а не только эпохой, отражавшей внешние стороны — человеческую славу и непрерывный ряд празднеств, то можно отважиться на высказывание, что именно Савонарола, а не какой-нибудь официальный представитель римской церкви сумел своей деятельностью еще раз отразить существенную часть той «религиозной» сути человека, об успехах и неудачах которой до сих пор спорят атеисты и сторонники трансцендентности. Спор о материальном и загробном мире, имеющий для современности большое значение, происходил тогда следующим образом. Человек все более чувствует себя противопоставленным бесконечности мира. Великие же пророки своего времени предлагают обеспокоенному современнику новую образную связь, новую *ge-ligio*, более глубокую «веру», чтобы вернуться к первоначальному, и отнюдь

не утешают его мимикрией вторичного и измененного церковного учения, которое клирики сумели разместить между ранней церковью и настоящим. Но это великое стремление довольно скоро укрощают собратья, противники нового, предлагающие вместо источников только преграды и вместо жизни только нормы, как это делает инквизиция. Провозглашая своей целью спасение людей, эти охотники, вместо того чтобы возвращать к жизни, пекутся в основном о своих традиционных благах, а не изначальной миссии. А тем временем продолжают гибнуть сжигаемые и преследуемые, именуемые «еретиками».

И, несмотря ни на что, провидцы и люди с самостоятельным пониманием времени не прекращают борьбу. Одним из них является Савонарола. Он последовательно пытается во имя религии, считая ее непобедимой, упразднить ее внешние церковные формы, названные нами «circenses» того времени. Реформаторы эпохи ставят под вопрос не церковь как таковую, а ее недостатки, связанные с ложным представлением об истине и не имеющие ничего общего с благими основами, заложенными Иисусом Христом. Мир Савонаролы несравненно трагичней. «*Rex theologiae*» (богословский мир), к которому он стремится, делает его не попутчиком и хвастливым клириком, а глашатаем кризиса и даже фактором стабильности среди духовной опустошенности профессиональных священнослужителей. По крайней мере об этом свидетельствуют его проповеди о «вере», «равенстве», «свободе» и «милосердии». А то, что его программа не имела успеха, этого не опровергает. Ибо также и мир философов, о котором говорит Джованни Пико делла Мирандола, окажется только мечтой. Современники пустили в ход все средства, чтобы предсказания этих провидцев не свершились.

Монаха Савонаролу, пожалуй, можно упрекнуть только в том, что он слишком быстро отошел от реальностей своего города и своей церкви. Но возможно, что этим сближением с трансцендентным, так же объяснимым, как бегство от действительности, он предвосхитил развитие своего времени. Ибо, чем больше ощущается теологическая пустота школ, тем чаще этим реальностям противопоставляются «утопические» представления об «идеальной церкви». Таким образом, уже давно начинает обрисовываться жизнь на острове Утопия. И думается, что необходима более внимательная работа историков, чтобы

установить, в какой степени такие представления были свойственны монаху, хотя и в своей специфически «религиозной» форме. Политические акции, проводимые во Флоренции и Риме, по крайней мере не помешали его идеальным представлениям о совершенно «другой» церкви внутри города, абсолютно измененного в духе раннего христианства. В этой связи, конечно, также остается открытым и вопрос о христианской надежде на спасение. Может ли она дать большее, чем иллюзию освобождения? Всегда ли она только утверждает и оправдывает существующие условия, оставаясь нерешенной в потустороннем мире? Не является ли теология не чем иным, как идеологией утверждения существующего порядка? Или в действиях Джироламо Савонаролы можно увидеть противоположный пример, потому что он, минуя господствовавшее теологическое сознание, решился на сопротивление, засвидетельствованное историей? Представляет ли собой монах достаточное доказательство, на основании которого вновь можно и должно реабилитировать религию? А может быть, таким образом еретики спасают религию вновь?

Эту проблему решить невозможно, по крайней мере в наше время. Мы могли бы, во всяком случае, прокомментировать возможности решения, предложив лишь отдельные детали одной картины. С этой точки зрения Савонарола действительно «только предтеча», но им был и Лютер. История прокладывает себе путь по кладбищам надежд и утопий. И все же страдания всех этих людей, предшествовавших нам, так же не являются предварительным условием нашего большего накопленного опыта, как и наши страдания не будут им для более поздних поколений. Савонарола предлагает нам различные модели будущего общественного порядка, но их совсем не просто понять или скопировать. Его страдания гораздо глубже. Они никогда не кончатся. И нам остается посочувствовать ему, вспоминать и рассказывать о нем.

В наш рассказ необходимо включить и повествование о страданиях Джироламо Савонаролы, о том, как они проявились в майские дни 1498 г. во Флоренции. Ибо жизнь монаха невозможно понять без особых обстоятельств его смерти. А его поражение свидетельствует о величии его успехов. Поджигателя сжигают самого. Но жар под золой продолжает тлеть.

III

ЖАР ПОД ЗОЛОЙ

*Иные святоши осмеливаются еще утверждать,
что Евангелие не касается светской власти,
но они лгут в сердце своем...*

(ок. 1525 г. неизвестный автор)

МЕЖДУ РАЕМ И АДОМ

События последних недель страстей Савонаролы, о которых пойдет речь, вводят в мир, который некоторым покажется чуждым. Мы можем еще попытаться теологических противников монаха и их политических союзников подготовить почву для борьбы с ним. Ясно и то, что монаха рано или поздно должны объявить закоренелым «еретиком», поскольку добрые христиане хотят от него избавиться. Но подробности этой фазы гибели монаха, растянувшейся на продолжительное время, а не ограничивающейся несколькими часами 23 мая 1498 г., современному человеку должны показаться чрезвычайно странными. Слишком много происходит отвратительного и непонятного. Возникают идеи, деяния, предзнаменования, кривотолки, которые в целом мы готовы приписать «мрачному средневековью». В народе вдруг начинают говорить о божьем суде, испытаниях огнем, о вмешательстве иных, более высоких сил в «piccolo mondo» (маленький мир) Флоренции, о пытке ради того, чтобы выяснить истинную правду, о костре и виселице. При ближайшем рассмотрении реальные политики всех уровней сразу оказываются людьми своего времени, связанными особым образом с унаследованными представлениями эпохи, непонятными для современного человека. Чтобы отправиться в путь, ведущий к сердцевине тогдашнего мира, необходимо затратить усилия. Рассказ о драме, персонажем которой является Савонарола, был бы неполным, если не принять во внимание, что в этой всемирной пьесе, разыгранной на флорентийских подмостках, немаловажными факторами являются рай и ад. Ибо на авансцене вдруг получают законное место добрые и злые духи. А знакомые нам лица, деятельность которых мы можем и должны проверить с помощью находящихся в нашем распоряжении «научных» средств и доказательств, никогда со своей стороны не отрицали этих реальностей. Они-то уж умеют жить и с богом, и с чертом.

И все же постоянный спор между добром и злом, происходящий в сердцах этих людей, принес им немало горя. Границы между верой и суеверием расплывчаты, и дьявольская путаница является дурным следствием этой эпохи, нацеленной на победу разума. Также и Александр VI, профессиональный страж ортодоксии, не

делает секрета из предчувствий, в которые верит. В один прекрасный день совершенно внезапно он предчувствует собственную смерть. А поводом для предчувствия, оказавшегося к тому же верным, была всего-навсего мертвая птица, которую нашли в папских покоях. Папа Александр VI, Родриго Борджа, со своим мировоззрением отнюдь не одинок. И его нельзя упрекнуть в отклонении от веры своего времени. Его непосредственный предшественник, Иннокентий VIII, являющийся кем угодно, только не бестолочью, в декабре 1484 г. издал пресловутую «Буллу о ведьмах»⁵² и этим документом не в последнюю очередь наперед санкционировал отвратительную деятельность двух немецких инквизиторов. Это происходит в том году, когда Борджа уже давно вкушает свои специфические кардинальские радости, а Савонарола предпринимает первые и мало обещающие успех попытки читать проповеди. И сделано это было для того, чтобы угодить двум доминиканцам, то есть членам того же ордена, к которому принадлежит и итальянский проповедник.

За всем этим кроется апокалипсическая тьма. И отнюдь не случайно так легко верят Джироламо Савонароле, рассказывающему о своих видениях Страшного суда, который рано или поздно постигнет церковь и мир. Религиозные понятия и суеверия смешиваются и представляют непреодолимый хаос. Поэтому судьям монаха будет очень трудно правильно истолковать происхождение его видений. Добро и зло, пророчества и фантазмагория лунатика многим кажутся в этом случае близкими понятиями. Но монах черпает свою силу из довольно глубокого колодца. И никто не может судить о ее качестве. Все знают и верят только в то, что ожидавшемуся в их время царству божию противопоставляется владычество дьявола, которое необходимо своевременно распознать и победить. Но кто же на земле сумеет отделить плевелы от зерен пшеницы? Чье решение непогрешимо в этой трудной ситуации?

И многим кажется, что человеческий разум и вера не компетентны в вопросах жизни и смерти, поскольку на земле уже все предопределено свыше. Их решение следует сразу же предоставить более высокой инстанции. Альбрехт Дюрер, мастер изображения темных и злых сил, неоднократно отражал в своем творчестве этот конфликт. Его первый цикл гравюр на дереве, «Апокалипсис», появился в 1498 г., в год смерти Джироламо Савонаролы.

Оттиски гравюр продавали в розницу и вешали как плакаты и репродукции на стены комнат и мастерских. Их формат очень подходил для этой цели. Они не были искусством для обозрения и размышлений знатоков и коллекционеров, а тревожным призывом, как это правильно подметил Вильгельм Рюдигер. Всякий, кто внимательно разглядывал эти гравюры, приобретал реальное представление о великой вавилонской блуднице, моделью которой Дюреру послужили его наброски венецианских женщин, об архангеле Михаиле, побеждающем с большим трудом в небесном сражении Люцифера, или о четырех апокалиптических всадниках, представляющих собой императора и папу, епископа и рыцаря. Это искусство одновременно было угрозой, предсказанием, предостережением и осуждением. И когда немного позже из Виттенберга прозвучало «Слово», разъяснявшее и раскрывавшее смысл этого искусства, то сблизись ожидания многих людей. Наконец можно было рассчитывать на то, что все надежды скоро сбудутся и вопиющая к небу несправедливость власть имущих будет отомщена. Многие картины Страшного суда, написанные в то время, являются следствием этой веры. Величайший из их авторов Иероним Босх пишет в то время свои наводящие ужас видения; это был живописец, о котором до сих пор не знают, был ли он членом одной из «еретических» сект. Микеланджело будет подражать ему на свой лад. И его «Страшный суд» тоже исполнен трагического смысла человеческой жизни и ее истории, ибо творчеству художника присуща манера, которой, вероятно, не могло быть без проповедей Савонаролы.

Мир, отраженный в великих произведениях и великих фигурах Ренессанса, скорей трагичен, чем весел, более тверд и непреклонен, чем радостен и мирен, скорей загадочен и призрачен, чем ясен и гармоничен, но в любом случае противоречив. Сомнамбулы и шуты, беспокойные головы, смеявшиеся над целым светом, — именно они становятся популярными персонажами.

Точно так же и пророчества Савонаролы имеют под собой реальную основу, ибо жизнь и история людей того времени трагичны на особый лад, к тому же все происходит в Италии, потрясаемой европейскими войнами и всяческими кровавыми заговорами, в стране, управляемой убивающими и убиваемыми властителями, в регионе, где умеют править с помощью все более хитроумной диплома-

тии только посредством «inganni» (обманов и где интеллигенция, по крайней мере после великого начала эпохи, довольствуется собственной безутешностью.

Ко всему этому важнейшие торговые центры страны утрачивают свои заморские владения, их блеск меркнет, а источники богатства иссякают. Только трагическое величие такого человека, как Микеланджело, и лишенный очарования реализм Макиавелли в состоянии отобразить эту двойственную ситуацию, ибо веселое и упорядоченное настроение Рафаэля и Боттичелли этого совершить не в силах. Мир Ренессанса переживает трагические муки. Савонарола это предчувствовал, ибо он не был столь близорук, чтобы всего не видеть. Идеалы, видения, планы государственного устройства, с такой самобытной страстностью противопоставляемые им продажной церкви, дадут конкретные результаты только через многие годы. А он, по крайней мере в последние месяцы своей жизни, стал пророком, жившим в состоянии внутреннего покоя и доставляющим конкретный успех другому великому уму, даже если он будет жить только через тысячи лет. В его же время действительность отвечает на его призывы так же, как и на требования просвещенного разума гуманистов, — кострами и охотой на ведьм.

Поэтому и не удивительно, что многие из мучителей эпохи, вечно недовольные собой и ходом мировых событий, очень скоро отказывают в доверии небесным силам, которым надлежало решать вопросы добра и зла, и спускаются на чисто земной уровень. Настало время, когда почти каждый старается истолковать на свой лад грядущий Страшный суд, пришествием которого грозили проповедники покаяния и предсказатели. Церковное учение о Страшном суде, достаточно убедительно изложенное со времен провидца с Патмоса⁵³, не дает никакого противовеса всем тогдашним неуклюжим объяснениям Апокалипсиса, напротив, постоянная ссылка на «рай», официальные обнадеживания церковной доктрины, которые, кажется, только в наши дни получили теоретическую основу, в то время, подогревая нетерпимость людей, делали их нетерпеливыми. Плата за отпущение грехов только постепенно приближала человека к его цели. Малодушным эти объяснения надоели, они хотят услышать еще при жизни, попадут они в рай или нет. Оживают секты хилиастов всяческого происхождения

На улицах появляются толпы самобичующихся. Эпидемия покаяния поднимает на поверхность всякое дерьмо в душах сумасшедших. Массовая истерия, охота на всякого рода «уклонистов» и нарушителей спокойствия целого света начинается в те дни, когда хотят добиться божьей благодати. Многие обличители эпохи, будучи предоставлены сами себе, должны уняться. На повестке дня еврейские погромы. И не следует забывать, что все это происходит в чумном воздухе, ибо эпидемии эпохи, испытанные на собственной шкуре, кажется, еще больше отравляют атмосферу разума. Опасность заразиться, а вместе с ней и неизбежная смерть становятся все более ощутимыми. Этот климат постоянных и реальных опасностей необходимо иметь в виду, когда речь идет о хилиастических движениях⁵⁴ того времени. Их представители точно знают, о чем они говорят. У них перед глазами стоят больные заразными болезнями, они чувствуют их мертвецкий запах. Но коль скоро невозможно справиться с распространением болезней, то по крайней мере необходимо спасти «души». А раз так, долой преследование зла, долой подозрения, а вместе с ними и подозреваемых — евреев и «еретиков» — христиан! Никто так не бдителен, как зараженный бдительностью страж правоверия. При этом фитиль уже подложен к пороховой бочке церкви. Малейшего повода достаточно, чтобы высечь искру. Третья часть «Молота ведьм», ставшая затем в Центральной Европе уголовным кодексом, будет систематически копировать эту ситуацию. И до XVII в. будет трудно сойти с этой стези предписаний и представлений. А нескончаемая попытка уже давно узаконена в качестве полезного средства в борьбе правды против лжи. Она ждет вскоре и Джироламо Савонаролу. Процессы, в задачу которых входит точно и аккуратно отделить дьявольщину от божественного и недостижимое от разумного, интересуют всех, кто имеет дело с «приговорами», то есть там, где государство, церковь действуют совместно. Светские и церковные власти соревнуются в преследовании дьявольщины, радикальных отклонений от религиозных догм и прочих нарушений спокойствия. Поскольку же все это вряд ли ощутимо даже в собственном сердце, а следовательно, неистребимо, то срочно следует искать это у других, у тех, кто так или иначе уже давно находится под подозрением.

И опять расчет, что все они начнут нападать друг на друга, очень прост. И снова он в общем итоге отягчает положение монаха.

В хождении Савонаролы по мукам, во всяком случае, достаточно свидетельств о более глубоких причинах упомянутой проблемы. А как же могло быть иначе? Правда, школьное богословие того времени уже давно разъяснило, что дьявол в мире окончательно побежден Иисусом Христом. Рассматривая вопрос в целом, можно считать, что небо обуздало ад и сатана побежден. Но в повседневной жизни как в низах, так и в верхах эта проблема выглядела иначе. Теоретическое учение богословов в гораздо меньшей мере, чем полагали до сих пор, было воплощено в действительности. Эпоха и ее выразители, конечно, уже полностью разъяснили этот вопрос, но чертей, теоретически начисто истребленных, было полно. Если кто-либо хотел погубить противника специфически теологическим способом, то ему нужно было приписать ему связь с уже ликвидированным, но по всем признакам чрезвычайно живучим дьяволом. В этом случае дальнейшую аргументацию можно было считать излишней. Ибо успех, достигаемый при таком методе действий, говорил сам за себя, да и другим показывал пример для подражания. Поскольку и папа в Риме применял в подобных случаях свое духовное оружие — а индульгенции сами по себе были связаны с чистилищем и раем, — то, будучи рядовым гражданином, можно привыкнуть к мысли, что в соседнем доме у конкурента по профессии или члена противной партии не все чисто с религиозной точки зрения. И здесь многое превратилось в заведенную привычку, но дело стало обстоять совсем плохо, когда это пробуждение дохристианских представлений все больше приобретало официальный характер и стало распространяться подобно эпидемии. Вскоре проявились и непредвиденные последствия, когда победила точка зрения, что есть люди, не только вступившие особым образом в связь с дьяволом, но что можно и нужно их едва заметную связь с ним выявить в судебном процессе под председательством духовного лица. После этого недалеко было до мысли, что действительное спасение от таких людей возможно только с помощью «окончательного решения» особого рода.

За год до смерти Савонаролы уже появились некото-

рые памфлеты, авторы которых пытались вышеописанным способом обезвредить проповедника покаяния. В последние месяцы его жизни появляется бесчисленное множество выдумок о его связях с сатаной. Некий монах брат Леонардо положил этому начало во Флоренции. Он принадлежал к ордену августинцев, постоянных конкурентов доминиканцев брата Джироламо Савонаролы. Впрочем, Александр VI дал августинцам привилегию ухаживать за ризницей папской капеллы, что они делают и до сих пор. Эта конгрегация, удостоенная папской милости, постоянно придерживается гордого мнения, что именно она истинно правоверна и избрана, чтобы поставить в этом плане под сомнение всех остальных христиан. Этой точки зрения августинцы придерживались до тех пор, пока в их рядах в конце концов не появился брат Мартин⁵⁵, «еретик» из Виттенберга — форменная напасть, от которой самоуверенные августинцы так никогда полностью и не оправились. Но брат Леонардо не мог предугадать такой беды в собственных рядах, когда обвинял доминиканца Савонаролу в связях с сатаной. Тем не менее в пасквилях монаха, представителя конкурентов, содержались нашедшие многих подражателей и часто встречающиеся ссылки на то, что брат Джироламо присвоил себе качества пророка, и на вытекающую из этого его политическую близорукость. Эти нападки нашли многочисленных подражателей. В общем и целом, странное сочетание религиозных претензий, земных конфликтов и связей с силами ада; все это представляло собой прием, ловко рассчитанный на три уровня средневековых зрелищ, хорошо известных читателям того времени.

В последующее время противники Савонаролы действуют еще более убедительно. Доносы следуют один за другим. При этом не следует забывать, какого труда стоило доносчикам, этим гончим псам ортодоксальности, обнаружить красную дичь, то есть еретика, и схватить его. По сравнению с ними у духовных пастырей, руководителей этой охоты, забот было немного. Они не составляли труда после того, как неустанные ищейки, доносчики, совершали тяжелую предварительную работу. А формы этой охоты, правила игры в «поиски еретика», остаются всегда одинаковы. Савонароле пришлось испытать эту горькую чашу до дна. Вскоре он стал мишенью атак. Его противники, не скрываясь, называют вещи своими именами.

Они называют монаха «Магометом», а его приверженцев — «синагогой сатаны»; все эти определения довольно конкретны и представляют собой не что иное, как упражнения в теологически приукрашенной церковно-политической клевете. Согласно им, Джироламо Савонарола — олицетворение всех врагов христианского общества, угрожающих верующим как извне, так и изнутри; это турки, евреи и злые духи. Таким образом, сама собой напрашивается и выдумка об опасных «любовных связях» и их скверных последствиях. Даже говорят, что монах болен французской болезнью, вообще-то чаще встречающейся в окружении папы Борджа. Правда, она, если вспомнить о безупречном образе жизни монаха, за исключением его последних допросов, проявляется у него в особой форме — и сразу же следует намек на дружественное отношение Савонаролы к французам. Но она, считают враги монаха, все равно окажет на него свое разрушительное действие. Некий Джироламо Порцио, незадолго до этого возведенный Александром VI в сан епископа, пишет, что брату Джироламо, согласно букве Священного писания, давно уже следовало бы отправиться в Рим, чтобы предстать перед первосвященником и таким образом исцелиться от отвратительной «*morbus gallicus*», «французской болезни». Это был намек, не требующий комментариев.

К тому времени монах узнает, что даже листовки, все еще появляющиеся в его пользу, не могут помочь против все увеличивающихся выдумок противников. Папское отлучение от церкви и уже упомянутое наименование «сын сатаны» начинают только теперь оказывать свое действие, которое уже невозможно недооценивать. И если даже всему этому не придавать чрезмерного значения, то все равно можно сказать, что обстоятельства изменились не в пользу Савонаролы, клеветническая кампания продолжает расширяться. Монаху начинают инкриминировать уголовные преступления. Правда, он продолжает еще выносить решения на политическом, а не на теологическом уровне. Но, несмотря на это, все большее число людей считает монаха «аутсайдером», от которого лучше держаться подальше. Ибо если последует политическая перемена, то окажется, что с точки зрения теологии он уже давно «уничтожен». А такой ход событий следует предвосхитить; так полагают шептуны во Флоренции. К то-

му же от монаха отмежевался и сам папа, одновременно церковный властитель и политическая персона, с которой в политической игре господ приходится считаться. И сообщество верующих, что бы оно ни думало об Александре VI, заметно отдаляется от Джироламо Савонаролы.

ОГНЕННОЕ ЗНАМЕНИЕ

И только теперь в игру вступает огонь. И он сожжет монаха и его дело прежде, чем для него соорудят настоящей костер. Время, верующее в чудеса, также и в этом случае только обратная сторона сатанинского ослепления, требует от неба знамения. Именно таким образом, очевидно, явно для всех и без сомнения должна быть доказана истинность миссии монаха Савонаролы. Полагают, что могучий партнер на небе очень охотно вмешается в жизнь избранного города, чтобы подтвердить праведность своего пророка. И если возможно, то делает это очевидным для всех желающих увидеть, как тогда на Иордане, когда голубь парил над избранным сыном. Они все с неподдельным восторгом верили в чудесные истории Священного писания. О них рассказывают им итальянские странствующие проповедники того времени. И они воспринимают эти истории полностью и дословно. А почему бы и нет? Никто ведь не говорит, что Библию нужно очистить от мифов. И совершенно не хотят принять к сведению, что тот самый Иисус из Назарета для доказательства своего божественного происхождения всегда отказывался показывать фокусы, что он часто с гневом отклонял всяческие искушения такого рода. Если дело с чудом выгорит, тогда пророку Савонароле поверят. Также и в этот раз проявляется старый самообман. Но чудеса, собственно говоря, никогда не были любимым детищем истинной веры. Точно так же и Савонарола, несмотря на все противоположные заверения, в своих пророчествах не собирается опираться на «чудеса».

Но во Флоренции придерживаются другого мнения. Многие требуют в последние дни жизни монаха осуществления «божьего суда», то есть последовательного продолжения их стремления к чудесам, и доказательства праведности дела пророка с помощью испытания огнем, которое Савонарола должен выдержать на глазах

у всех. Ну, а «*compagnacci*», объединение тех флорентийцев, кому фанатичный проповедник покаяния уже давно надоел, не в последнюю очередь по «теологическим» причинам, объединились в борьбе против монаха с большинством клириков города и в понедельник карнавала, 26 февраля 1498 г., во время длительной попойки договорились дать по рукам пророку, нагло превращавшему один карнавал за другим в дни покаяния. Члены синьории в качестве начальства с неудовольствием взирали на пьянку гуляк, но не вмешиваясь в нее, сделал вид, что ничего об этом плане не знают. Утром 25 марта на некоторых дверях церкви Флоренции были прикреплены записки, открыто требовавшие поджечь наконец крышу над головой Савонаролы и его сторонников. В то же утро францисканец и проповедник, выступающий с проповедью во время поста из церкви Санта Кроче, Франческо ди Пулья, официально вызвал приора на «испытание огнем», чтобы выяснить на глазах у всех действительность папского отлучения от церкви и установить несостоятельность пророческой аргументации Савонаролы. Итак, суфлер подал свою реплику.

Монах уже с 18 марта не выступал с кафедры собора. К папскому запрещению читать проповеди, не принимаемому Савонаролой во внимание, добавилось еще одно — со стороны синьории. Таким образом, угроза Борджа провозгласить интердикт над городом оказала первое воздействие на граждан, озабоченных ходом своих торговых дел. В городе поговаривали, что вопрос об интердикте уже решен и его объявление только временно задерживается. В конце концов победела боязнь установления этого вида религиозного бойкота, поскольку запрещение проводить церковную службу привело бы к тому, что духовенство, прекратив отправление культа, возможно, покинуло бы город, что в свою очередь способствовало бы еще большему ухудшению торговых дел, шедших в последние месяцы из рук вон плохо. Савонарола же в эти дни растущей клеветы и слухов продолжал, не унывая, организацию процессий, которые он уже некоторое время проводил со сторонниками на территории, огороженной прочными стенами своего монастыря. Вместо него другие монахи стали читать проповеди в городе, что было досадной занозой для противников, которых это совсем не устраивало. Поэтому францис-

канцу, члену ордена, соперничавшего с доминиканцами в борьбе за души горожан, не составило труда найти сторонников своего плана провести испытание огнем.

Правда, Франческо ди Пулья открыто заявил, что убежден, что сам сгорит. Но, по всей видимости, также и монах Савонарола не имеет шансов выйти из огня живым, и по крайней мере таким образом скверная проблема будет решена. Сегодня мы довольно точно знаем, что не Савонарола подал идею осуществления этого губительного плана. Пророку Флоренции это не нужно. Он опирается на совершенно другую уверенность — на веру. Также можно не сомневаться и в том, что между листовками на дверях церквей, призывающими к поджогу, и предложением францисканца существовала взаимосвязь. Но трудно высказать определенное суждение, действительно ли собирались осуществить ужасный план. В этом случае биографы, в зависимости от позиций, защищают ли они Савонаролу или выступают против него, придерживаются противоположных мнений. Но в целом это предложение можно расценить как тонкий шахматный ход противников Савонаролы. Францисканец уже вызванной им открытой дискуссией заставил монаха и его сторонников сделать вынужденный ход. Если бы Савонарола проявил малейшее нежелание участвовать в навязанном ему испытании, то его дело можно было бы считать проигранным. И все проповеди об истинной вере не имели бы больше успеха. Обстоятельства складывались, как во времена процессов над ведьмами: у обвиняемого был только выбор между огнем или позором в глазах общественности, третьего не дано. Как бы монах ни поступил, дело закончилось бы не в его пользу.

Совсем другие намерения были с самого начала в голове предложившего этот дерзкий план. Можно ли представить более достойное дело христианского милосердия, чем бросить свою жизнь на чашу весов во имя того, чтобы народ, ослепленный лжепророком, был вновь наставлен на истинный путь официальной церковной веры, а сам обманщик был унижен раз и навсегда? Возможна ли для собственного ордена более высокая честь, чем придти на помощь обремененному заботами римскому папе и разоблачить в глазах всего народа монаха, пренебрегающего отлучением от церкви? И что может быть почетней, по крайней мере с точки зрения консерваторов,

чем умереть мучеником за правое дело папы и попасть в рай праведником?

«Сотрагнасси» же, ко всему, могли держаться в тени и ждать окончания религиозного спора, затеянного ими с такой ловкостью. Правда, среди своих они распространили слух, будто все это дело только предлог, чтобы с помощью легковерного народа наконец схватить Савонаролу. Правда, на это они рассчитывали без ведома народа. Ибо очень скоро план, возникший в результате политических происков, превратился в настоящий теологический скандал. Неожиданно для всех на повестке дня появилось проведение по всей форме «божьего суда».

Таким образом, вновь расширяется сцена земного спектакля. В политическую жизнь города должны включиться иные силы, а не те, которые сражались до сих пор. Природа и случай, с давних пор называвшиеся в древних культурах «богом», с некоторого времени и в сфере христианского права учитывались при вынесении смертного приговора. В основе этой заимствованной христианством практики лежит соображение, что в первобытное разбирательство между людьми привлекались также и воздействовавшие на них силы природы, во власти которых они себя ощущали, чтобы безошибочно разоблачить личность, ставшую изгоем, но в своей сатанинской хитрости не раскрывавшую это со всей очевидностью. Слово «мир» означает с точки зрения религиозного сообщества нерушимость установленного порядка. Нарушитель мира постоянно сеет беспокойство и тем самым нарушает порядок общины. Его поступок, то есть «правонарушение», доказывает, что он уже оставил других и сам давно покинут богом. Поэтому право и желанный богом порядок, без сомнения, должны победить, если «аутсайдера» подвергнуть определенному испытанию, предоставляющему божеству открытую возможность восстановить нарушенный мир.

Но для того чтобы устроить такой суд «*deux ex machina*»⁵⁶, «бога из машины», как мы назовем это сегодня, требуется отдать все свои силы во имя правды господней. Это только последовательный вывод из принятых предпосылок. Ибо в этом случае игра идет не на жизнь, а на смерть. С такими вещами не шутят. Ведь в данном случае к действию подключаются и первичные элементы. Земля, огонь и вода — это древние силы, почитавшиеся

прежде, чем более поздние, очеловеченные боги. Итак, эти древние божества должны вмешаться и вполне логично покарать человека, отважившегося нарушить их изначальные права уже тем, что призывает их совершить несправедливость. Позднейшее напластование более высокого слоя религиозных представлений все же не смогло уничтожить этой скрытой первобытной веры в то, что грешник живет не в ладу также и с окружающим миром природы и поэтому должен от него погибнуть, если будет подвергнут в нужной форме испытанию первичными элементами. Первобытный человек твердо верит, что любое нарушение общественного спокойствия «психикой» злодея соответствует нарушению физического и вещественного равновесия. И только после того, как группа определила и извергла нарушителя спокойствия, нормальное состояние невинности восстанавливается также и в природе. Только в этом случае можно верить, что оскорбленные элементы больше не будут мстить. А природные катастрофы, принимаемые многими за «божью кару», во все времена церковного христианства не прекратятся до тех пор, пока неопознанные злодеи будут среди праведников. Легендарного ветхозаветного пророка Иону, как повествует книга, названная по его имени, выбрасывают с тонущего корабля, и море сразу успокаивается. Это всегда рассказывали, интерпретируя в определенном смысле, представители церкви, которым такие представления о религии казались подходящими. Бог вторгается в мирские дела и восстанавливает покой. После этого все авторитеты, заинтересованные в покое и порядке, облегченно вздыхают. А беспокойных радикалов, нарушителей повседневного мира, «теологически» изобличают еще раз.

Наряду с верой в победоносность правого дела появляется убеждение в силе дьявола. Сатана постоянно искушает человека — так думают и в эпоху Возрождения — и побуждает его же признаваться в совершенных преступлениях. Только с помощью милостивого бога можно вернуть такому человеку право на предназначенное ему место и авторитет в сообществе людей. А дьявол, хочет он этого или нет, должен во время «испытания огнем» перед всеми уступить объявленному решению более сильного противника. Церковная литургия считает это проявлением правды. Она отдает должное теологичес-

ким обстоятельствам дела, сопровождая все более распространяющиеся «божьи суды» всеми видами экзорцизма [заклинание и изгнание дьявола из человека. — *Перев.*]. Ибо недостаточно, что в данном случае действует сам бог, желая восстановить свои права в борьбе с чертом в человеческом облике. Здесь и церковь в качестве «общины праведных» должна внести свой вклад. Лицом, действующим в первую очередь, является и остается сам бог; согласно словам цитируемого в этой связи псалма, он «праведный судия», ведущий справедливое дело к победе. Человек же, вышедший у всех на глазах по божьему приговору победителем над первичными элементами, то есть не сгоревший в огне, прошедший по раскаленному железу, не утонувший со связанными руками в реке, обретает в качестве награды внутренний покой, или «*securitas*», как об этом свидетельствуют «Вестфальские сообщения» о «божьих судах» X и XI вв. Таким образом, человек вновь приходит в состояние гармонии с природой и богом. А все присутствующие с этого момента могут засвидетельствовать, увидев собственными глазами, что сам бог вмешался в этот свой хаотический мир.

С чудесами в традиционном смысле слова этот теологический замысел сначала не имеет ничего общего. Напротив, бог, подтверждая только собственную сущность, не опровергает созданного им порядка, и только позже побеждают «чудесные» объяснения фактов. Но древняя вера еще не нуждалась в этих современных интерпретациях. Римские папы также должны были время от времени оказывать сопротивление этому ошибочному пониманию старого обычая. Теперь речь идет об искушении бога, о святотатстве по отношению к господу, если об этом говорить официальным церковным языком, — о принуждении Спасителя вмешаться в земные дела. Но эти увещания Рима не имеют ничего общего с современным пониманием религии, о котором мы говорили. Клирики вместе с людьми, хотевшими с удовольствием присутствовать при вынесении божьего приговора, исходят из того, что бог действительно мог бы вмешаться. И, пожалуй, они порицают только то, что все большее число людей искушает Спасителя, дабы он что-нибудь в конце концов предпринял и сыграл «*deus ex machina*».

Александр VI тоже предпочтет эти аргументы, выражая свое мнение по поводу испытания огнем, задуманного против Савонаролы флорентийскими «*compagnacci*». Он не делает никаких теологических заявлений о невозможности божьего вмешательства в мирскую жизнь, ибо это дело самого господа. Нет, он только сожалеет о «нарушении покоя» Спасителя, с которым он, будучи его наместником на земле, согласиться не может. Да и то, что собираются устроить во Флоренции, папу никоим образом не устраивает. Довольно сомнительно и то, что Франческо ди Пулья, придумавший все это, пользовался благосклонностью Борджа в дни перед испытанием огнем. Но, пожалуй, мы не ошибемся, предположив, что засвидетельствованное недовольство папы этим флорентийским планом следует в значительной степени приписать не беспокойству по поводу искушения бога. Поскольку «божий суд» должен наглядно доказать действительность папского отлучения от церкви, Александр VI благодаря усердию некоторых священников сам стал соучастником этой игры с огнем. Именно это было не совсем в духе папы. А что произойдет, если испытание, вопреки ожиданиям, закончится в пользу брата Савонаролы, если все-таки бог окажется на стороне пророка? Папе и кардиналам, которых он опросил в консистории, неприятные события, разыгравшиеся во Флоренции, по теологическим причинам не очень поправились. И надо полагать, они все легко вздохнули, когда «божий суд» в конце концов не состоялся и можно было подумать о более надежном и реальном огне — о костре для монаха и его соратников.

Но в городе все выглядит иначе. Все, кажется, настаивают на устройстве спектакля с огнем. Да это и не удивительно. Правильно было обращено внимание на то, что процесс «божьего суда» всегда чем-то напоминал грандиозный спектакль, «первоклассное зрелищное мероприятие», как описывал эти события Ганс Фер. На всей той эпохе лежит налет театральности, что и объясняет тогдашнюю любовь к зрелищам. Театральными были все более утрачивавшие значение отлучения от церкви, помпезные провозглашения крестовых походов, мирные речи, произносимые именно папами, затевавшими междоусобицы ради маленьких клочков земли, чтобы расширить собственную территорию. И не случайно в то время

для обозначения полей сражения появляются слова «театр военных действий», то есть место, где можно действительно что-нибудь увидеть и этим насладиться. Хронисты прямо-таки захлебываются своими сообщениями с полей сражений, свидетелями которых они явились. И только в наши дни можно время от времени услышать мнение, что подобный «спектакль» слишком ужасен, чтобы его действием развлекаться. Что же касалось «божьих судов», представлявших собой также часть жизненного театра, то ритуальные облачения и проникновенные установленные выражения церковной литургии, вероятно, должны были производить на испытуемого и соответствующих зрителей колоссальное впечатление. Церковь тоже кое-что понимает в убеждающей силе «*circenses*», этого никто отрицать не станет. И подобные процессы устраивались для того, чтобы целиком подчинить своей власти любопытный и боязливый народ. Массы же хотят одновременно видеть и слышать. Каждый участник одновременно является зрителем и актером; в одно-единственное мгновение решается все — жизнь и смерть. И за всеми событиями, разыгрывающимися на переднем плане, скрывается мастерский драматизм. Само обрядовое действие становится необходимой частью зрелища. Так хотела церковь. И только позже ее начинают мучить сомнения, когда, вызвав духов, чтобы предложить народу вместо куска хлеба ее специфические «*circenses*», она больше не может от них отвязаться. Теперь церковь запрещает духовенству проведение «божьих судов». Но складывается впечатление, что вряд ли кто-либо соблюдал этот запрет. Кажется, будто церковь сама слишком связана с подобными мероприятиями. Внешняя же форма проведения божьих судов с давних пор регулировалась соответствующими священниками. Они следят за их проведением и регулируют назначение поста, обычно предшествующего драматическому дню. Они служат торжественную мессу «*Iustus es, Domine*» (Праведен еси, Господи), предназначенную для «божьего суда». Изгоняют с помощью древних церковных заклинаний возможного участника, живущего в аду. Причащают жертву и дают ей испить святой воды. Итак, можно хорошо представить ситуацию, возникшую во Флоренции, поскольку знатные сановники церкви обещали вновь позаботиться о подобающем религиозном и жутком зрелище.

Ко всему надо добавить, что по части этих представлений у города был известный опыт. Во Флоренции уже было несколько подобных примеров с участием церкви и ее священников. Возможно, в памяти народа еще живо воспоминание об этом испытании огнем, состоявшемся в 1068 г. Тогда папа Александр II, да Баджо, по желанию некоторых епископов на заседании римского Синода в 1067 г. постановил, что вопрос о жалобе, поданной монахами из монастыря в Валломброзе против епископа Петра, продававшего должности, следует решить с помощью огня. За дело монастыря на этом «божьем суде», благословленном самим папой, сразу же вызвался выступить монах, прозванный «Петром огненным». Костер зажгли на паперти одной церкви. Монах причастился и прошел босиком с крестом в руках сквозь пламя. Епископ же отказался повторить совершенное монахом и поэтому утратил доверие, а вместе с ним и свой приход.

Приблизительно через полстолетия после этого другой монах, чтобы освободиться от подозрения в поношении святого креста, прошел по раскаленному до красна железу, не причинив себе особого вреда. Савонарола и сам только недавно намекнул на это. Он заклинал господ, присутствовавшего в просфоре, когда он держал ее в руках, ниспослать на него с неба огонь и истребить его — лжепророка, если он действительно лжец. При этом никто не считал, что монах, как уже сказано, был сторонником чудес. Хотя от этого пророка и требовали во Флоренции очевидного знамения истинности его призвания, он всегда такое желание отклонял. Но из его сторонников согласился на опасную игру с небесным огнем прежде всего брат Доменико Буонвичини, позже казненный вместе с ним. Фанатичный Доменико согласился до истечения года потягаться на «божьем суде» именно с Франческо ди Пулья, придумавшим провести во Флоренции испытание огнем в марте 1498г. Но тогда этих разговоров никто всерьез не воспринял. Личное влияние пророка Савонаролы было слишком велико, чтобы кому-либо понадобилось небесное знамение. Но теперь, за несколько недель до конца, все выглядело иначе. Народом все больше и больше овладевал опасный угар. А сторонники Савонаролы не отступали, поскольку предполагали, что небо наконец само возьмет в свои руки справедливое дело монаха, выступающего против не-

достойного папы. Но чем больше они предавались своей религиозной убежденности, тем нетерпимей становилось положение дел Савонаролы. И именно этим обстоятельством Савонарола в конце концов был вынужден уступить.

Во всяком случае, Доменико, друг и исповедник брата Савонаролы, с радостью принял вызов, францисканского конкурента. Правда, более реалистически настроенный приор потребовал у него по этому поводу объяснения. В отличие от своего противника Савонарола не собирался умереть «мучеником». Это стремление к христианскому самоутверждению, по-видимому, у настоящих радикалов отсутствует, ибо они знают, что правда таким образом не будет доказана и им, живым, на земле предстоит решить более важные задачи, чем на небе. Но изменить обстоятельства, приведшие к испытанию огнем, было трудно. Доменико по своей простоте полагал, что вера может сдвинуть горы, и отказывался уступить. И Савонароле в угоду славному Доменико в конце концов пришлось сделать хорошую мину при плохой игре. Этот монах, родившийся в Пешии, был всегда безгранично предан собрату и приору Джироламо Савонароле, который был для него отцом, руководителем и кумиром. Когда монаху запретили читать проповеди, его сразу же заменил брат Доменико, «заместитель» по призванию. Он собирается вместо своего наставника участвовать в испытании огнем, впрочем, в этом нет ничего необычного и это предусмотрено правом того времени. Мы и теперь знаем выражения, свидетельствующие о подобной дружбе: «пойти за кого-либо в огонь и воду», «ручаться головой за кого-либо».

И тем не менее право последнего решения о прохождении по гибельному пути было предоставлено не обоим второстепенным боевым петухам — Доменико и Франческо и не тем, кого они с молчаливого согласия собирались заменить, то есть монаху и папе, а только флорентийской синьории. И она поторопилась дать согласие на проведение «божьего суда», тщательно взвесив все за и против, все преимущества и убытки для себя. После этого соперники могли перейти к обсуждению деталей самого процесса. Многие граждане города в качестве посредников и ходатаев стали курсировать между монастырями Сан-Марко и Санта Кроче, обеими цитаделями враждовавших клириков. А 29 марта в конце кон-

цов все вместе пошли во дворец Синьории и с нотариальной пунктуальностью зафиксировали на бумаге вопросы, подлежащие решению. Согласно этому протоколу, основным спорным пунктом была действительность отлучения от церкви, провозглашенная папой. Если бы этот краеугольный камень выпал из здания обвинения, то он нашел бы себе место в фундаменте, на котором покоилось возвеличивание Савонаролы.

Но францисканский монах в заявлении членам синьории вдруг проявляет малодушие. Он подчеркивает, что согласен на испытание огнем, если оно вообще заслуживает такого названия, только с участием самого Савонаролы, а не с его заместителем. Иначе главному виновнику не причинят никакого вреда, в то время как брат Доменико и он сам, по всей вероятности, сгорят. А это совсем не входило в замыслы инициаторов. Францисканец полагает, что и беспорядок в городе не уменьшится, если невинные погибнут, а виновный останется жив.

Доменико отвечает на эти возражения довольно логично и говорит, что если брат Франческо хочет быть действительно последовательным, то он должен настоять на том, чтобы не только брат Джироламо Савонарола, но также и папа Александр VI прошел через огонь. Если же у францисканца отсутствует такая последовательность, то можно, как было договорено заранее, ограничиться одним представителем с каждой стороны. Однако логика доминиканца в споре с францисканцем ему не помогает. В конце концов согласились, что францисканцы вместо поднатчика Франческо послали на испытание другого человека, брата Джулиано Рондинелли. По мнению строителей, самое главное было не испортить самой пьесы возней с простаками актерами, поскольку весь город ожидал ее с упоением.

Известие о соглашении по поводу этой своеобразной дуэли распространилось во Флоренции с быстротой молнии и пробудило внимание широкого круга людей. Синьория, к тому времени решившая низвергнуть монаха в ходе инспирированного с ее участием спектакля, все чаще стремится выяснить настроение народа. И каждый раз она может быть довольна результатами опроса. Козыри, если рассматривать возникшую ситуацию реалистично, а не так, как религиозные и усердные приверженцы Савонаролы, находились исключительно в руках

противников монаха, то есть у правившей тогда партии. Поэтому можно было и не мешать естественному ходу событий: победа одной партии означала окончательное поражение другой. Это уже давно было ясно всем политикам в городе. Но сторонники партии синьории знали так же хорошо, как и их трезво мыслившие противники, что в исходе испытания огнем не могло быть серьезных сомнений, да и кого это волновало, одним «божьим судом» больше, одним меньше. Ко всему заключавшие соглашение об испытании огнем включили оговорку, предусматривавшую в случае гибели обоих споривших, что соответствовало бы действительности, а не надеждам праведников, считать дело Савонаролы проигранным. Итак, сеть была расставлена, записанное в договоре мелким почерком было против Савонаролы.

Но религиозный энтузиазм так хитро загнанных в угол сторонников монаха, пожалуй, только возрастает, что служит признаком начавшейся истерии. Уже 28 марта, когда брат Доменико публично заявил о своей готовности пройти испытание огнем, многочисленные женщины, слушавшие его проповедь, восклицали: «Я тоже, я тоже!» И многие обращались в последующие дни к Савонароле, чтобы получить его согласие погибнуть в огне. Когда монах 1 апреля в монастыре Сан-Марко выступил перед собравшимися верующими, его речь все время прерывалась возгласами сторонников. Вечером того же дня его собрат, монах Мариано Уги, читал проповедь в соборе и предложил также пойти в огонь за дело монаха. Приор монастыря Сан-Марко все время получал письменные высказывания такого же содержания, а 3 апреля монахи монастыря даже написали папе письмо в этом духе. Но Александр VI по известным причинам не принял это предложение. Тем не менее как в Риме, так и в остальной Италии с интересом наблюдали за дальнейшим ходом флорентийской инсценировки. Появились новые листовки. И вечером 6 апреля синьория нотариально засвидетельствовала соглашение между братом Доменико и запасным участником братом Джулиано, что и подтвердил присутствовавший архиепископский генеральный викарый Пьеро Мария ди Перуджа. Были установлены детали проведения испытания огнем. Согласно им, оба участника «божьего суда» должны в присутствии Савонаролы и францисканца Франческо ди Пулья, окончательно ото-

шедшего на задний план, пройти сквозь огонь с одного конца костра до другого и затем проделать этот путь еще раз в противоположном направлении, чтобы исключить любое сомнение по поводу вмешательства бога.

Утро 7 апреля было днем вербного воскресенья. На открытой площади перед дворцом Синьории, где через несколько недель поставили виселицу для Савонаролы, соорудили подмости. Их обложили щебнем и кирпичами и на эту основу навалили дрова и хворост, пропитанный маслом. В середине же оставили узкий проход, по которому должны были пройти оба соперника между бушующим с обеих сторон пламенем. Таким образом, пойти на попятный было невозможно. Говорили, что брат Джироламо Савонарола сам настоял на таком расположении костра, и это было странным выражением его веры в силу добра над смертью.

Находившаяся напротив подмостков ложа для членов синьории, собравшихся присутствовать на спектакле из-за профессионального любопытства, была разделена дощатой стеной на два отделения, чтобы предоставить места для зрителей из обоих соперничавших орденов, игравших важную роль в качестве вдохновителей соперников, участников «божьего суда». Все подъезды к площади перекрыли. Для сохранения общественного порядка приезжих выпроводили из города и закрыли городские ворота. Во Флоренции остались только ее жители. За порядком, созданным таким образом, следила милиция из горожан. А на самой площади собрали несколько сот вооруженных лиц под командованием представителей соперничавших сторон, которые должны были вмешаться, если бы «божий суд» превратился в потасовку смертных. Об этом позаботились предусмотрительно, чтобы исключить возможные случайности. Площадь к тому времени была полна людей, причем некоторые еще с полуночи ожидали того, что политическая хитрость и религиозное усердие им обещало как «сiтcenses». В окнах соседних домов и на их крышах было темно от любопытных, как об этом сообщили современники. Ведь подобное случалась не каждый день.

После того как турнирную площадь оборудовали и украсили, на ней собралась толпа зевак, чтобы поглядеть и поболтать, прибывают и ведущие актеры с сопровождающими их лицами. Все с напряжением ожидали

появления этих протагонистов. Между тем соперничающие группы пытаются скоротать время ожидания с помощью боевых песнопений и подбадривающих возгласов, чтобы воодушевить себя и нагнать страх на противника.

Савонарола утром этого достопамятного дня отслужил торжественную мессу и поговорил с народом. Едва он покинул кафедру, за ним пришли посланцы синьории, чтобы сопровождать на место главного действия. Следует себе только представить такую сцену. Спектакль, как и все интересующее южан, происходит на улице и имеет определенный смысл. Ибо где-где, а в этой стране действительно умеют устраивать «circenses». Даже казни в то время сопровождают жуткой и впечатляющей церемонией, их устраивают не в последнюю очередь и для хорошего развлечения зрителей. Точно так же захватывали дыхание многие процессии того времени, проходившие согласно определенному ритуалу, во главе с кающимися и бичующимися монахами и замыкаемые высокопоставленным духовенством. Рекомендации, составленные гуманистами в качестве приложения к книге Петрарки «Trionfi» для так называемых «триумфов» любви, смерти, времени, целомудрия и других сценических воплощений добродетели, вероятно, производили на народ такое же впечатление. В «Триумфе смерти» основной персонаж появляется в виде скелета, размахивающего косой, или изнуренной старой карги, предназначенной для того, чтобы нагнать страх на зрителей, убедить их в реальности мук, ожидающих их души, и побудить присутствующих к покаянию. Возможно, что в основе этих зрелищ лежало намерение изобразить уравнивающую власть смерти, господствующую над папой и императором, богатыми и бедными, духовенством и народом, так сказать, маленький вклад в духовную «революцию» времени. И все же не очень ясно, кто был наиболее заинтересован в этих театральных зрелищах: власти, чтобы удовлетворить народ и удержаться от дальнейших вопросов, или «бунтовщики», использовавшие эту возможность, чтобы наглядно продемонстрировать бренность власти имущих. Во всяком случае, народу очень нравились эти «Trionfi», а скрытый синкретизм эпохи, сочетавший христианскую религию с окрашенными античными реминисценциями гуманизмом, мог таким образом праздновать свою победу.

По улицам Флоренции шествует 7 апреля аналогичная процессия. Впереди идут члены ордена из монастыря Сан-Марко, затем брат Доменико в литургически подобающем для этого момента красном облачении, олицетворяющем грядущее мучение, и в конце сам Савонарола, держащий в руках дароносицу со святыми дарами. За этой процессией следует масса людей. В общем и целом, это была религиозная трактовка страшного события. Позже наблюдатели сообщат, что представление, устроенное набожными доминиканцами, вселило страх в ряды их противников — францисканцев. Итак, демонстрация одних монахов перепугала других! И все это проходит под знаком белой гостии — символа единства христиан. Еще интересней развернулись события, когда доминиканцы при исполнении литании «Всем святым», как это констатировали их конкуренты из ордена францисканцев, стали взывать к францисканским святым, а не к собственным — доминиканским, по по-богословски объяснимой причине, ибо свои святые в любом случае поддерживали благое дело, других же еще надо было привлечь на свою сторону.

Но, поскольку обстановка чрезвычайно напряжена, ничего не происходит. Соперник из лагеря францисканцев задержался во дворце Синьории и на месте действия еще не появлялся. Также и о членах синьории, которые должны подать сигнал к началу спектакля, не было ни слуху ни духу. Савонарола посылает во дворец гонца за известиями. Часы проходят. Народ беспокоится все больше. Комиссия, созданная синьорией, чтобы регулировать ход божьего суда, сообщает монаху в конце концов на его запросы, что францисканцы, выведенные из себя «trionfi» доминиканцев, заявили тем временем о своем подозрении, что красное облачение брата Доменико якобы заколдовано. Также и в этой уловке, какой бы странной она в наши дни ни казалась, нет ничего необычного, ибо вера и суеверие идут рука об руку также и у нищенствующих монахов. Поиск записок с волшебными заклинаниями, чтобы «божий суд» свершился в его пользу, спрятанных на теле противника, относится к практике «божьих судов». Христиане, монахи, клирики в этом плане не составляют исключения. Ибо бог богом, а ведьмы и проделки сатаны сами по себе. Поэтому также и во Флоренции требуют, чтобы брат Доменико явился во

дворец, где его францисканцы подвергают тщательному обыску. И вместо облачения сомнительного мученического цвета ему выдают зеленую одежду. Так францисканская сторона чувствует себя вроде бы спокойней.

На площади же все еще ничего особенного не происходит. Только внезапно разразившаяся гроза промочила народ и сложенный костер, что послужило новым поводом для францисканских подстрекателей, спрятавшихся в толпе, говорить о колдовстве Савонаролы, Вскоре вновь появляется брат Доменико, на этот раз в зеленом облачении. И когда он берет в руку крест, чтобы наконец пойти с ним в огонь, зажженный вновь, духовная противоположная сторона вновь заявляет теологический протест, а именно что и распятие может быть заколдовано, в делах с доминиканцами все возможно! Тут у брата Савонаролы лопается терпение, и он предлагает, чтобы Доменико взял с собой в огонь святые дары, то есть гостию из принесенной дароносицы, ибо она-то уж не может быть заколдована. Это аморальное предложение вызвало возмущение. Поскольку тем временем наступил вечер, синьория, пробудившаяся вновь, не долго думая, отсылает всех домой. Так довольно бесславно закончился день несостоявшегося спектакля, начавшийся многообещающе. Среди разочарованных зрителей все больше растут слухи. Ибо все считают себя обманутыми.

И вместо того чтобы радоваться тому, что в этот злополучный день 7 апреля 1498 г. никому не пришлось умереть в огне, все пытаются взвалить вину за это сорванное зрелище на своего противника. И монах в этом плане не является исключением. Ему не смогло помочь то, что в будущем большинство историков признает его правым, а синьория и ее союзники все-таки не отважатся хлопнуть так хитро подготовленную западню. Ибо бескровно закончившееся воскресенье, если смотреть вперед, повредило делу Джироламо Савонаролы гораздо больше, чем все предшествовавшее. Непосредственным следствием событий этого дня было почти полное изменение мнения сторонников монаха, горько разочаровавшихся в своих слишком больших надеждах. Масса людей меняет взгляды. Савонарола же всегда делал ставку на них. Лютер, растормошивший мирян, был в этом отношении по-своему умней. Господин «сброд», как он называет чернь, был, с его точки зрения, всегда слеп и склонен к преступлению.

А во Флоренции слухи, ловко распространяемые противниками Савонаролы, разжигают новый огонь. И холодный гнев ожесточившихся людей усиливается. Соперники, готовые на все, видят, как увеличиваются их шансы.

Правда, «сопрагнасси» были вынуждены отказаться от первоначального плана, предусматривавшего ликвидацию духовного тирана Савонаролы одним ударом, используя удобный момент: сразу после окончания спектакля. Вооруженная группа людей, сопровождавшая монаха на обратном пути, испугала убийц. Но некоторые из его противников полагали, что долго копившаяся ярость быстро не уляжется. Ко всему из монаха не собирались делать «мученика». Поэтому много надежней показался план схватить Савонаролу легальным путем, уличить его в «ереси» и повесить. А пока оставалось убрать остатки подмостков и подвести итог. Францисканцы получили от городского правительства своего рода премию, выплачиваемую им в форме воспоминаний о достопамятном дне 7 апреля каждого года, а их Франческо ди Пулья, ставший за сутки если и не примером личной храбрости, то все-таки знаменитостью, заслужил похвалу Александра VI. Таким образом, он, всего-навсего маленький статист, вся роль которого заключалась в одной реплике, оказавшийся тем не менее важным лицом, став представителем определенного слоя консервативных «тоже реформаторов», окончательно исчезает на задворках истории. А Джироламо Савонарола продолжает играть свою роль на сцене города и дальше.

ТЕПЕРЬ ТЫ У НАС В РУКАХ!

Неожиданный мир, который скорее следовало бы назвать передышкой между двумя атаками, не продержался и суток. При этом, когда спектакль, разыгранный 7 апреля, завершился столь отрезвляющим финалом, «сопрагнасси» не решились открыто атаковать монаха и его сподвижников. Но уже на следующую ночь им представилось немало возможностей задирать сторонников Савонаролы, где бы те ни попадались на флорентийских улицах. Группы вооруженных «сопрагнасси» повели себя столь угрожающе, что приверженцы Савонаролы сочли со своей стороны более чем своевременным подготовиться к актам насилия и в ожидании худшего по крайней мере забаррикадиро-

ваться в собственных домах. И вот уже слышны повсюду знакомые слова о наступательной или оборонительной войне — каждая из враждующих сторон выбирает их себе по своему вкусу, чтобы обвинить противника в том, что он не имеет оснований говорить о своей правоте.

Утро Вербного воскресенья поначалу протекает совершенно спокойно, даже спокойнее, чем ожидалось. Церкви города полны прихожан. Ввиду предстоящих долгих богослужений и литургических церемоний этого первого дня поминовения страстей христовых священники, как правило, отказываются от проповедей, чтобы никто не чувствовал себя задетым словами проповедников. Сам Савонарола ограничивается лишь кратким обращением к пастве в храме монастыря Сан-Марко — оно выдержано в мрачных тонах и не исключает возможности близкой смерти. Уже известный нам фра Мариано Уги тоже готовится к бою: во второй половине дня ему предстоит произнести проповедь в соборе. Для «*сompagnacci*» это повод вновь опасаться поворота симпатий народа в пользу Савонаролы. Все можно допустить в этот день, кроме одного: подстрекательской проповеди одного из приверженцев Савонаролы. Вот почему вновь оказывается соответствующее давление на синьорию, причем будущее Флоренции рисуется в самых темных тонах. Ведь оттягивать «окончательное решение» больше нельзя. Несмотря на распространившиеся слухи и предостережения, собор после полудня наполняется народом. Следовательно, верующие ждут проповеди. Но когда один из «*сompagnacci*» вдруг кричит в забитой до отказа церкви, что проповеди не будет и народу надлежит незамедлительно разойтись по домам, возникает паника. Народ ломится из храма наружу, где собрались в ожидании остальные «*сompagnacci*». Напряжение становится невыносимым. Уже летят камни, сверкают кинжалы. Кажется, будто весь город разом вышел на улицы. Площадь Синьории наполняется вооруженными людьми, которые лишь ждут знака, чтобы начать резню. Уже ползут слухи о первых погромах. Слышатся возгласы жаждущих крови. И нарастающий крик: «Вперед, к монастырю Сан-Марко!» — действует в этой обстановке как клич искупления. Фитиль наконец-то зажжен. Теперь его уже не потушить.

Чернь, чей гнев подогревается самой синьорией, члены которой теперь знают, что они должны делать как полити-

и устремляется к монастырю приора Джироламо Савонаролы, где в это время идет вечерня. Но в церкви Сан-Марко не только возносят молитвы. Если самые влиятельные приверженцы Савонаролы не вняли предостережениям о возможности такого погрома, какой намечается сейчас, то другие оказались умнее и заранее подготовились к штурму монастыря.

Всю ночь стояла на посту вооруженная стража. И оружие теперь, в минуту действительной опасности, могло сослужить обороняющимся хорошую службу. Сразу же удастся отразить первый натиск бушующей толпы. Но в дело снова вмешивается синьория, настроенная явно враждебно к монахам. Она обращается ко всем гражданам с призывом сложить оружие, а Савонарола должен в течение двенадцати часов покинуть Флоренцию, так и не ставшую для него родным городом, и отправиться в изгнание. Он — возмутитель спокойствия, «чужак» — должен уйти. Савонарола хорошо понимает ситуацию и соглашается выполнить приказ, чтобы избежать дальнейшего разгула насилия. Но приверженцы заклинаят его остаться, боясь, что без его отеческого покровительства они подвергнутся новым и еще более тяжким нападениям. Тем временем фра Доменико бегает по монастырю и уговаривает всех не стрелять и не вызванивать сигналы тревоги большим колоколом. Последний раз создается впечатление, что победят осторожность и благоразумие. Но картина эта обманчива. «Сотрагнасси», только что набившие себе шишки у монастыря Сан-Марко, отправляются громить дом одного из самых знатных приверженцев Савонаролы — богача Франческо Валори. Незадолго до этого хозяин дома присутствовал на богослужении в церкви монастыря. Однако Савонарола посоветовал ему идти домой, чтобы принять меры к защите семьи. Но когда этот видный политик последовал совету своего друга, было уже поздно. Чернь к тому времени разграбила дом, избива несколько человек из челяди и домочадцев и отправилась дальше. Дом был охвачен пламенем. Франческо Валори отправился во дворец Синьории искать справедливости, но по дороге подвергся нападению своих личных врагов, у которых были с ним старые счёты, и был убит. Впоследствии его судьбу разделили и некоторые другие приверженцы монашеского братства, как того хотели «сотрагнасси». Масса же подстрекаемых к на-

силию людей вторично устремилась к монастырю Сан-Марко.

Примерно с шести часов вечера вся ярость черни, отведавшей наконец вкус крови, обращается против монастырских стен. Защитники святой обители — оставшиеся верными монахи и добровольные помощники из паствы — взобрались на крышу и сбрасывали оттуда на головы нападающих большие камни. Те в свою очередь подожгли здание в нескольких местах, притащили лестницы из соседнего монастыря и обходными путями, в местах, где не была обеспечена надлежащая оборона, проникли внутрь, чтобы первым делом разграбить все, что не было намертво прикреплено к полу и стенам или врыто в землю. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Нам и сегодня известны имена отдельных участников штурма и защитников монастыря — настолько велико и неизгладимо было впечатление, произведенное этим событием на флорентийских хронистов. С обеих сторон имелись убитые и раненые. А весть о страшном событии разносил и разносил окрест своим тревожным звоном большой колокол Сан-Марко — «пианьона», как называли его по имени «piagnoni», монахов — плакальщиков и причитальщиков. Впоследствии этот колокол — полностью в духе своего времени — еще подвергнется особому наказанию за службу, которую он сослужил защитникам монастыря в тот день.

Но и в самый разгар боя Савонарола, из-за личности и деяний которого загорелся весь этот кровавый сыр-бор, а также несколько его сподвижников продолжают творить молитвы в монастырской церкви. Мысль о предстоящем вскоре мученичестве овладела умами осажденных в той ледящей кровью ситуации, как о том поведали впоследствии они сами. Эти люди были уверены, что неотвратимо пришел их последний час. И они ждали смерти, вознося молитвы богу. Только когда оставался в храме стало невозможно из-за растущей опасности пожара, молящиеся перебрались в опочивальню послушников. Они взяли с собой из алтаря дарохранительницу — как и за день до того, во время предыдущего испытания огненной стихией. Соппротивление между тем все больше ослабевало. И все же понадобилась шестичасовая осада, чтобы монастырь Сан-Марко окончательно сложил оружие. Нападающие, совершенно открыто пользовавшиеся всевозможной поддержкой синьории, пригрозили, если не будет

прекращено сопротивление, разрушить монастырь огнем пушек, подтянутых тем временем к его стенам. Узнав об этом, Джироламо Савонарола выразил готовность следовать за посланцами из синьории, выбрав тем самым путь к верной смерти. Он исповедался у фра Доменико, получил святое причастие и вступил на скорбную стезю как всякий по-настоящему мужественный человек — с известной долей страха перед предстоящей великой последней битвой. В свой монастырь, отторгнутую обитель его реформаторских деяний, он уже никогда больше не вернется.

Когда Савонарола появился на площади перед монастырем, толпа победителей, осаждавшая цитадель, встретила его криками и улюлюканьем. Но время смерти еще не пришло, пока она уступила место насмешливым издевательствам толпы. Весь путь до дворца Синьории оказался для Савонаролы и его спутника Доменико тем наказанием, которое называется «прогнать сквозь строй». В монаха, которого тащили со связанными на спине руками, как тяжкого преступника, плевали из толпы, пинали ногами. И даже если предположить, что некоторые из дошедших до нас эпизодов этого крестного пути следует приписать легенде, обычно приукрашивающей действительность, то все же многие из них вполне соответствуют особой обстановке, характерной для часа первой мести. Около двух часов ночи монаха вводят во дворец Синьории, руки заковывают в железо, ноги связывают. Затем его бросают в камеру, кстати в ту самую, в которую был брошен в 1433 г. Козимо Медичи, провозглашенный впоследствии Отцом отечества. Это помещение иронически именуют «alberghettino», и это действительно «постоялый дворик», последнее прибежище приговоренных к смерти. Камера представляла собой крохотное помещение в самой верхней части башни Арнольфо, предназначенное исключительно для политических узников. И надо сказать, что в выборе места для этой последней земной юдоли было нечто от флорентийской «dolcezza» (мягкости), о которой Савонарола скажет впоследствии, рассказывая о своих крестных муках. Другого еретика, Яна Гуса, в свое время посадили в тюрьме монастыря доминиканцев в Констанце в камеру, расположенную непосредственно над отхожим местом, чтобы вонью сломить его «упрямство» — этот вернейший признак ереси. Так что во Флоренции с еретиками обращаются несколько гуманнее.

Фра Доменико поместили в другом месте. Третьего из этого содружества, фра Сильвестро, привели только под утро. В монастыре же Сан-Марко разместили по распоряжению синьории караулы, не в последнюю очередь по той понятной всем уважаемым купцам города причине, что следовало воспрепятствовать голытьбе из низших слоев «народа» продолжать погромы и прежде всего не допустить, чтобы ценнейшая библиотека монахов, основанная уже упоминавшимся Козимо Медичи, стала добычей безграмотных погромщиков.

А месть, которой жаждут многие, тем временем продолжает вершиться. Во времена бунтов и общественных беспорядков, политических убийств и сведения счетов всегда вступают в игру личные интересы тех, кто в повседневной жизни угнетен и унижен. Обладающие силой и властью могут по крайней мере в такие моменты позволить себе известную сдержанность: в другое время у них предостаточно случаев, чтобы удовлетворить свои садистские инстинкты. Мало было эпох в истории человечества, когда насилие осуществлялось с такой непреложной последовательностью, как в эпоху Ренессанса, «терпимости» которого высказано так много похвал.

Создается впечатление, что люди того времени имели обыкновение постоянно доводить до крайних пределов все, включая зло и жестокость. Месть считалась излюбленным занятием тогдашних тиранов, которые сами в редчайших случаях умирали естественной смертью. Александра VI отравили, его сына Цезаря как бы мимоходом прикончили во время одной из боевых схваток в Испании. Фердинанд Арагонский, неаполитанский король, приказал насаживать на колья отрубленные головы своих противников, бальзамировать трупы убитых им людей, облачать мертвые тела в одежду и выставлять их, прислонив к стене одной из галерей, по которой он затем прохаживался, когда у него появлялась к тому охота. Ходили слухи, что однажды, когда он вел войну с Венецианской республикой, ему вдруг пришла на ум веселая затея — насыпать яда во все резервуары и сосуды со святой водой в церквях города. У Якоба Буркхардта были, таким образом, все основания утверждать, что итальянские городо-государства кватроченто являли собой необыкновенную смесь добра и зла, а тамошние князья были столь нео-

бычны и столь великолепны, что общепринятые нормы морали к ним неприменимы.

Флоренция тоже целиком вписывалась в общую картину эпохи. Один из очевидцев сообщает, что после погромов, имевших место ночью и ранним утром, вдруг снова наступила тишина. Оргия убийств пошла на убыль, и только глотки продолжали заходиться криком. На какое-то время убийства уступили место насмешкам и издевательствам. Чтобы как можно сильнее скомпрометировать в глазах людей монахов из обители Сан-Марко, остатки оружия, найденного в монастыре, были погружены на тележки, которые провезли по улицам Флоренции как многозначительный символ одичания и отчуждения от народа, незаметно возникших в монастырской обители, когда во главе ее был настоятель Савонарола. Только самым знатным из числа последователей свергнутого приора удалось со временем выбраться из тюрем путем выкупа, остальные продолжали оставаться в руках синьории, которой казалось, что на политическом горизонте опять сгущаются тучи. Ибо никто не сомневался, что властители держав того времени, которым вверил себя Савонарола, например король Франции, не будут бездействовать, узнав о насильственном свержении приора. И тем не менее всё, как по какому-то сговору, оборачивается против магистра, так что синьория может вздохнуть с облегчением. Уже 13 апреля во Флоренцию приходит весть, что Карл VIII, планировавший второй поход против Италии, неожиданно скончался, да к тому же произошло это 7 апреля, в день флорентийского «испытания огнем». А запоздалые и неловкие попытки его наследника Людовика XII выручить Савонаролу не принесли успеха. В дни неожиданной смены власти во Франции никто не подумал о быстрой и действенной помощи монаху, попавшему в беду где-то там в далекой Италии. Забот хватало в собственном доме.

Но тем больше времени оставалось флорентийцам для проведения заключительной стадии дела Савонаролы. Утром 9 апреля синьория обсуждает с влиятельными людьми города, какие дальнейшие действия предпринять против арестованного. После прикидок, как и что делать, сходятся на том, что с монахом надлежит обращаться со всей строгостью. Это было бы на руку и сторонникам Савонаролы, которых немало насчитывалось среди городской знати; конечно же, подвергать их преследованию,

не опасаясь впоследствии в один прекрасный день навлечь на себя неприятности, оказалось бы делом нелегким. Поэтому, согласно испытанному методу, следовало выбрать одного, кто мог бы понести ответственность и наказание за многих, которых можно было бы потом отпустить. Руководствуясь уже одними только политическими соображениями, лидеры «*agrabbiati*» должны были потребовать, чтобы другие главари приверженцев монашеского братства подверглись лишь наказаниям в виде денежных штрафов, то есть таким наказаниям, которые представляли собой повседневное явление в жизни купеческой среды и которые можно было спокойно перенести.

Что касается Савонаролы, у которого не было семьи и который, как это кстати вспомнили именно сейчас, был уроженцем не Флоренции, а Феррары (города, герцогиней которого впоследствии станет Лукреция — дочь папы), то с этим чужаком можно было не церемониться. Каждый, кто хотел получить возможность сорвать свой гнев на монахе, мог теперь беспрепятственно сделать это: а тех, у кого имелись с ним счёты, было немало.

Возможности к тому стали еще благоприятнее, когда из Рима пришло известие, что нет больше никаких церковно-правовых возражений против действий такого рода, которые предлагали «*agrabbiati*». Верные слуги римской церкви, старавшиеся именно сейчас проявить свою преданность ей, они заранее поинтересовались у святейшего престола, как обстоит дело с древним предписанием, согласно которому любой, кто посягнет на особу духовного пастыря, сам будет предан проклятию. И папа с готовностью поспешил сообщить, что из-за такого пустяка не стоит беспокоиться. Таким образом, последнее формальное препятствие могло считаться устраненным. Официальное основание для начала судебного процесса было санкционировано свыше, все соответствовало каноническому праву. Разрешение создать процессуальный прецедент в форме суда над назойливым пророком поступило из самого высшего церковного ведомства. Отныне со спокойной совестью можно было считать, что, несмотря на эксцессы, имевшие место в ночь на вербное воскресенье, все случившееся прощено, а все, что предстоит совершить, с самого начала законно. Ибо сам папа восстановил господство закона — не в последнюю очередь для успокоения столь чувствительной совести флорентийцев.

И хотя это было сделано на грани между морально допустимым и недопустимым, тем не менее с соблюдением юридических формальностей.

Итак, папе стало известно, что «исчадие зла» находится теперь под надежным замком, стало быть, пришло время свести счеты. Да и кто осудил бы Александра VI за то, что он, так часто подвергавшийся столь тяжким обидам, начал мстить? Гнев святейшего отца прорывается наружу. Борджа охотно дает согласие на организацию процесса. Со своей стороны синьория постаралась тщательно подобрать членов суда, призванного вынести приговор монаху, чтобы предупредить какие бы то ни было случайности. Во вторник 10 апреля официально собрался «чрезвычайный трибунал», состоявший исключительно из врагов Джироламо Савонаролы. Среди них был и Доффо Спино, предводитель «сopagnassi».

Теперь уже известно, как будут развиваться дальше события. Приговор predetermined еще до того, как начнется мучительная процедура предварительного следствия. И не стоит удивляться той скорости и легкомысленности, с которой еще раз в истории происходит протуирование закона; а как великолепно удается всем участникам этого спектакля скрыть свое дотоле подавлявшееся негодование за буквой юридических норм, чтобы придать своим действиям видимость законности! Не следует удивляться также, что за последующую историю юриспруденции многие попадались на удочку авторов этой инсценировки: и по сегодняшней день кое-кто с одобрением относится к юридической стороне этого дела и не подвергает сомнению строгое соблюдение закона в ходе процесса. Это, конечно, отнюдь не к чести и славе представителей «позитивной» законности и тем более тех самозванных священнослужителей Фемиды, которые заверяют в своей приверженности «имманентной связи морали и права».

ЕЩЕ КОЕ-КАКИЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

В это время Джироламо Савонарола заперт в темнице. И раз уж он впервые оказался в безграничной власти своих противников, то они применяют все дозволенные церковными уложениями средства, чтобы попытаться выведать тайну этого удивительного человека. Конечно, Са-

вонарола всем известен, он один из их бывших сограждан, которого они знают много лет; но никогда им не представлялось, что с ним дело обстоит настолько «нечисто». Теперь же служителям правосудия впервые представляется шанс вскрыть возможную тайну связи с дьяволом и восстановить истину.

И опять-таки судьи не ограничиваются одними лишь только подозрениями. Юстиция в таких случаях прибегает к давно испытанному приему. И то, что происходит в последующие недели уже было в истории. Впрочем, ничего особенного и не происходит. Персонально против него никто не строит никаких козней. Форма процесса, который ведется против монаха, до ужаса обычна, корректна, отличается соблюдением всех формальностей. К нему не применяют более жестоких методов, чем к другим обвиняемым. Его не подвергают какому-либо «особому обращению». Все происходящее представляет собой повседневную привычную процедуру. Никому из тех, кто отвечает за нее, и в голову, наверное, не приходит, что в этой будничности правопорядка в сконцентрированной форме отражается вся многовековая жестокость и безжалостность тысяч людей, носящих в себе заряд агрессии.

Напротив, даже искусство того времени, становившееся все более реалистическим, охотно обращалось к сценам мученичества. Все бесчеловечнее становились образы палачей и их подручных на картинах, изображавших муки господни и святых. Достаточно взглянуть на картину Иеронима Босха и лица легионеров, волокущих на казнь несчастного Иисуса из Назарета. Стрелы, пронзившие тело святого Себастьяна, все чаще изображаются на полотне и все с более изощренным садистским наслаждением. Живописцы и рисовальщики соревнуются друг с другом в живописании все новых жестокостей. И при этом отнюдь не складывается впечатление, что кистью их водит чувство благородного негодования. Скорее — жестокое удовольствие от детального изображения мучений. Но это следствие вовсе не особого интереса живописцев, а их чувства реализма. Здесь не разгул фантазии, а реальные сцены тогдашней жизни. Мастера живописи воспроизводили то, что их окружало, — мерзкие физиономии любопытных, глазевших на муки, рожи садистов — многократно повторенное выражение «здорового народного духа». Но все,

что изображено на этих картинах, — обычная повседневная жизнь, в то время ни в ком не вызывавшая удивления.

И никто не думал о том, что все признания, выжатые из обвиняемого столь ужасающе корректным образом, навсегда останутся сомнительными, ибо в их основе лежали доказательства, основанные на абсурде.

Воззрения эпохи Возрождения начнут оказывать воздействие значительно позже. А в то время лишь немногие, например Эразм Роттердамский, рассуждали о «терпимости». Старое преодолевается медленно, если вообще преодолевается. И чтобы восторжествовала терпимость, нужны тысячелетия, если даже в наше время она еще столь слабо распространена.

И разве тем старым способом, который применили тогда к Джироламо Савонароле, раскроешь тайну чело́века? Вряд ли сей метод годен и для того, чтобы испытать способность человека выносить боль до определенных пределов, когда «корректные» мучители получат возможность делать с ним, что захотят. Но эта истина не пробила себе дорогу по сей день. пытка остается атрибутом жизни человечества, ибо вся его история есть история палачей и стенаний пытаемых. Господь бог же, как видно, дал обет молчания, и люди делают для себя вывод, что бог, наверное, умер.

Флорентийская юстиция уже вечером 10 апреля доставила монаха из его маленькой камеры «alberghettino» в так называемую «Bargello» — резиденцию подесты. Там имелись все приспособления для пыток, которые с давних пор считались тамошней юриспруденцией необходимыми для ускорения следствия. Правда, суд дожидался специального разрешения Рима пытать монаха, а потом уж начать его допрос. Но в городе все сильнее становился ропот, что монаха, чья вина не вызвала у многих сомнений, хотят избавить от справедливой кары; а какой же праведный суд потерпит такие упреки? К тому же не было сомнений, что соответствующее разрешение из Рима поступит. Трудно было представить, что у наместника бога на земле могут появиться серьезные возражения против применения пытки к нищенствующему монаху. Да и с какой стати? Пытки ведь, как уже говорилось, были в порядке вещей. Словом, в первый же день Джироламо Савонарола был «подвешен». Это означало, что монаха подтягивали на веревке, привязанной за

кисть руки, а потом, резко отпуская веревку, заставляли тело падать под собственной тяжестью вниз, но так, чтобы оно не ударилось о пол, а раскачивалось в воздухе.

Как во всяком деле, в заплочном мастерстве тоже есть свои эксперты. Они высказывали высокоученное мнение, что специальные способы, применявшиеся к монаху, отнюдь не входили в число наиболее жестоких в практике их деятельности. Напротив, по сравнению с тем, что человеческая фантазия вкупе с техникой сумели достичь в этой области, флорентийские способы пыток были еще довольно «гуманными». Как бы то ни было, только в тот памятный вторник подручные палача четырежды «вздергивали» монаха вышеописанным манером: этого оказалось достаточно как для достижения цели, поставленной мастерами пыток, так и с точки зрения палаческой гуманности. По слухам, монах сразу же проявил готовность сделать первое «признание». Стало быть, допрос с первого же дня начался совсем не так уж плохо. Если дело так пойдет и дальше, можно рассчитывать на скорое его завершение и вполне удовлетворительный результат.

Но надежды многих на быстрое следствие не оправдались. Допросы все затягивались и затягивались, хотя «гуманное» подвешивание за руку применялось довольно часто. Истинные результаты этих допросов, ведшихся на Страстной неделе 1498 г., неизвестны по сей день, хотя недостатка в слухах и предположениях не было. Чем больше проявлялась бесполезность примененных «методов», тем меньше желания примириться с таким положением дел проявляли те, кто ждали результатов допросов у дверей камеры пыток. И снова каждая из обеих партий, действовавших в городе, считала, что «правда» на ее стороне. Одни полагали, монах сдался и признался в ужаснейших преступлениях — достаточный повод, чтобы высказывать различные предположения о подробности его деятельности и надеяться, что страшная развязка близка. Другая сторона придерживалась мнения с определенной надеждой на успех, что Савонарола будет твердым до конца хотя бы по той причине, что он никогда не сделал ничего дурного или даже просто предосудительного. Паломничество к «Bargello» и монастырю Сан-Марко, основанное на этих слухах, принимает столь широкие масштабы, что синьории вновь приходится вмешиваться.

Главная проблема, с которой столкнулись следователи, еще не решена: это необходимый следствию ответ на вопрос, обладает ли Джироламо Савонарола даром предвидения. Те из его противников, кто менее склонен церемониться с узником, становятся все нетерпеливее. Слухи ползут по Флоренции, распространяются по всей Италии. Некоторые из «*compagnacci*» жалуются, что следствие ведется неправильно и потому не может закончиться удовлетворительными результатами. Если же такое положение будет продолжаться и впредь, то они угрожали взять дело в свои руки и просто-напросто вышвырнуть Савонаролу с приличной высоты на мостовую из первого попавшегося окна.

Упреков становится все больше, синьория и назначенный ею следственный суд оказываются в незавидном положении. Монах же, руки которого доведены постоянной пыткой до такого состояния, что приходится думать о применении другого способа мучений, то признается, не выдержав боли, то вновь отказывается от своих признаний. Как видно, пытка не может дать ничего существенно нового, ускорить достижение желаемых результатов.

Но они были сейчас нужнее, чем когда-либо, ибо процесс по делу монаха, организованный с таким трудом, мог лопнуть как мыльный пузырь, подорвав «законность» действий, предпринятых против Савонаролы. Как в действительности обстояло дело в те пасхальные дни во Флоренции, можно понять в полной мере, лишь приняв во внимание огромное значение, которое придавалось в ту эпоху официальной пытке в процессуальном делопроизводстве.

Сегодня многие авторы чересчур увлекаются описанием различных общественных институтов того времени, забывая о духовно-исторических взаимосвязях, причинах, основах явлений. Такой подход к наследию прошлого и предмету изучения таит в себе опасность: накапливается огромное количество частных деталей, в то время как следует изображать духовную подоплеку процессов. История юстиции как накопление материалов и их трактовка рано или поздно исчерпывает себя, со временем они начинают представлять интерес только для «одержимых профессиональным интересом», которые, углубляясь в детали, полагая, что знания их о предмете увеличиваются, на самом деле упускают из поля зрения целое.

События, происходившие во Флоренции в те дни Страстной недели с Савонаролой и вокруг него, не могут служить лишь предметом рассмотрения специалистов по средневековой юстиции пыток. Арену событий давно уже следует рассматривать в более широком плане, ведь даже на допросах в камере пыток важную роль играли проблемы «божественного и дьявольского». И относиться к ним следует не только как к теологическим чудачествам. Юрист и историк, знающие истинную взаимосвязь явлений, всесторонне осмысляют детали, находящиеся в их поле зрения. Правда божия, оставшаяся скрытой при вынесении «приговора господня» от 7 апреля, должна быть исследована снова и обнаружена, хотя и несколько иными средствами. То, что в приговоре «божьего суда» приобрело «потусторонний» характер, имело авторитет, удостоверяемый традицией. Ведь не кто иной, как сам сатана являлся одним из участников процесса!

Обвиняемого, которого обуяли силы зла, надо было вырвать из-под влияния дьявола, и сделать это при помощи пытки. Люди того времени, как и их предки, считали, что в обвиняемого вселялся демон, завладевал его свободной волей, и, следовательно, в образе такого человека жил и действовал черт, которому запродана его душа. И пока сохраняется такое состояние, одержимый дьяволом неспособен был сознаться, сказать всю правду божью, которая одна только и представляла интерес для судей. Поэтому весь уголовный процесс того времени представлял собой долгую и упорную борьбу с дьяволом. Но поскольку нечистая сила обладает способностью обуять не только обвиняемого, но и свидетелей, зачастую не оставалось ничего другого, как подвергать пыткам и их, если не удавалось добиться истины другими путями. «Молот ведьм»⁵⁷ — произведение доминиканцев Инститориса и Шпренгера, которым один из пап во времена Савонаролы открыл путь к успешной карьере, довольно явственно свидетельствует об этом. Инститорис и Шпренгер считают, что одержимого, в которого вселился бес, можно рассматривать лишь как безвольное орудие сил зла. И все же вопрос о дееспособности ответчика в случае подобных соvrщений не разрешен до конца. Как гласит ответ на этот вопрос, вина соvrщенного дьяволом наличествует в самом начале, ибо ответчик или свидетель поначалу заключает в один прекрасный день договор с сата-

ной и продает ему свою душу. Если же несчастный подписал такое соглашение с нечистой силой, его уголовное преступление считается доказанным.

Следует добавить (но это уже является следствием договора с демоном), что одержимый бесом является человеком закоренелым, преступником, стало быть упорствующим во лжи еретиком, а заpiresательство мешает выведению всей правды на свет божий. Единственное же средство на земле, позволяющее сломить столь злостное упорство, как показывает опыт процессов против уголовников и еретиков, — это пытка. Но в случае ее применения каждый опытный судья должен принимать во внимание волшебную силу дьявола, который делает продавшего ему душу особенно стойким к перенесению боли, чтобы тем самым воспрепятствовать чистосердечному признанию. Следовательно, чтобы успешно осуществить поставленные цели, к инструментарию пыток, находящемуся в распоряжении суда земного, целесообразно добавлять сверхъестественную силу господ бога, посредством церковного вклада в ведущийся процесс. При такой системе мышления категориями «божественного и дьявольского», которые могут показаться нам несколько странными, пытка становилась ритуалом, требующим церковного участия и истолкования. Уже в «Молоте ведьм» содержатся различные указания на этот счет: как пользоваться всякого рода реликвиями и осуществлять процедуры изгнания дьявола. Если же все эти действия не вели к желаемому результату, тогда разрешалась бесконечная пытка. Все это осуществлялось в присутствии и с одобрения официальных представителей церкви. И сегодня на многих художественных изображениях той эпохи можно увидеть их участвующими в судебных процессах. Они непременно находились рядом со скамьей для пыток. Без церкви истину божью не установить — так думали они все.

Требовалось, чтобы признание обвиняемого, главный результат всякого процесса, проводимого под пыткой, делалось «добровольно». Оно не должно было выглядеть как «вынужденное» с помощью грубой силы, как непосредственный результат физической боли, ставшей невыносимой. Так, во всяком случае, учили тогдашние специалисты своего дела. И этим можно объяснить тот факт, что фра Джироламо то давал показания, то отказывался от них, а организаторы процесса мирились с такими

проволочками. Может быть и другой секрет: со временем пытаемый мог быть настолько сломлен психически, что пытался ценою признания просто-напросто купить себе отдых от мучений. С таким явлением мы встретимся в деле Савонаролы. Пока же требуемого признания все еще нет, и все, казалось, считают это допустимым, нормальным. Это обстоятельство, возможно, объясняется тем часто оставляемым без внимания фактом, что сами судьи и палачи, в соответствии с двойственными представлениями своего времени, испытывали определенный страх перед «священной» процедурой пытки и высвобождаемыми в ее процессе таинственными силами ада. Ведь никто во Флоренции ни раньше, ни теперь толком не знал, что с ним, собственно, происходит, с этим Савонаролой. Поэтому были все основания считать, что лучше действовать не спеша, лучше самим выдержанно отнестись к нетерпению разгневанных противников Савонаролы, грозивших покончить с ним, чем рискнуть вступить в конфликт с демоническими и разрушительными силами.

Ведь только орудие пытки способно с божьей помощью добиться неопровержимой правды и противостоять влиянию демонов. Надо иметь в виду, что, по распространенным тогда убеждениям, судье и его помощникам, приступавшим к пытке, приходилось вступать в более жестокое единоборство с обуянной грехом плотью, нежели с самой личностью обвиняемого, который находится в надежном плену, в то время как сами пытающие безоружны перед искушениями дьявольских сил. А ведь дьявол постоянно пытается тысячами способов воспользоваться глупостью и слабостью человеческой. Процесс выяснения истины, таким образом, представлял собой борьбу с неравными силами, для победы в которой использовались более или менее успешно церковные вспомогательные средства. Над скамьей пыток незримо витал страх перед всепроникающим дьявольским началом, и этот страх легко трансформировался в садистские наклонности у пытающих, не уверенных в своей правоте. Если исследователь (даже обладающий достаточной информацией о подоплеке описываемых событий) углубляется в одни лишь голые факты и излагает подробности ужасных пыток, верша тем самым суд над нашими далекими предками, он проявляет полное непонимание человеческой природы главных участников трагедии. Критика в адрес самой церкви с подобных

позиций тоже не является вполне объективной. В то время была в ходу одна теория: пытка предназначена для высвобождения истины, а костер — для ее очищения. В действительности происходило смешение садистских наклонностей к любованию муками, удовольствия от продления и отягощения мучений ближнего и страха перед возможностью запятнать себя соприкосновением с греховным началом. Не отмыть от грязи души людей, о которых идет речь, хотя они — гонители и вершители судеб — испытывали чувство самоутверждения, предавая мукам и смерти еретиков. Будущее оправдало тех, кто были сожжены на кострах, и дало отпущение грехов им, а не их боязливым мучителям-садистам с грязными душами, зажигавшим эти костры и буквально наслаждавшимся жаром их пламени.

ТАИНСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Джироламо Савонарола волей-неволей оказался одним из главных участников еще одной попытки выяснить для Флоренции в 1498 г. божественную истину с помощью пыток. Печально, конечно, что монах всячески затруднял прочим действующим лицам достижение этой цели. Положение оказывалось все более запутанным, потому что действительно подходящие признания, которые могли бы проложить истине прямую дорогу сквозь загромождения дьявольской лжи, все еще не были получены. Но с ослеплением следовало покончить любой ценой, оно могло повлечь за собой непредвиденные печальные последствия для судеб города, и прежде всего для представителей правящей партии. Поэтому в конце концов принимается твердое решение.

По приглашению синьории утром 19 апреля в ее дворце собираются высшее духовенство, посланцы зарубежных держав, представители благороднейших сословий Флоренции и шесть монахов монастыря Сан-Марко. Каждая из этих групп по-своему, конечно, заинтересована во вполне определенном исходе процесса. Всех интересовал прежде всего один вопрос: удалось ли за дни, прошедшие после ареста монаха, действительно получить какие-нибудь твердые доказательства в пользу или против обвинений, предъявленных Савонароле? В присутствии вышеуказанных лиц и членов трибунала нотариус прочел сочинение объемом в двадцать четыре страницы, долженство-

вавшее содержать изложение взглядов Савонаролы. Это сочинение сразу же вызвало противоречивые мнения, ибо оно содержало полный отказ Савонаролы от взглядов и действий, которые он исповедовал ранее. Опровержение казалось неопровержимым, даже слишком неопровержимым, как это отметили тут же сторонники Савонаролы. Рукопись противоречила всему, что проповедовал до сих пор Савонарола, и полностью соответствовала тому, чего ждали от монаха его противники.

Савонарола, в частности, открыто обвинял себя в том, что его действиями руководило не божественное откровение и милость божья, а желание публично выступить во Флоренции и добиться внешнего успеха. Былые предсказания, считавшиеся прорицаниями, низводятся до собственных выдумок Савонаролы, якобы стремившегося захватить светскую власть в городе. Жажда славы, тщеславное всезнайство и стремление выставить себя в наилучшем свете — так определяются побудительные мотивы его действий. И эти прежде скрываемые мотивы объясняют его политическую деятельность во Флоренции и за ее пределами, а также вмешательство зарубежных держав. Вполне последовательной в этом свете была акция папы, отлучившего Савонаролу от церкви, поэтому не могло быть никаких сомнений в действенности проклятия, объявленного еретiku. Само испытание огнем было лишь инсценировкой, призванной подкрепить собственную гордыню принесением в жертву жизни других людей. Да, Савонарола не постеснялся, если буквально верить его показаниям от 19 апреля 1498 г., публично признать, что всегда намеревался занять папский престол и не форсировал более открыто и энергично выборы лишь потому, что функции пророка были более сложными и в целом представляли для него более благоприятную возможность обеспечить себе место в истории.

Все это записано в «документе». Не следует удивляться некоторым деталям рукописи, судя по всему, подsunутой на подпись Савонароле. Эти детали довольно точно воспроизводят все аргументы тех, кто, обладая властью и влиянием, становится объектом критики. В ответ они подвергают сомнению моральный облик критикующих, обвиняя их в «жажде славы» и прочих грехах. Ибо, по мнению власть имущих, допустима лишь такая и в таком объеме критика в их адрес, которая дозволяется ими самими и

ни в коем случае не выходит за рамки, установленные сверху. Если же это все-таки происходит (ведь всякий подлинный критик-радикал, как известно, является человеком необузданным), то такую критику следует опровергать, дезавуировать, сводить на нет и объяснять низкими моральными побуждениями критикующих. Таким образом, в том, что делают с Джироламо Савонаролой его судьи, нет ничего необычного, они ведь действуют в рамках общепринятого. Приемы шельмования критикуемого в ответ на его критику стары как мир. Относительно обвинения в том, что Савонарола хотел стать папой, можно сказать: судьи столь охотно приписывали ему стремление сделать большую церковную карьеру по той причине, что сами жили подобными честолюбивыми намерениями.

В «признании» можно прочесть, далее, что еретик гордился своей ересью. Это отвечало его замыслам. И поскольку он знал, что будущее должно принадлежать ему, вовсе не обязательно делать карьеру в церковной иерархии. Такой отказ проповедника от земной карьеры его судьи, имена которых ушли в небытие и потерялись в нем, никогда не смогут понять до конца. Сами они живут только сегодняшним днем и для сегодняшнего дня. Их мышление ограничено рамками существующей сегодня власти. Они не способны понять будущего, как и осознать свое бессилие. Именно потому, что в цитированном «признании» от 19 апреля содержится так много заведомой лжи, свойственной «критике критики», можно с уверенностью предположить, что Савонарола вряд ли имел касательство к его составлению. Большинство последующих исследователей в результате дискуссий и споров пришли к единому мнению, что первый результат допросов под пыткой заключает в себе нечто неправдоподобное. Слишком уж приглажено все, что раньше было и должно было быть таким «противоречивым». Неистовый и неудержимый был подогнан под мерки всех остальных, и это не может не удивлять.

Правда, мнение специалистов имеет одно «но». Монах собственноручно, в присутствии свидетелей, беспристрастность которых очевидна, подписал признание и тем самым сделал его юридически безупречным, так как попытка была здесь «ни при чем». Этот неопровержимый факт по сей день мешает сторонникам Савонаролы по-

следовательно и бескомпромиссно верить в него: перед ним блекнут тщательно подобранные свидетельства, не исключают постороннего влияния при составлении документа. Кстати, смертельный враг Савонаролы Доффо Спины спустя год признался художнику Боттичелли в полной невинности монаха. Впрочем, и другие могли убедиться вместе со Спиной, что признание от 19 апреля, несмотря на многие моменты, вызывающие сомнения, только потому было подписано Савонаролой, что тот после недели непрерывных допросов и возникшей в результате этого душевной депрессии находился, вероятно, в таком состоянии, которое затрудняло ясную оценку окружающего, если не исключало ее целиком.

К тому же, по мнению других свидетелей, монах в те дни, что может быть доказано, впервые серьезно усомнился в собственной роли мессии. Такое душевное состояние Савонаролы подтверждается хорошо запротоколированным ответом монаха фра Малатесте, из которого следовало, что он, Савонарола, просит своих братьев по обители Сан-Марко молиться за него, так как господь полностью лишил его дара пророчества. Эти слова, по показаниям свидетеля, были произнесены монахом в состоянии полного истощения и упадка духа, так что всем присутствующим стало ясно, как обстояло дело. Видимо, физические и психические силы сопротивления монаха истощились, что неудивительно после всех печальных событий последних дней. В свое время в деле с Яном Гусом тоже не все обстояло гладко. Все усилия добиться от осужденного «еретика» опровержения или по крайней мере несколько иной интерпретации своего учения оказались безуспешными. Савонарола же, оказавшийся более слабым человеком, в минуту отчаяния подписал признание⁵⁸.

Синьория сполна использует упадок духа монаха. 19 апреля во второй половине дня она оповещает довольно широкий круг граждан о признании еретика — правда, не всех, чтобы сохранить доверительный характер информации, диктуемой политическими соображениями. Опубликование документа вызывает шок среди горожан. Один из очевидцев сообщал впоследствии, как глубоко он был огорчен, когда «столь величественное здание рухнуло, поскольку было воздвигнуто на фундаменте одной-единственной лжи». Не случайно эта ложь, заключающаяся в кощунственной претензии на обладание

пророческим даром, в соответствии с положением вещей послужила основным предметом дознания. Действительно, ни одна другая деталь обширного «признания вины» не вызывает такого брожения умов в обоих враждующих лагерях, как это самообвинение: для сторонников Савонаролы это было крушением мира, «*arrabbiati*» увидели счастливым исполнение своих надежд.

«Пророк» оказался обычным лжецом, а его мессианство — происками сатаны. Более чувствительного и имеющего самые серьезные последствия удара не могло нанести ни одно другое положение, содержащееся в «признании» обвиняемого. Отдельные сторонники Савонаролы вспомнили, правда, что некоторое время назад он заявил, будто ему, подобно высоко ценимым им пророкам Ветхого завета, нечего убавить из его пророчеств, не говоря уже о том, чтобы отказаться от них, что бы с ним ни случилось. Стало быть, нельзя верить в отречение Савонаролы, если бы даже о нем объявил сам ангел небесный. Но большинство приверженцев, прежде всего в монастыре Сан-Марко, после этого теологического шока отвернулось от Савонаролы. Слишком много надежд было обмануто и весть царствия небесного оказалась вдруг вымыслом, басней. Подпись монаха под документом о его признании вины стала крушением надежд, в общественном мнении произошел поворот на 180 градусов. Кто так поступает со своими преданными сторонниками — тот второй Иуда, а для предателя закрыты двери даже в собственном доме.

Более того, как не без основания указывает один из биографов Савонаролы, у монахов обители Сан-Марко, большинство которых оставалось приверженцами настоятеля, словно спала пелена с глаз, и они увидели, что на протяжении многих лет были жертвой шарлатана, призывавшего к непослушанию богом данным церковным властям. Теперь же, когда «пророк» не имел больше доказательств своей избранности, своего божественного призвания и даже был вынужден сделать позорные намеки на тщеславные мотивы былых пророчеств, монахи поспешили признать за папским престолом место, причитающееся ему в лоне церкви. Вот почему вдруг Александр VI, не пользовавшийся до сих пор среди этих людей большим авторитетом, вновь становится для них законнейшим папой, которому направляется соответствующее случаю верноподдан-

ническое благодарственное послание. Борджа торжествует при виде такого счастливого поворота событий. Теперь он реабилитирован, притом самими его противниками; он позволяет себе благосклонно принять делегатов монастыря и даровать им свое прощение. Джоаккино Торриани, генерал ордена, поступает так же. Зачем ссориться с со-
вращенными с пути истинного, если совра-
титель разоб-
лачен?

В самой Флоренции политические деятели, постоянно сохраняющие бдительность, не сидят сложа руки. Синьория передает гласности вторую часть признания, чтобы использовать преимущества момента и принизить лидеров противоборствующей партии в глазах народа. Одновременно организуются выборы городских сановников, которые должны будут исполнять свои функции в последующие два месяца. Неудивительно, что в этих условиях в синьорию избираются только те, кто готов выступить за продолжение разбирательства дела Савонаролы в духе, в котором оно велось до сих пор. Какого иного приговора, кроме смертного, можно ждать теперь, после того как бастионы монаха подверглись такому уничижающему штурму? И кого же избирать, как не сторонников доведения до конца намеченного плана, если до сих пор все складывалось так удачно?

Но еще есть отдельные упрямы, которые не совсем довольны достигнутыми в ходе следствия результатами. Поэтому договариваются подвергнуть фра Джироламо Савонаролу новому допросу (не исключая и на этот раз применения пытки) между 21 и 24 апреля — Александр VI в это время как раз торжественно отпраздновал окончание работ в храме Санта Мария Маджиоре. Учитывается и то соображение, что двое других обвиняемых, фра Сильвестро Маруффи и фра Доменико Буонвичини, которых удалось схватить так быстро, тоже должны внести свой вклад в полное выяснение истины божьей. Но сперва решили выжать из Савонаролы еще несколько показаний ради достижения этой истины, чтобы весь следственный материал представлял законченную картину. Но успех был не так уж велик: речь, шла лишь о хозяйственных упущениях, мелких растратах, короче, о типичных грехах, наличие которых мелкие душонки неустанно предполагают в других людях. Значительно больше обещали высказывания в ходе следствия фра Сильвестро.

Этот монах — соратник фра Джироламо, родившийся в 1461 г. во Флоренции, принял первое послушание в 1476 г. и слушал между 1482 и 1486 гг. проповеди Савонаролы, которые тот читал послушникам. И хотя Савонарола, по-видимому, был не особенно высокого мнения о своем младшем брате-монахе, считавшемся гулякой, фра Сильвестро все выше поднимался по служебной лестнице. Под конец он считался правой рукой Савонаролы в финансовых делах и выполнял секретарские обязанности, так что от него зависело, кто из многих желающих повидать приора мог получить доступ к нему. Не установлено, верил ли фра Сильвестро в прорицательскую миссию своего патрона. Впрочем, исследователи уделяли его личности мало внимания, в то время как создатели легенд вокруг Савонаролы делали все, чтобы представить его чем-то вроде второго Иуды Искариота и провести соответствующие параллели. Хватило одного только апрельского процесса 1498 г., чтобы фра Сильвестро обратился против неистового монаха. Он признался во всем, что от него хотели услышать, и даже был готов стать главным свидетелем обвинения. Своими признаниями он позволил синьории свести «разоблачение» мотивов якобы божественного призвания фра Джироламо, сделанное 19 апреля, к мирским суетным побудительным причинам и дать им вполне земное толкование. Наконец, оказалось возможным выдать ночные видения фра Сильвестро за основу откровений Савонаролы. При таких обстоятельствах от версии о потустороннем происхождении пророческого дара Савонаролы не оставалось камня на камне, монах оказывался разоблаченным еще раз. И, конечно так, и только так, можно было выйти на след дьявольских козней. А квалифицированное объяснение их снимало камень страха с души каждого из участников процесса, выступавших на стороне обвинения. Сатана попадал в расставленный им самим капкан благодаря ясным показаниям одного из монахов.

Правда, особая помощь фра Сильвестро в поисках истины не помогла ему, потому что 23 мая главного свидетеля повесили и сожгли вместе с Савонаролой.

Фра Доменико тоже не удается выйти безнаказанным из этой ситуации. «Сотрагнасси» приметили его еще тогда, когда он 7 апреля подтвердил свою готовность пойти

в огонь за Савонаролу; это усердие в служении «неправому делу» дорого обошлось ему, люди «правильных взглядов» привлекли-таки его к ответу. Доменико тоже подвергли пыткам, но он остался тверд. Документ о его допросах сохранился как в кратком, так и в подробном изложении и свидетельствует об упорстве и непоколебимости убеждения. В конечном итоге он прошел тот же скорбный путь, что и оба других монаха: виселицу и костер.

Пощадили лишь тех монахов и сторонников Савонаролы, которые были допрошены в этот промежуток времени. Правда, многие из них тоже были подвергнуты довольно основательным пыткам. Как сообщают современники, из «Bargello» и прилежащих домов раздавались крики пытаемых. Но в конце концов их всех отпустили на свободу, ибо то немногое, что они могли рассказать, было уже давно известно. Их признания не имели политического веса, ведь они были лишь попутчиками «второго разряда». Люди действительно влиятельные, знавшие политическую подоплеку события, давно уже были в безопасности. Помимо всего прочего, главное уже было сделано. Савонарола сознался в преступлениях. Теперь оставалось выполнить лишь необходимые формальности.

Начинаются последние, формы ради, переговоры с Римом. Кое-кто считает, что папа должен самолично подвести черту под кровавым делом. Пока идут переговоры, пока ждут обещанного прибытия эmissаров из Рима, Савонарола на некоторое время освобожден от пыток. Из него действительно почти нечего больше выжать. Приведение смертного приговора в исполнение теперь уже только вопрос времени.

Савонарола использует эти недели передышки с 25 апреля по 19 мая для работы над комментарием к псалму «Мизерере»⁵⁹ — («Господи, помилуй!»). Столь же хорошо, как и судьи, монах знает, что его ждет. Ему остается только подготовиться к неминуемой смерти. Хотя сейчас немного свидетельств о том, как он провел эти дни одиночества, нетрудно представить, каково было состояние узника: растут сомнения в правильности избранного пути. Все сильнее искушение отказаться от прошлого, накапливаются упреки противникам. Но над всем господствует великое благодетельное успокоение.

Мешают только частые посещения. Синьория вынуждена разрешить их, хотя бы только для людей из своего лагеря. Сторонники же монаха, а таковые все еще имеются, доступа в камеру не получают. Савонарола подвергается тем временем еще одному унижению. Становится известно, что какой-то соперничающий монах сообщил синьории, что Джироламо Савонарола — гермафродит. Двое членов судейской следственной комиссии решают проверить достоверность доноса противника-одиночки, чтобы еще раз способствовать выяснению истины в полном объеме. Отвратительная сцена начинается с того, что один из следователей объявляет монаху на латинском языке, какому обследованию тот будет подвергнут. Применение латинского языка объясняется интимным характером предстоящей процедуры. Но определенную роль играет и свойственная той эпохе одержимость латынью, когда считалось, что определенные вещи в среде образованных людей не должны высказываться на «уличном итальянском языке». Как бы то ни было, Савонарола шокирован латынью и сразу не может понять, в чем дело. Но чиновник проводит обследование при свете свечей с полным усердием и намерением раскрыть истину. Оно, правда, не приводит к желаемому результату. Обнаруживается, что монах по крайней мере в этом отношении не причастен к волшебной силе демонов. Но делу выяснения правды было воздано должное.

Спустя несколько дней папский эмиссар Ремолинес начинает самыми неприятными допросами третий этап следствия против Савонаролы, и тут уж монаху не удастся отделаться так легко, как на первых двух этапах. Уже 20 мая, через день после прибытия обоих посланцев из Рима, организуется допрос. Ремолинес охотно провел бы его самостоятельно, но синьория отказывает в этом, тщательно заботясь о своем престиже и опасаясь разоблачений, которые могли бы быть для нее неприятными с точки зрения «местного патриотизма». Назначаются еще пять членов комиссии допрашивающих, а нотариус Франческо Бароне, прозванный Чекконе, ведет протокол, как и на первых двух стадиях допросов. Письменные свидетельства о событиях этих последних дней перед казнью дошли до нас, но они отличаются друг от друга в некоторых пунктах. Но и без того синьория отказалась зачитать результаты этого этапа допросов,

не говоря уж об их публикации. И папский эмиссар, как мы знаем, был заинтересован исключительно в решении одной-единственной проблемы, а именно: был ли Джироламо Савонарола действительно «пророком», или же, согласно его собственному признанию, сделанному в ходе следствия, его действия были продиктованы «жаждой славы» — мотивом, хорошо понятным людям эпохи Ренессанса.

Но, поскольку желаемого ответа получить не удастся, Ремолинес тоже обращается к пытке. И она снова дает результаты. Монах, физически уже превратившийся в развалину, психически тоже доведен до полного крушения. В эти дни он признается во всем, что от него хотят услышать. Левая рука его сломана еще в ходе предыдущих пыток, поэтому Савонаролу подвешивают за кисть правой. При этом монах должен быть благодарен за «дольчеццу» — «щадающий» метод пыток, применяемый флорентийцами. Так уж ему выпало. Эмиссар может быть доволен: Савонарола признается в организации политического заговора против папского престола, признает и теологические заблуждения. Поэтому нетрудно уличить монаха во всех мыслимых грехах — как в церковно-теоретических, так и в отступлениях от веры — церковно-политических.

Так и происходит. 22 мая после окончания допросов в торжественной обстановке собирается заключительное заседание. Присутствующие на нем представители папы и члены флорентийского суда совместно произносят приговор, давно уже ни для кого не являющийся тайной: монаха и двух других узников предать смертной казни. Хотя некоторые эксперты готовы признать, что, несмотря на добросовестные поиски истины, все же нет неопровержимых доказательств такой вины, которая заслуживала бы смертного приговора, развитие событий зашло столь далеко, что альтернативы быть уже не может. Взрыв ненависти в Вербное воскресенье и последующие эксцессы давно загнали всех участников в угол: оттуда им и в последующие, более спокойные дни уже не выбраться, не «потеряв лица» и не подвергнув себя серьезнейшему политическому риску. Теперь уже не играет решающей роли, что признания явно сфабрикованы, что торжествует мнимая святость, что нотариус Чекконе сделал все, чтобы представить в ложном свете побудительные мотивы дея-

тельности Савонаролы, что в самих, пусть противоречивых, показаниях монаха есть определенная доля правды, как это подтверждается современными исследованиями. Теперь решающим было внешнеполитическое положение города-государства, которое из-за угрожающего внутреннего положения Флоренции могло только ухудшаться. Это заставило прийти к единодушному выводу: следует предпринять все, чтобы пожертвовать жизнью одного ради блага сообщества и, следуя правилу древних римлян, предупредить ущерб, который может быть нанесен коммунальным интересам. Оправдалось ли подобное ожидание, с самого начала осталось неясным. С точки зрения текущего политического момента немедленная смерть монаха казалась весьма целесообразной. Сам папа, настроенный в те дни по государственными соображениям «миловать, а не карать», так как хотел заручиться на будущее поддержкой с различных сторон, уже дал согласие на казнь. Руководствовались тем соображением, что на всех трех уровнях этого средневекового спектакля удалось добиться успеха. Гармония построенной конструкции, хоть и ненадолго, была обеспечена. Все свидетельствовало о том, что победили сторонники «уравновешенной» линии.

МИЛОСТИ СО ВСЕХ СТОРОН

Довольно бурную жизнь прожил фра Джироламо Савонарола, который, измученный пытками, признавшийся в преступлениях, в камере ждет провозглашения и исполнения смертного приговора. В свои последние дни монах подводит итоги прожитого, сосредоточиваясь на главном, беспощадно сокращая программу былых намерений, упрощая свое учение безжалостнейшим образом. До окончательного крушения дела жизни остался один шаг. Отчаяние охватывает Савонаролу. Смирившемуся монаху оно столь же близко, как и всем гордецам того времени, которые тщетно добивались осуществления поставленных целей.

Напрашивается естественный вопрос: принадлежал ли Савонарола к числу тех, кто, потерпев крушение, будучи подвергнут осмеянию и издевкам за нереалистичский подход к жизни, все же умели внушать страх власть имущим? Ибо у этих последних всегда были плохие отношения с «пустыми мечтателями», с теми, кто умел мыслить

и чувствовать, кто жил верой в новые, иные, казавшиеся недостижимыми, цели. Но если бы жизнь, мышление и чувства этих людей, которые на своем веку и долго еще после смерти считались мечтателями, действительно были безобидными сновидениями, не было бы причин преследовать их и рано или поздно расправляться с ними.

Власти отлично понимали это. И во Флоренции вскоре поймут правоту безумцев. Пока же флорентийские граждане думают иначе. Внутренняя «гармоничность», подогнанность во всех деталях и соразмерность приговора от 22 мая 1498 г. по делу Савонаролы и двух других монахов, достигнутые нелегкой ценой, вызывают настроение, которое можно назвать чуть ли не радостным.

Все участники процесса не только примиряются с неизбежным, более того, можно сказать, что возникает редкая атмосфера милосердия, мягкости и предупредительности, на несколько градусов теплее, чем просто снисхождения, напускного покровительства, мнимой приветливости и благосклонности к поверженному монаху. Даже спустя почти четыреста восемьдесят лет после описываемых событий трудно отделаться от впечатления, что вот теперь, когда зловерный нарыв проткнут и содержимое его выпущено, все хотят выразить свое благожелательное отношение к больному.

Правда, никто и сейчас не проявляет готовности пойти так далеко и отказаться от приведения приговора в исполнение или отсрочить его на неопределенное время (как это всерьез было предложено в последнюю минуту), чтобы дать возможность Савонароле по крайней мере как писателю-теологу трудиться ради приумножения хвалы господу богу и будущей славы Флоренции. Но симпатии к узнику проявляются с той стороны, откуда, казалось бы, ожидать их прежде не приходилось: у монаха появляются сторонники в семьях городских патрициев. Некоторые из них скорбят о судьбе Франческо Валори и не хотят ее повторения Савонаролой — ведь не исключено, что им в один прекрасный день придется снова воспользоваться в своих интересах способностями неистового проповедника. Таковые, однако, остаются в меньшинстве. Для основной массы флорентийцев подобные настроения — не что иное, как попытки немногочисленной группы сограждан использовать монаха, чтобы обходным путем

восстановить свое влияние в обществе в ущерб большинству.

Последние часы самого монаха проникнуты тем внутренним настроением, которое было характерно для времени его работы в тюремной камере над псалмом «Мизерере». Беседу между Скорбью и Надеждой, фигурами, помещенными автором в рукопись, которая вскоре разойдется большими тиражами и будет переведена на иностранные языки, нетрудно охарактеризовать как духовный диалог с самим собой. Несмотря на века, отделяющие нас от времени создания этого произведения, из него можно заключить, как монах судит сам себя и судьбу, которой он смело бросил вызов. Не раз он взывает к богу и дьяволу. Но не о жалобах на церковь идет речь, а ни много ни мало о личном опыте познания истинности веры, о том, что в конце концов милосердный господь возьмет верх над сатаной. Леопольд фон Ранке справедливо считает размышления приговоренного к смерти «страхом, коренящимся в традициях церкви», и указывает, что духовные страдания монаха усугублялись сомнениями, действительно ли была божья воля на то, чтобы использовать до конца такое оружие господне, каким был он сам, Савонарола. Густав Фрайтаг довольно верно намечает принципы подхода к этому кругу духовных проблем, когда пишет: «Тот, кто избран судьбой для великих дел преобразования, разбивает вдребезги часть своей собственной жизни. Чем добросовестней такой избранник, тем глубже ощущает он естественным своим рану, наносимую его рукой существующему в мире порядку вещей. Это — тайная боль, даже раскаяние поборника всякой великой исторической идеи».

Считать ли описываемое состояние духа фра Савонаролы просто «тяжелой депрессией» — вопрос остается открытым. Мартин Лютер постоянно страдал от подобных депрессий и сам признавал это. Савонарола же трактует это состояние, например, в своих защитительных рукописях по поводу пророческого дара, о которых мы слышали, прямо-таки с научной беспристрастностью. Создается впечатление, что для него это проблема теологической анатомии, а не боль собственного сердца. К тому же депрессия все больше становилась общим признаком эпохи, над которой довлел духовный омут, служивший предметом изучения для людей искусства и других толкователей

своего времени. Мартин Лютер чувствовал себя окруженным целой стеной «агоний», по этому поводу были произнесены его слова, ставшие летучими: «Монахом делает отчаяние». Савонарола же, которого так охотно изображают в мрачном свете, жил значительно спокойнее, тише и уединеннее. Мысли о бренности не столь уж занимали его ум.

Только в самые последние дни жизни появляются некоторые признаки агонии. Но и тут речь может идти скорее о душевном срыве, о том, что описано в житиях святых как состояние, когда господь хочет лишить разума и полностью отказывает в своих милостях. Многие указывают на то, что Савонарола находится именно в таком состоянии. Если человек в разладе с самим собой, если возникает ситуация, которую мы обозначили выше как борьбу «рая и ада», то именно такое объяснение здесь уместнее всего. Ведь однажды на Голгофе в предчувствии смертного часа человек, громко стелая, тоже вопрошал, не покинул ли его, избранника божьего, господь в последний час. Судя по всему, монаха в камере его флорентийской тюрьмы посещают такие же мысли. Ибо бог, с которым он всегда связывал свои надежды, не только не приходит на выручку, но хранит молчание и делает вид, что ничего не видит и не слышит.

Кстати, спустя день после того, как огонь костра сожжет бранные останки Савонаролы, найдутся люди, которые все будут ждать вмешательства господня, даже молить о нем, и будут так же разочарованы, как их предки тогда на Голгофе. Ведь этот бог, если он есть на самом деле, даже не шелохнулся, чтобы продемонстрировать немедленную победу добра над злом. Ему не пришлось в голову мобилизовать для спасения невинного хотя бы одного из несчетного количества ангелов, наличие которых приписали ему когда-то верующие. Только огонь костра возьмет Савонаролу под свою защиту и освободит монаха от его надежд, а его поклонников — от утопий.

Что еще остается до казни, так это только незначительные формальности. Трех приговоренных к смерти готовят к этому событию спокойно и размеренно. Приготовления к неизбежному осуществляются не спеша, с соблюдением всех необходимых в таких случаях ритуальных обычаев. Снова поражает та спокойная обыденность, с которой во всех странах и во все времена готовили обреченных на смерть по приговору суда, имеющему силу

закона. Только те, кого по тем или иным причинам уничтожали быстро и безжалостно, оказывались в последние часы своего земного существования избавленными от филантропической опеки остающихся в живых. И хотя число убиенных без юридически узаконенного приговора измеряется с начала нашего столетия сотнями тысяч, это обстоятельство ничего не меняет в существе проблемы. Совсем иначе обстояло дело во все времена с теми, кого ожидала казнь в соответствии с буквой закона. Они должны были умереть по всем правилам. Именно здесь все совершалось с соблюдением скрупулезной отчетности, с выполнением всех предписаний. Именно здесь приговоренному к смерти в соответствии с правилами «хорошего тона» позволялось даже высказать «последнее желание», словно люди, лишаящие его жизни, могли как-то этим искупить свою вину. Именно здесь издавна был заведен обычай: узнику, обреченному на смерть, давать «обед палача» — трапезу более щедрую, чем обычная тюремная пища. Для исполнения смертного приговора имелись состоящие на государственной службе и получающие соответствующее вознаграждение люди. Казнь производилась в присутствии лиц согласно протоколу, определенному законом, в том числе начальников тюрем и адвокатов, осуществление этого акта строго регламентировано. Именно так правосудие, что бы ни понималось под этим словом, торжествует свою победу над человеком. Таким путем, который палачи охотно называют «законом», человека казнят в полном соответствии с порядком, служители которого способны только на то, чтобы преподнести богу на серебряном блюде сообщение о скрупулезно соблюденных нормах.

Фра Доменико, казненный именно таким законным путем, получает право написать слова прощания своим друзьям в Фьезоле. Его последняя просьба — к друзьям Савонаролы, которые могут изъять, собрать рукописи приора, переплести и хранить в библиотеке монастыря. Такова «последняя воля» фра Доменико. Удастся ли выполнить ее в суматохе тех дней, которые последовали за казнью, — это иной вопрос, поскольку синьория начинает настоящую «административную охоту» за собирателями реликвий. Но сейчас, пока приговоренные к смерти еще не преданы сожжению, с их желаниями считаются, и предписанное законом милосердие проявляется сполна. Согласно древ-

нему обычаю, накануне казни узников освобождают от оков. Предполагается, что никто из них не предпримет попытки освободиться. Приговоренные к смерти, по-видимому, примирились со своей участью. Они исповедуются перед тремя монахами-бенедиктинцами, приглашенными из соседнего монастыря Бадиа.

И вот последнее посещение несчастных. Во Флоренции с некоторых пор подвизается монашеское братство, члены которого поставили себе целью в последнюю ночь перед исполнением приговора быть с осужденным на смертную казнь. Некий гражданин по имени Никколини, согласно этому обычаю, находится у Савонаролы; эпизод действительно трогательный, если принять во внимание, что профессионального проповедника смерти, изложившего свои взгляды в рукописи «Искусство умирать», утешает, так сказать, непрофессионал. Уж наверное Савонарола разбирался в этих проблемах лучше, недаром он так много внимания уделял «Триумфу смерти», насколько мы можем судить по свидетельству современных ему поэтов. В 1511 г. Пьеро ди Козимо, художник, наделенный особо изощренной фантазией, создает свою «Колесницу смерти» — произведение настолько впечатляющее, что о нем сообщает сам Джорджо Вазари. Не ошибемся, если скажем, что в произведении Козимо нашли отражение проповеди, прочитанные в свое время Савонаролой с целью довести до своих слушателей ужасы вечного проклятия. Словом, Джироламо Савонарола, большой специалист в делах смерти, накануне собственной кончины, когда дело касается претворения теории в практику, был, очевидно, рад иметь рядом с собой простого человека, с которым можно поговорить. К тому же обращение Никколини к синьории с просьбой разрешить посещение осужденного повлечет за собой еще одно последствие: монаху разрешают последнюю беседу с двумя другими приговоренными к смерти вместе с ним. Он использует эту возможность для того, чтобы убедить Доменико окончательно отказаться от желания подвергнуться сожжению заживо.

Когда Савонаролу после посещения им Доменико снова отводят в его камеру, Никколини проводит с узником весь остаток ночи. Не без удивления он расскажет потом, что монах уснул и спал спокойно и даже несколько раз смеялся во сне. На следующее утро Савонарола высказал ему последнее пророчество относительно будущего города

Флоренции, которое действительно сбылось. Затем осужденных отвели в часовню дворца Синьории, где они присутствовали на богослужении и причастились. Монаху даже разрешили взять в руки гостию. В соответствии с обычаями того времени он во всеуслышание попросил прощения у города и у всех присутствующих. Благодаря одному из них, записавшему высказывания Савонаролы, нам известно их содержание. После окончания богослужения толпы горожан выстраиваются шпалерами, чтобы проводить трех осужденных монахов к месту казни. Все это происходит в среду 23 мая 1498 г.

Когда трое приговоренных к смерти спускаются по лестнице дворца, навстречу им выходят двое монахов — братьев монастыря Санта Мария Новелла, чтобы по приказу генерала ордена Торриани снять с них орденское одеяние, запятнанное их еретичеством. В этих делах тоже должен быть порядок. Братья из дворцового монастыря «умеренных» обращаются при этом с Савонаролой так грубо, что он громко кричит от боли. Сутана его давно пропитана кровью, открываются раны, полученные во время пыток. Савонароле, сорокашестилетнему члену ордена, приходится распрощаться с одеждой, которой монах пользовался так долго, полагая, что носит ее с честью. Босиком, нагота его едва прикрыта тряпками, монах вступает на площадь перед дворцом Синьории, где еще недавно происходило испытание фра Доменико огнем. Но предстоящее испытание огнем — это нечто совсем иное, от него грешному на этот раз не отвертеться.

То, что должно свершиться, — последнее из знаменитых аутодафе еретиков XV в., людей примерно одного склада: начало положил Ян Гус в Констанце в 1415 г., затем последовала казнь Жанны д'Арк в 1431 г. в Руане, и, наконец, Джироламо Савонарола фигурирует последним в плеяде мучеников, ставших жертвами произвола церкви, из которых с тех пор только одна Орлеанская дева была оправдана, кстати, рескриптом папы Каликста III, Борджа. Что касается еретиков, то их продолжали сжигать и в последующие столетия. Эти костры получили впоследствии название аутодафе, «акты веры», что было страшным и постыдным извращением учения Иисуса из Назарета и не имело ничего общего с тем, что вкладывал в понятие «вера» Джироламо Савонарола.

Но слово теперь не за монахом, теперь говорят другие. Однако вновь возникает заминка. Снова формализм церковного закона вступает в свои жалкие права. Внезапно оказываются затронутыми основные положения определенного представления о «церкви».

Довольно бессмысленно указывать в этой связи на то, что давний конфликт между социально противостоящими друг другу в рамках римско-католической церкви группами «клириков» и «мирян» с некоторого времени считается улаженным, ибо клир и в этом столкновении остался победителем. Его духовное оружие во времена, когда еще верили в «ад» и «рай», оказалось сильнее.

«Клирики» навязали «мирянам» указанное различие и одновременно вырвали себе все возможные привилегии, чтобы получать более высокое вознаграждение за оказываемые верующим услуги. И поскольку итоги этой неравной борьбы получили также теологическое обоснование, всем, кто присутствовал при казни, состоявшейся 23 мая 1498 г. во Флоренции, не оставалось ничего иного, как хотя бы формально признать изначальный порядок вещей, чтобы избежать возможных осложнений между светской и духовной властью. Хотя церковь и «освятила» вынесение смертного приговора одному из своих представителей, но приведение в исполнение этого кровавого судебного решения великодушно предоставила городским властям — метод, оказавшийся весьма перспективным в будущем.

Вместе с тем было бы тяжким нарушением юридических привилегий церкви, если бы «миряне» вдруг вздумали казнить законно осужденных «клириков», ибо «клирик» есть «клирик», и никто из «мирян», кто бы он ни был, над ним не властен. Да и давно ли состоялось хождение в Канносу? Чтобы разрешить эту само собой возникшую дилемму, которая, как и многие другие церковные неврозы, не возникла бы, если бы в свое время не произошло разделения церкви на два противоположных класса, чего Иисус из Назарета не мог предположить, осужденные «клирики» должны были быть низведены до статуса «мирян». Так это и произошло во Флоренции. Никому не удалось облечь подобную логику в одежды только того времени, ибо она осталась законсервированной в своем первоизданном состоянии по сей день. Былое разделение остается в силе: действует своего рода классовое право, и по-прежнему в качестве меры наказания «клириков» низ-

водят до состояния «мирян». Традиция побеждает по всему фронту, коль скоро она может опереться на логику давно минувших времен. Савонаролу и обоих его собратьев, как несколько десятилетий назад в Констанцском кафедральном соборе священника Яна Гуса, лишают в процессе двухчасовой церемонии принадлежностей их сана. И сегодняшнему наблюдателю этой сцены нелегко избавиться от ощущения, что ее подробности напоминают магические представления и действия. Слишком скрупулезно выполняется во Флоренции это церковное «зрелище», обратное обряду посвящения. При этом тщательно следуют старому принципу, что все может исчезнуть так же легко, как в свое время возникло. Поэтому на площади Синьории ритуал «деградации» — лишения духовного сана — происходил постепенно, согласно тому, как осуществлялись действия по возведению в сан, только в обратном порядке. Это означает, что одежды и аксессуары, соответствующие степеням посвящения, постепенно, с употреблением предписанных формул, отбираются у осужденных предмет за предметом.

Итак, троих монахов облачают сначала в одеяния соответственно их былому церковному сану на глазах у толпы, которая, как нетрудно себе представить, взирает на это редкое зрелище, которое случается не каждый день, с напряженным вниманием. В своем усердии церковнослужители, осуществляющие процедуру, превосходят самих себя. Монахи же, на которых возлагают священные одежды, производят впечатление священников, вот-вот готовых начать литургию. Но их тут же ведут к помосту, где занимают места высшие представители клира, и специально назначенный для этого епископ Бенедетто Паганотти, сам являющийся доминиканцем и даже бывшим послушником монастыря Сан-Марко, срывает с них покровы и знаки церковного сана. Поскольку же его большой и указательный пальцы окроплены священной водой из чаши, в которую он опускает руку, ему надлежит сбрасывать с этих пальцев капельки воды специальным ножом — эта процедура тоже имеет определенное магическое значение. Осужденные монахи терпеливо выносят всю эту процедуру, Савонарола даже время от времени делает замечания, если ему что-то кажется неправильным и не соответствующим предписаниям ритуала. В мелочах Савонарола подчиняется закону и всем его детальным предписаниям. В конце концов все внешние признаки принадлежности к священ-

ному сану с обреченных на смерть удалены, им наголо сбривают волосы вокруг тонзур, что окончательно низводит их до положения «преступивших закон грешников». Ничто не напоминает больше об их былом посвящении, о принадлежности к клерикальному сословию. Изгнание из него совершено. Только теперь «миряне» имеют право исполнить над осужденными приговор как над людьми, равными им по положению. На этом милости клира исчерпываются.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Тем временем совершенно беззащитный Джироламо Савонарола выставлен на обозрение толпы. Сейчас, когда осужденный почти обнажен, его физические недостатки видны еще явственнее, и это не особенно приятное зрелище для тех, кто обращает внимание на подобные вещи. Кто бы поверил, что этот измученный человечек, проведенный через всю Флоренцию, и есть известный всей Италии нищий монах-проповедник? Конечно, его противник в Риме, Александр VI, солидный, плотный мужчина, выглядит куда внушительнее. Внешность Савонаролы нельзя назвать привлекательной. Дошедшие до наших дней изображения монаха подтверждают этот вывод. И поскольку сохранились лишь портреты на памятных медалях того времени и профильный портрет Бартоломео делла Порта, мы можем судить о том, как он выглядел, лишь по профилю, да и то только с левой стороны. Рисунки более поздней эпохи, которые обнаруживаются время от времени, — это лишь стилизованные или выдуманные портреты. Такие, как, например, гравюра на дереве Лукаса Цейсенмайра в немецком переводе книги Савонаролы о страстях Христовых, вышедшей в Аугсбурге в 1499 г., или фрагмент из известного рафаэлевского «Диспута о причастии»⁶⁰, находящегося в Палате подписей Ватиканского дворца. Историки искусства считают, что на этой фреске, созданной художником в 1509 г. по поручению папы Юлия II, непримиримого врага Родриго Борджа, на заднем плане в правом углу изображен Савонарола. В столь характерном для него капюшоне, который мы видим на остальных его портретных изображениях, монах находится вблизи от великолепного Сикста IV, противника Медичи, и Данте, увенчанного лаврами, — другого великого флорентийца. Рафа-

эль, находясь между 1504 и 1508 гг. во время создания этой фрески во Флоренции, был близок к фра Бартоломео. И, судя по всему, получил от него описание внешности Савонаролы. Если это так, то художник рискнул написать портрет только что казненного еретика, да еще на фреске, которая должна была аллегорически представить папе Сиксту IV, такому же представителю семейства делла Ровере, как и правивший папа Юлий II, сколь прекрасным и проработанным до мельчайших деталей является в глазах всего мира иерархическое здание католической церкви. Ибо никакого диспута в произведении Рафаэля нет и в помине. Скорее с болезненной грацией художник изобразил все догматически и упорядоченно. Но для чего понадобился Рафаэлю еретик и бунтовщик? Его портрет по-прежнему остается загадкой и может быть объяснен либо личной симпатией мастера к этому человеку, либо историческими реминисценциями Рафаэля.

Яснее отношение Микеланджело Буонарроти к флорентийскому проповеднику покаяния. Этот художник знал его лично и, как считают некоторые эксперты, увековечил Савонаролу в сцене «Страшного суда» — эта фреска находится в Сикстинской капелле в Ватикане. Может быть, замысел этого произведения вообще был навеян проповедями монаха; как считают некоторые итальянские специалисты, Джироламо Савонарола изображен в левом нижнем углу фрески, в группе тех, кто готовится к воскресению из мертвых. Как бы то ни было, даже это великолепное произведение искусства не дает нам точного ответа на вопрос о том, как выглядел неистовый монах, — и мы вынуждены ограничиться ссылкой на ранее упомянутые изображения. Они же лишь отчасти позволяют представить себе лицо Савонаролы в переходе от профильного медального изображения к полупрофилю, от бюста к изображению вполоборота. Словом, все попытки обрисовать внешность монаха основаны на изучении его профиля. Памятные медали, отчасти поступившие в обращение довольно скоро после гибели Савонаролы, сохранили четко очерченные и потому довольно легко воспроизводимые черты. Художники, занимавшиеся изготовлением моделей для чеканки медалей — Джованни делла Корниоле, пизанец, осевший во Флоренции, и Амброджо делла Роббиа, монах из обители Сан-Марко. Они изобразили Савонаролу в капюшоне, характерном для монашеского одеяния. Бросают

ся в глаза высокий лоб, орлиный нос и сильно выдающаяся нижняя губа. Лицо свидетельствует об аскетизме монаха и фанатизме человека сильной воли. Этот портрет, всегда дававший пищу для психологического толкования образа Савонаролы, совпадает с портретом, написанным масляными красками, который находится в монастыре Сан-Марко и принадлежит кисти делла Порта. Последний был известен как давний сторонник монаха, до конца сохранивший верность ему.

Баччо делла Порта сам вступил в орден доминиканцев под именем фра Бартоломео — свидетельство глубокого почтения к личности погибшего монаха, которого он в названии картины увековечил как «ниспосланного богом пророка». Еще один портрет дает даже более радикальное толкование образа. На нем Савонарола изображен в виде святого Петра-мученика с зияющей раной на голове и ореолом божественной святости вокруг чела.

Но это еще не все. Вряд ли кто захотел бы поменяться местами с подвергнутому всем мыслимым и немыслимым унижениям человеком в тот памятный день 23 мая 1498 г., когда он стоял на площади Синьории и впервые увидел, какая ему предстоит смерть: посреди площади был установлен высокий столб с перекладиной — виселица, на которой должны были быть повешены трое монахов. Впоследствии будут рассказывать, что она имела форму креста — явный повод к возникновению легенды, в которой проводились параллели с событиями на Голгофе близ Иерусалима. Реальностью, напротив, было то, что троих грешников решили не сжигать заживо; им предстояло быть повешенными, а потом уж тела надлежало предать огню — такова была последняя милость по отношению к осужденным. С перекладины свисали три веревочные петли и цепи, на которых предстояло висеть телам после удушения. К подножию виселицы простой народ и, как потом утверждали, бывшие приверженцы Савонаролы натаскали сухих дров, хвороста, полили их маслом и посыпали порохом: лишняя гарантия того, что осужденные не останутся в живых после петли и огненного чистилища.

Около часа дня приговоренные к смерти предстали перед папскими эмиссарами которые вновь зачитали им их признания и объявили виновными в ереси, проповеди лжеучений и оскорблении папского престола. Франческо Ремолинес добавил к сему, что папа соизволил отпустить

грехи всем троим, что спасало осужденных от геены огненной, но не от земного костра во Флоренции. Церковь и здесь проявила последовательность, и все трое приняли последнее проявление милосердия святого клира. Потом их передали в руки светской власти и вывели на помост, где находился суд в полном составе, включая протоколиста Пьеро Паренти, записи которого повествуют о том, как проходила казнь. Нотариус Чекконе скрепил своей подписью текст приговора, который надлежало незамедлительно привести в исполнение. От трибуны, на которой заняли места представители знати, к виселице вели своего рода деревянные мостки, которые отдельные фанатики утыкали гвоздями, иголками и другими острыми предметами, чтобы сделать последний путь приговоренных к смерти еще более мучительным. Савонарола попросил, чтобы всем троим оставили набедренные повязки — единственный предмет одежды, который еще оставался на их теле и был последней защитой от ветра и нескромных взглядов толпы. Но и в этой просьбе им было отказано.

Фра Сильвестро повели на виселицу первым. Но узел петли, накинутой ему на шею палачом, оказался плохо завязанным, и он умер не сразу. Такая проволочка доставила живое удовольствие глазевшей толпе. Затем к другому концу виселицы подвели фра Доменико. Он умер спокойно, к большому удивлению собравшихся. В то время народ рассматривал казни как своего рода спектакли, которые должны были устраиваться для него властями как нечто должное с их стороны. На зрелище выезжали всей семьей, с малыми детьми и большими запасами еды. Насмешки и издевательства по адресу осужденных составляли неотъемлемую часть ритуала этих спектаклей. Толпа внимательно следила за мучениями осужденных, принимала или критиковала поведение несчастных, словно дело происходило в Древнем Риме на бое гладиаторов. Не удивительно, что различные хроники донесли до нашего времени немало свидетельств о последних минутах приговоренных к смерти: например, Иеронима Пражского, казненного вслед за Яном Гусом. Гуманист и папский секретарь Поджо вечером того дня, когда состоялась казнь, поведал о ней в письме ⁶¹ итальянскому другу и, используя всю свою ученость, постарался по примеру древних живописать мужественную смерть еретика ⁶¹. Иероним Пражский был сожжен 23 мая 1416 г., ровно день в день за 14 лет до пленения

Жанны д'Арк и за 82 года до казни Савонаролы. О спокойной и сдержанной кончине этих людей имеются аналогичные показания летописцев.

Место в центре виселицы, которое можно было бы назвать почетным, все еще остается незанятым. Оно зарезервировано для фра Джироламо, главного зачинщика. Его смерть ожидается как коронный номер сегодняшнего спектакля. И все разочарованы, когда Савонарола умирает, не сказав ни единого слова — как того ждали от него в духе тогдашней эпохи и для вящего удовлетворения летописцев. Крики, что осужденный хотя бы сейчас должен сотворить какое-нибудь чудо, замолкли. Только когда палач поджигает под повешенным хворост и дрова и порыв ветра раздувает пламя, толпа раздражается криком. Безмолвная смерть осужденных не произвела на нее сколько-нибудь сильного впечатления, спектакль оказался довольно скучным и не стоил тех усилий, которые были затрачены на то, чтобы добраться до места казни и занять подходящее место. Но и последнее удовлетворение, чудо сожжения грешников, разочаровывает собравшихся. Их гнев обращается против сжигаемых на костре. Град камней обрушивается на их тела. Между тем огонь сжигает веревки и трупы падают в костер. Наконец-то летописцы получают хоть какой-то материал для своих записей.

Только около трех часов пополудни толпа расходится. Люди с раннего утра были на ногах, но испытывают скорее скуку, чем голод. Синьория отдает приказ убрать виселицу и останки казненных. Чтобы избежать каких-либо инцидентов со стороны приверженцев Савонаролы и его последователей, отдается приказ: сжечь оставшиеся кости до пепла и тщательно собрать его. С Понтовекию его потом бросили в реку Арно. Точно так же поступили в 1415 г. с останками Яна Гуса. Раскрашенная гравюра на дереве, хранящаяся в Венском государственном архиве, запечатлела этот акт. Подпись под ней лапидарна: «Здесь пепел Гуса после его сожжения и остатки его костей были брошены в Рейн...» (из хроники церковного собора Ульриха Рихенталя в 1482 г.). С останками Уиклифа поступили точно так же. По распоряжению Констанцкого собора могилу этого закоренелого еретика, уже 30 лет покойшегося в земле, раскопали, кости сожгли, а пепел бросили в воду. Правда, это решение поначалу не выполнили, но в конце концов по распоряжению папы его пришлось

осуществить. В XVII в. летописец сообщил, что ручей принял пепел подвергшегося посмертному гонению, унес его в реку, река — в океан, а волны океана разнесли его по всему известному в то время миру, способствуя тем самым распространению учения покойного. Видимо, впадающая в Средиземное море Арно, в которую был брошен пепел Савонаролы, поступила точно так же. Савонарола продолжает жить в своем учении.

Мысль собрать все реликвии возникает в первые дни после казни. Но только спустя немного времени Катерина да Риччи, благородная флорентийская дама, впоследствии канонизированная церковью, собрала все сохранившиеся к тому времени изображения, рукописи и вещи Савонаролы и превратила монастырь св. Винченцо, настоятельницей которого была, в небольшой музей в честь казненного. Кстати, это обстоятельство сыграло негативную роль, когда зашла речь о причислении Катерины к лику святых, ибо в последующей истории римской католической церкви отнюдь не могло считаться добродетелью и качеством, способствующим канонизации, такое почитание Савонаролы, казненного с согласия той же самой церкви. Но не удивительно, что наследие Савонаролы не умерло вместе с ним 23 мая 1498 г. Напротив, его смерть сразу же привела в движение умы и посеяла еще более непримиримую вражду между партиями, которые еще до исполнения приговора стремились извлечь из нее пользу в своих интересах.

Но сначала оба римских эмиссара отправляются в монастырь Сан-Марко к епископу Паганотти, который лично производил расстрижение монахов. Генерал ордена читает в это время (был вечер того дня, когда состоялась казнь) лежащему у его ног монаху распоряжения папы, предусматривающие, среди прочего, прощение всем братьям только что казненных монахов. Вскоре и церковь монастыря, запятнавшая себя во время событий Вербного воскресенья, получает прощение. Конгрегация же монастыря Сан-Марко распускается и переходит в подчинение конгрегации Тосканы, проявляющей меньшую приверженность идеям «реформы». Савонарола в свое время успешно боролся против подобного слияния. В городе же эмиссары приказывают каждому, кто имеет рукописи или иные вещи, принадлежавшие казненным монахам, под угрозой церковного проклятия сдать их. Но это мероприятие победителей не увенчивается успехом. Его просто-напросто

никто не выполняет, невзирая на угрозу церковного отлучения. Не проходит и нескольких дней, как во Флоренции можно приобрести все, что напоминает о Савонароле.

Складывается впечатление, что казнь монаха не повлекла за собой особых последствий. Во Флоренции и других городах-государствах полуострова жизнь идет своим обычным ходом. Острота межпартийных противоречий не сгладилась, беспокойство граждан продолжает нарастать. Казнь Савонаролы едва ли оказала существенное влияние на политическую обстановку в городе. Флоренция остается верной союзу с Францией и сохраняет свою конституцию. Только Большой совет доставляет проблемы горожанам, поэтому проводится его реформа. В конце концов привилегированные слои добиваются провозглашения пожизненного регентства. На эту должность назначают Пьеро Содерини, бывшего сторонника Савонаролы. Он проводит более «демократическую» политику, чем хотелось бы правящей городской верхушке, и дело кончается тем, что одержавшие победу испанцы мстят Флоренции за ее дружбу с Францией и в 1512 г. вновь провозглашают Медичи главой городского самоуправления. Между тем в Риме папой избирается тоже Медичи — Лев X, и Флоренция все больше и больше становится придатком церковного государства. Когда же на папство по политическим причинам обрушивается катастрофа в правление еще одного Медичи, Клементя VII, семейство Медичи еще раз терпит поражение и во Флоренции. Но в 1531 г. Карл V вновь назначает представителя этой семьи Александра главой города. Тем самым с реформами Савонаролы покончено раз и навсегда. Сильный человек руководит флорентийскими республиканскими свободами, держа бразды правления твердой рукой. Лишь много лет спустя флорентийцы вновь вспомнят традиции Савонаролы: в XIX в. начинается возрождение культа Савонаролы и его собратьев-приверженцев, о котором шла речь выше. Но тогда, в 1498 г., этого нельзя было предугадать. Во всяком случае, смерть Савонаролы лишь на время прервала привычный ход внутригородских распрей, не более. И опять этот монах оказался человеком, который «портит игру»: его гибель не примирила партии, действовавшие во Флоренции.

НО ТЕ, КТО СТОЯЛИ ВОКРУГ.

Время от времени с помощью психиатрии пытаются объяснить непонятную склонность флорентийцев к «экстазу», к тому, чтобы «выходить из себя», — склонность, явно прослеживаемую и у Савонаролы. Но подобные объяснения, сколь бы учеными они ни выглядели, не могут истолковать феномен этого человека. Гений — даже в такой области, как религия, — всегда выходит за рамки существующей общественной и государственной системы. Подобное явление не поддается регламентации и подавно уж не может быть проанализировано спустя века по источникам из вторых рук с систематизацией и «разложением по полочкам». Трудно найти гениального человека — в любой области, не только в теологии, — который не обладал бы чертами, стоящими на грани «нормальных». Как бы ни объяснялось это явление, хорошо знакомое всем биографам, назвать его ненормальным нельзя. Оценка гениев может меняться, а «люди экстаза», «радикалы», «психопаты» отчасти оказываются «реабилитированными» впоследствии легендами об их святости, отчасти же остаются в памяти поколений как «помешанные», «одержимые». Но бесспорно, что они стоят на грани между гениальностью и безумием, между даром прорицания и тщеславным самовозвеличением. Изучать эту тайну не заказано никому, но поиски в области одной лишь невропатологии были бы слишком односторонними. Они были бы всего лишь попыткой раскрыть секрет гения и, в общем-то, повторяют по-своему поиски истины, которые тщетно предпринимались церковниками и представителями правосудия с помощью пыток в пасхальные дни 1498 г.

Наверное, не остается ничего другого, как приблизиться к толкованию проблемы, предлагаемому автором картины, которая сохранилась до нашего времени, по-видимому, в копии, — это произведение принадлежит кисти неизвестного художника XVI в. Картина изображает в довольно свободной манере казнь Савонаролы и двух его сподвижников. Если следовать логике автора и заглянуть в глубь картины, то прежде всего обращаешь внимание на то, что природный ландшафт, противостоящий доминирующим в картине квадратурам — застывшим кубам домов и призмам башен, всему этому нагромождению архитектурных геометрических фигур, между которыми вкраплены на об-

ширном пространстве композиции небольшие скопления людей, только едва намечен и построен прямо-таки бездушно. Группы деревьев на заднем плане как-то стыдливо жмутся друг к другу, они не растут врозь, а расположены по два, по три вместе. Передний план совершенно лишен какой-либо растительности. Словом, «ландшафт» не располагает к сентиментальности и тем более не отражает экстатического настроения; он являет собой нечто незавершенное, противостоящее геометрическим построениям. Таков фон картины: с помощью «геометрии», теоретических расчетов государство не построишь.

Совсем по-иному написан город. Открытая перспектива, которая расширяется величественными квадратами площади перед мрачным дворцом Синьории и сужается затем к центру изображаемого действия — к костру, над которым высится виселица, где казнят трех монахов. Взгляд приковывается к этой точке композиции, минуя произвольно группы зевак, довольно безучастно взвешивающих на происходящее и не обращающих внимания на помощников палача, которые усердно подкладывают в костер новые дрова. Словно шахматные фигуры на огромной, раздвигающей рамки города шахматной доске, застыли фигуры тщательно разодетых богатых флорентийцев, монахов, всадников, крестьян. Здесь представлены все слои населения, все партии Флоренции. Но на том месте «шахматной доски», где надлежало бы быть «королю», вершит господство смерть. Ее триумф, прославлявшийся гуманистом, является полным и непререкаемым в этот момент сведения счетов. И этапы на пути к торжеству смерти, пройденные Савонаролой, — приговор, отлучение, расстрижение из монахов — все это тоже присутствует в картине. А фигуры двух ангелов, держащих ленту с надписью в верхней части полотна, символизируют, что в изображаемой драме участвуют и другие силы, о которых мы уже говорили, — силы небесные и дьявольские; они тоже привлечены неизвестным художником, чтобы довести картину до полного завершения.

При всей скромности изобразительных средств, используемых художником, грандиозное впечатление производит архитектурное обрамление описываемого события. Позади ряда великолепных домов флорентийских горожан, окружающих одну из и ныне знаменитейших площадей Италии, и нескольких башен богатого города виден собор Сан-

та Мария дель Фьоре и купол Брунеллески — что тоже вполне символично для места, использованного церковью того времени в борьбе за уничтожение Савонаролы. А справа виден, как противовес собору, дворец Синьории, строгое и типично флорентийское здание с крытой галереей для стрелков, украшенной башенками, и возвышающейся над всеми строениями почти стометровой башней Арнольфо ди Камбио, а также лоджией Синьории с тремя круглыми сводами в готическо-флорентийском стиле. Художник любовно выписал на своей картине все до мельчайших деталей, флажков, украшающих башни. Он воспроизвел весьма точно даже место, где была установлена бронзовая скульптура Донателло «Юдифь и Олоферн», водруженная перед дворцом Синьории как символ республиканских свобод в борьбе против Медичи, когда Савонарола начинал свою реформу. Но автор рисует нам не только классические подробности — он хочет передать потомкам собственную интерпретацию событий. Конечно, художник гордится несравненным городом, воспроизводимым его кистью. Мартин Лютер, который захворал во Флоренции, оказавшись там проездом по пути в Рим, безмерно хвалил этот город, особенно такие его общественные учреждения, как больницы и приюты, которых и в помине не было на его бедной немецкой родине. Флорентийцы же хорошо понимали, чем располагает город, осознавали его непреходящую славу.

Но гордое любование Флоренцией не закрывает от взора художника неизмеримо более важной истины: по сравнению с тем, что происходит на большой площади, величественные здания, какими бы импозантными они ни казались, играют лишь второстепенную роль. Главное — человек, даже если он осужден и казнен как еретик — он все равно более велик. Вокруг его судьбы сгруппировано все остальное, личность — на первом плане. Ибо так, и только так, установлено божественным провидением. Нарушить этот порядок дело нелегкое и уж подавно недостижимое для горожан и чиновников, занимающих отведенные им места вокруг костра.

Если не считать пейзажа, все вместе скомпоновано как «портрет» всего города, геометрическое построение фона того события, в центре которого находится в полном соответствии с законом и установленным правопорядком личность человека по имени Савонарола. Привлекатель-

ная гармония тосканского пейзажа, напротив того, не играет здесь никакой роли. Гораздо важнее оказывается четкое построение картины, ее расчленение по правилам «disegno». Детальное описание природы только нарушило бы эту систематику, поэтому автор отказывается от него. Зато улицы и стены, фасады дворцов неизвестный мастер отлично использует для раскрытия сюжета. В их обрамлении совершается действие, они ведут в глубину перспективы и являются кулисами сцены, на которой люди играют роль, отведенную им в жизни.

Именно к этой земной роли обращаются флорентийские художники с их рациональным и страстным интересом к единичному. Не случайно именно во Флоренции все чаще божественное, «неземное» содержание произведений искусства уступает место портретам реальных людей, выполненных с большим мастерством. С начала XIV в. вырабатывается специфически флорентийский тип портрета, изображающего человека не по принципу принадлежности к знати или высшему духовенству, а исключительно руководствуясь его духовным содержанием, внутренним миром.

Савонарола, таким образом, занимает законное место среди героев, запечатленных художниками своего времени. В соответствии с тенденциями развития указанного направления в живописи они пишут его портреты и представляют своим современникам, а также последующим поколениям. Фон известного портрета Савонаролы, написанного фра Бартоломео, выдержан в темных тонах. Из темноты выступает лишь острый профиль монаха. Никакого ландшафта. И это нельзя приписать монастырским традициям или рассматривать как направление в живописи того времени. Нет, флорентийские художники всегда старались охарактеризовать героя с помощью четкой линии, передать его неповторимую индивидуальность. Все остальное, даже природа, о чем мы говорили, мешало «disegno», как называли итальянцы этот способ изображать человека, в данном случае Савонаролу. Так учила флорентийская школа живописи. Только изображение в профиль при четко отделенном заднем плане отвечало канонам флорентийских художников, наделенных даром скептического видения реалистов и психологов. Уже упоминавшиеся рельефы на памятных медалях тоже вполне соответствуют представлениям гуманистов Флоренции, бравших за образец античное искусство.

Но сколь упорядоченным и совершенным ни казался бы метод «disegno», все же следует констатировать, что флорентийские произведения искусства, выполненные в этом стиле, с их ясными и четкими контурами, лишь отчасти отвечали задаче — передать неизмеримо сложный духовный мир человека. Божествен мир разумного, но катастрофы и страх, присущие времени, остаются. Ренессанс вскоре вновь познает торжество трагического, в искусстве возрождается тема страданий человеческих.

Образ Савонаролы не передать одними прямолинейными, четкими штрихами. Все толкования, основывающиеся на профильных изображениях монаха, недостаточны для того, чтобы убедительно истолковать его «тайну». И все те, которых неизвестный художник расположил упорядоченными квадратами вокруг Савонаролы в его смертный час, долго еще будут вести дискуссии о погибшем и его деле. Трагедия с ее актерами, людьми, дает больше пищи для размышлений, чем намечено у автора. И как уже было сказано, смерть Савонаролы не решила ни одной проблемы. Напротив, кажется, дискуссия только начинает развертываться по-настоящему. Окончательный приговор о жизни и смерти Савонаролы выносить рано. Последующие столетия только подойдут к вынесению такого приговора «вечному» радикалу.

ПОЗИЦИИ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ

Первые споры возникают, как и следовало ожидать, по вопросу «виновности». И до сих пор этот вопрос остается нерешенным, сколь бы странным это ни казалось; судьи более поздних времен, в зависимости от интересов представляемых ими группировок, распределяли вину равномерно между всеми участниками драматических событий. Монахи и клерикалы, представители синьории, папские эмиссары, «народ Флоренции» — всем им по очереди история выносила свой приговор. Кажется, никто из них не избежал приговора потомков, и, конечно же, сам Джироламо Савонарола — главное действующее лицо. На покойного монаха сваливали всевозможные собственные грехи, чтобы облегчить совесть остальных участников драмы. Поскольку «козлы отпущения» всегда подвергались изгнанию, чтобы не мозолить глаза современникам, на сей раз прибегли к аналогичному приему: использовали все сред-

ства, чтобы вычеркнуть из памяти людей всякое воспоминание о неприятном инциденте и его инициаторе.

Уже в день казни во Флоренции предпринимаются попытки «перераспределить вину» и направить воспоминания о Савонароле в определенное русло. «Аггiabbiati», «разгневанные» противники фра Джироламо, сваливают ответственность за случившееся на папу Александра VI. Заявление папских эмиссаров, что Савонарола еретик, расколовший церковь, теперь отвечает интересам «сompagnassì»; Борджа был вынужден действовать в интересах сохранения внутрицерковного мира и единства церкви, а Флоренция оказала ему в этом благородном намерении лишь скромные услуги во имя добра и справедливости. Примерно так сформулировано послание синьории в адрес папской курии. Кроме того, никто не возьмется отрицать, что политическая обстановка во Флоренции способствовала смерти монаха. Слишком уж часто в эти дни заходила речь о мятеже внутри города-государства. К тому же следует учитывать постоянный страх флорентийских купцов, негоциантов и владельцев ссудных капиталов, что силы, приведенные в движение радикалом Савонаролой (идеи о верховенстве «господа бога и народа»), могут подорвать кредитоспособность торговой Флоренции в зарубежных государствах. Вероятность экономических потерь, связанных с возможным церковным интердиктом, также была достаточным поводом для страха многих дельцов, готовых принести в жертву ближнего, лишь бы не подвергнуть риску свои коммерческие интересы. И лишь немногие признаются себе и зарубежным наблюдателям, что развитие событий зашло слишком далеко, чтобы его можно было задержать со сколько-нибудь заметным успехом: «испытание огнем», штурм монастыря Сан-Марко, арест монахов, «признания» — от всего этого можно было хоть сколько-нибудь «очиститься» в конце концов только казнью. Ссылки на действия папы служили лишь благоприятным поводом, чтобы скрыть собственный страх перед назревающими катаклизмами, если вообще не освободиться от него.

Конечно, неверно и предположение, будто папа со своей стороны мог поступить иначе, если бы Савонарола был выдан ему. У Родриго Борджа было достаточно причин устранить монаха из мира церкви. Римский владыка не скрывал, что намерен покарать Савонаролу. Только когда

Людовик XII, французский король, хоть и с запозданием, потребовал у Флоренции сатисфакции, дело принимает иной оборот. Правда, к этому времени у Людовика XII возникает нужда в папских услугах из матримониально-политических соображений, так как он хочет освящения папой своего брака. Поэтому флорентийцы предпринимают попытку обелить папу и дать понять французскому монарху, который к тому времени восстановил в силе «Прагматическую санкцию»⁶³ Буржа от 1438 г. и тем самым закрепил самостоятельность галликанской церкви, что Савонарола сам виноват в своем бесславном конце. Ведь ему было нетрудно присоединиться к флорентийской правящей партии или прислушаться к мирным увещаниям из Рима. Предлагал же Александр VI Савонароле кардинальскую мантию! И может быть, этот поворот в объяснении вопроса о виновных, осуществленный противниками монаха, ближе всего к истине. «Реформа» «реформе» рознь, а кардинально противоположные взгляды на пути и средства осуществления перемен вносят еще более глубокий раскол между группами реформаторов.

Впрочем, в чем угодно можно обвинить монаха, только не в том, что он «держал нос по ветру» и действовал непоследовательно. Всю жизнь Савонарола боролся за свое главное дело — «реформу», что бы конкретно он ни вкладывал в содержание этого понятия. Поэтому для него действительно не много значило приобретение политических или религиозных рангов. Если учесть это обстоятельство, то не так уж неправы некоторые биографы фра Джироламо, считающие, что в конце концов монаха подвели его собратья-послушники, все решительнее противившиеся планам радикального обновления порядков в конгрегации Сан-Марко. Мы ведь слышали, что спор об «отказе от мирских благ», вспыхнувший в таком одержимом погоней за богатством городе, как Флоренция, послужил первым поводом для тех, к кому были обращены призывы Савонаролы, отмежеваться от своего приора. Нельзя поголовно отнести этих людей к числу «ретроградов», имевшихся во все времена, в том числе и в лоне церкви, только потому, что у них были иные представления о монашестве и осуществлении былых идеалов, нежели у их настоятеля.

Реформаторы, считающие себя «радикалами», всегда видели одну из главных задач в том, чтобы бороться с «ретроградами», их душевной леностью и косностью

представлений о догматах веры. Савонарола, как и Лютер, самую пламенную критику обрушивал на тех, кто считали себя «тоже сторонниками реформ», если добивались «хотя бы немногого» по сравнению с остальной безразличной массой. Лютеру принадлежит высказывание, которое может считаться постоянным лозунгом для радикалов всех видов. «Я считаю, что пишущие в наше время спокойные трактаты очень скоро будут забыты и никто не вспомнит о них». Так великий реформатор сбрасывает одним махом со счетов всех «сверхумников» своего времени с их осмот- рительной аргументацией и осторожными выводами. Как скажет в один прекрасный день Парацельс ⁶², живший в пе- риод таких представлений, тот, кто делает ставку на римс- кого папу, покоится в мягком бархатном кресле, а кто на Лютера — тот сидит на клокочущем вулкане. Тем самым гениально определена суть всякого радикала. Сам Пара- цельс однажды, по его словам, «бросил в огонь св. Иоанна все книги, и все несчастье ушло с дымом в воздух», и тем самым занял место среди поджигателей. Он признается, что его ненавидят «потому, что я, — пишет Парацельс, — вечно в странствиях, и не было дня, чтобы сидел на одном месте, сидел бы за печкой... странствовать по го- рам и долам не есть то же, что сидеть за печкой, а есть противоположное сему». Словом, все радикалы говорят на одном языке — будь то теологи или врачи.

Равным образом никогда не удавалось радикалам ре- шительно разгромить тех «тоже реформаторов», которых в любое время было великое множество. Ни Савонароле, ни Лютеру, ни Парацельсу, если ограничиться лишь этими именами, не удалось их переделать. В их кругах продол- жают писать «в скромном и деловитом тоне», как водится у «комильфо». И церковные проблемы, которые были и будут, решаются в отрыве от жизни, в кругу ученых и пос- вященных, а не на улицах, не в «странствиях по горам и долам». Подобным же образом относились Пьер д'Альи и Жан Жерсон к Яну Гусу, Каэтан и Эразм Роттердамский к Мартину Лютеру. Репутация этих людей, сидевших, выра- жаясь словами Парацельса, «за печкой», слава этих све- точей науки в немалой степени повлияли на позднейшее отношение к еретикам прошлого. Они — эти объективные ученые — непоколебимы в своей убежденности, что слож- ные, конфликтные и противоречивые вопросы должны решаться исключительно в кругу ученых и квалифициро-

ванных теологов, но ни в коем случае не «уличной толпой». Представители официальной церкви могли только приветствовать такую позицию профессоров и сторонников «минимальных реформ», постепенное и осторожное реформаторство, не нарушающее ничьих интересов и игнорирующее толпу, «неспециалистов». С этой стороны им и их представлениям о церкви ничто не угрожало. В данном случае в здании храма божьего ремонтируются в лучшем случае готические башенки, не больше. Напротив, придет время, когда из числа «реформаторов-минималистов» будут пополняться ряды высшей церковной иерархии. Тогда они успокоятся в своем «реформаторстве», ибо их личные амбиции будут удовлетворены. Не случайно Каэтан и д'Альи станут кардиналами, Эк и Жерсон будут осыпаны церковными почестями. И ярость просыпается в них тогда, когда кто-то посягает на их личный авторитет. Во всех остальных случаях они держат критику при себе. История церкви полна историек об этих реформистах, которые нередко крайне раскованно и цинично судили о вопросах веры, но на публике вели себя крайне сдержанно. И мало кто решался их упрекнуть в том, что они ведут себя как незрелые школяры, «несерьезно». Только радикалы вели атаку против альянса «мини-реформистов» с «церковным официозом», против циников и обманщиков народа. Опираясь на Евангелие, они поднимают бунт против официальной церкви и пап (будь то Александр VI или Лев X), поддерживавших тесный союз с «реформистами», которые довольствовались малым. Лютер постоянно выступает против этих самодовольных «юстициариев», всегда находящих себе оправдание перед богом. И он ожесточенно борется с самой церковью, которая мирится с наличием в своих рядах такого огромного количества «тоже реформистов». Савонарола жил таким же бескомпромиссным радикализмом и был несправедлив ко многим из своих противников, как, впрочем, и библейские пророки с их глобальными проклятиями.

Мы должны воздержаться от того, чтобы поставить всем этим людям диагноз «равнодушие». Надо признать, что у них — монахов или не посвященных в монашеский сан — были все основания иметь свое мнение, отличное от мнения фра Джироламо, — возможно, более скептическое, более реалистичное, а также и более человеческое. Здесь опять-таки проявлялся скептический настрой флорен-

тийцев, их понимание «disegno». Савонарола же, судя по всему, верил, что слово, если его несет настоящий проповедник, может изменить людей. При этом он недооценивал инерцию и скепсис своей паствы и опасно переоценивал тех, с кем имел дело, — в конце концов они же и предали его сожжению.

Воздействие, которое оказывало на него устное и письменное слово, было совсем иным у других людей. Они далеко не так страстно реагировали на чужую мысль и слово. И кто требует этого от людей, рано или поздно разочаровывается. Радикал познает ограниченность возможностей своего воздействия на других, что уже само по себе составляет часть благотворного трагизма, присущего его делу. Он осознает, правда слишком поздно (как это ни удивительно), что отнюдь не для всех стало очевидно, будто радикальная реформа по рецептам Савонаролы может сделать общество и церковь гуманней, чем реформа по более умеренным, «ретроградным» рецептам. К тому же все радикальные реформаторы на горьком опыте убеждаются, что во всяких больших общественных движениях и революционных преобразованиях происходят предательства и измены, что рано или поздно почти все отходят от прямолинейного пути, намеченного в самом начале пламенным реформатором, и в конце концов верх берут умеренные (если даже казалось, что с ними уже покончено, так как они поначалу, руководствуясь соображениями разума и безопасности, держались в тени). Джироламо Савонарола тоже не учел в своих расчетах изначальные инстинкты масс, осторожность, свойственную всем, кто просто хочет выжить. Это не в последнюю очередь способствовало гибели монаха. Но дело его не было предано забвению, так как спор о мере допустимого при проведении общественных и церковных реформ по-прежнему велся с не меньшей остротой. Основные группы «реформаторов», противостоящие друг другу, продолжали действовать.

По прошествии нескольких лет после казни Савонаролы действительно произошла Реформация. Но по сей день не прекращаются споры, и не только в ортодоксально-католических кругах, о поводах, правомерности и последствиях этого события, главный инициатор которого вовсе не желал, чтобы оно осуществилось настолько глубоко, как случилось впоследствии. И до сих пор дискутируется вопрос,

был или не был флорентийский монах предшественником знаменитого виттенбержца. Спор об этом, который часто ведется небрежно, я считаю не очень плодотворным. Ведь решение его слишком часто связывается со многими «если» и «но», с содержанием и ошибками последующих ответов. Следует учитывать и колебания политической обстановки, меняющей курс разных держав, благоприятный момент, выпавший одному и не выпавший другому. Исторические условия, или, как говорят теологи, «кайрос» — «благоприятный момент», созрели и благоприятствовали в полной мере для реформ только при Мартине Лютере. Но и к этому утверждению, выдвинутому Леопольдом фон Ранке, следует отнестись крайне осторожно, ибо, как отмечал Рихард Фриденталь, «у каждого времени свои достижения и свои заботы». Измерять время, в которое жили одни люди, мерками последующих эпох и даже своей собственной вряд ли правильно, это ведет к ошибочным выводам. «Характеристики времен» заранее несут в себе определенную двойственность. То же можно сказать о «переходных эпохах», ведь это название более или менее применимо ко всем периодам истории и позволяет произвольно устанавливать различия между ними. Освобождение от былых условностей и ограничений наряду с поисками рациональных новых решений характерны для каждого нового поколения. Меняются лишь уровень и интенсивность поисков. Но старое в основном остается неприкосновенным.

Другой исторический критерий, указывающий на «успешное» осуществление назревающих перемен, — появление человека, умеющего сформулировать долгожданные, ведущие к разрешению назревших проблем требования. Это должна быть личность достаточно сильная, чтобы сломить сопротивление глухих к голосу времени. Таким и был Джироламо Савонарола. Правда, ему всегда не хватало достойного противника для поединка, какими являлись кардинал д'Альи или Жан Жерсон для Гуса, а позднее доктор Экк⁶⁴ или кардинал Каэттан для Лютера; Александр VI, Борджа, для такой роли не подходил. И не собирались собор или рейхстаг, которые помогли бы итальянцу приобрести всемирное значение, как случилось с Уиклифом, Гусом или Лютером. Савонарола жил довольно одиноко и умер одиноким и непонятым. Даже революционного настроения, какое царило в немецких землях, где повсюду

звучал лютеровский лозунг: «со свежими силами вперед», — не было в савонароловской Флоренции; оно лишь только намечалось. Как бы то ни было, бесперспективное занятие — рассуждать о целях, намерениях и шансах на успех, обо всем, что в конечном итоге привело Савонаролу на виселицу. А ведь другие монахи, исповедовавшие аналогичные взгляды, избежали такой судьбы, хотя тоже имели все основания опасаться подобного исхода дела. Словом, результат ретроспективной оценки остается противоречивым, если даже многое, как мы видели, говорит о том, что Джироламо Савонарола в значительной мере проявил дар теологического и социального предвидения будущего.

Но вернемся во Флоренцию, где после смерти монаха не наступило долгожданного внутреннего и внешнего мира. В городе продолжают беспорядки. Папа, постоянно использовавший переговоры с Флоренцией против французов и тем самым против политики Савонаролы, вскоре первым протягивает Франции руку союзника. «Преследование же покойного» скорее усиливается, как считает, характеризуя последующий период, Йозеф Шнитцер. «*Compagnacci*» подвергают насмешкам и издеваются надо всем, что было дорого монаху и его сторонникам. Кажется, даже к тем, кто продолжал жить по строгим моральным принципам приора, стали относиться как к причудам «ничему не научившихся». Многие наперебой пытались отвести от себя «как гнусную клевету» подозрения, что они верили Савонароле и строили свою личную жизнь согласно его проповедям. Полное поражение радикального монаха в кругах его попутчиков становится все очевиднее. Совершенно ясно, что его представления о «реформе» не утвердили себя. Как будто маятник качнулся в противоположную сторону — действия, еще недавно считавшиеся греховными, снова входят в обычай. Все вокруг стремятся «наверстать упущенное» за то время, когда при жизни Савонаролы поощрялись воздержанность и самолишения. Сообщения хронистов об этом периоде разгульной реакции на аскетизм говорят сами за себя. Ведь даже клирики, по большей части полагавшие, что смерть конкурента из радикальной партии привела к решению духовных проблем и что теперь — «среди своих» — можно проводить реформу по своему вкусу, обнаружили свое бессилие: саркастическим песням о покойном, распеваемым на ули-

цах Флоренции, быстро дают иное толкование, в насмешку над самой церковью. И в этом отношении ничего не изменилось в определенной стабильности структур поведения. Флорентийские «плейбои», поддержавшие церковный официоз ради устранения опасного радикала, теперь не испытывают никакого желания помогать вчерашним попутчикам укрепить их власть. Поначалу вообще не удастся остановить такое развитие событий, как жалуются во всеуслышание монахи, принявшие обет покаяния. Все преграды сметены, все хорошо понимают, что нелегко будет возместить ущерб добрым нравам, нанесенный в недели, последовавшие за 23 мая 1498 г.

Окружающие между тем веселятся, не забывая о своем умении быть безжалостными. Начинается злобная охота на сторонников Савонаролы: многие из них становятся жертвами карающей толпы, другие бегут из обезумевшего города в надежде дождаться лучших времен. А шокированные клерикалы вновь пытаются держать свой божественный нос по ветру. Распускается слух, будто некоторые святые отцы еще в юбилейный для папы Александра VI, Борджа, год отказались дать отпущение грехов монахам — собратьям Савонаролы, так как те не обнаружили должного раскаяния в своих прегрешениях перед господом, что было невероятно по тогдашним представлениям, поскольку духовные успехи особенно сказывались на доходах папской казны. Обитель Сан-Марко принимает на себя главный удар мстительной ненависти, хотя де-юре монастырь примирился с римской церковью.

Ворота святой обители многие месяцы приходится держать на запоре, под охраной городских стражей порядка, чтобы удержать «сотрагнассі», давно хотевших сровнять монастырь с землей, от новых грабежей. В это время из монастыря изымается знаменитая библиотека Медичи, которую монахи берегли как зеницу ока. Обитель теряет многие ценные книги, и эта потеря невосполнима, если принять во внимание, что остальные библиотеки располагали примерно лишь одной пятой количества томов, находившихся в книгохранилище Сан-Марко. Так, в личных библиотеках Боккаччо и Петрарки было не более двухсот книг. В ту эпоху наблюдалось почти суеверное преклонение перед старыми манускриптами. Козимо Медичи, например, не жалел ни времени, ни денег, посылая своих закупщиков во все уголки Европы в поисках классических

произведений античных авторов для своей библиотеки. Часто приводят любопытный пример, характеризующий нравы того времени. Только благодаря готовности Козимо расстаться с одной из своих рукописных книг — драгоценным списком с рукописи Ливия — удалось урегулировать политические трудности и даже предотвратить возможную войну с Неаполем. Козимо, таким образом, пожертвовал книгой ради всеобщего блага и по-прежнему продолжал поиски книжных раритетов. Вскоре он обнаружил источник пополнения своей коллекции в родном городе. Основу библиотеки Сан-Марко составили книги из наследства некоего Никколо Никколи⁶⁵, купца и собирателя антикварных вещей. После смерти этого любителя древностей осталось не менее восьмисот рукописей и такое количество долгов, что богачу Козимо Медичи, привлечшему на службу в качестве библиотекаря Парентучелли, будущего папу Николая V, не составило труда в обмен на оплату этой задолженности приобрести книжные сокровища. Он передал их в свой «придворный» монастырь Сан-Марко «для общего пользования». После свержения приора эти книги в целях «дальнейшей популяризации» были изъяты, что нанесло монахам удар по самому большому месту.

Но это еще не все. По решению синьории монастырский колокол, знаменитая «пианьона», звавшая на бой в ночь после неудачного «испытания огнем», подвергся наказанию за такое «вольнодумство». Доминиканцев монастыря Сан-Марко ждало новое унижение: колокол передали их соперникам — францисканцам, более того: «пианьону» обвинили по всей форме в государственной измене и признали виновной. Приговор привели в исполнение под ликующие крики толпы горожан. Водруженного на телегу палача «виновника» провезли по улицам, подвергая бичеванию, и доставили в Сан-Миниато, где ему предстояло отбывать при въезде в город ссылку в течение пятидесяти лет. Монахи из обители Сан-Марко, многие из которых палец о палец не ударили для спасения Савонаролы от казни, теперь предприняли все возможное и дошли до самого папы, чтобы сохранить колокол, которому теперь предстояло звонить в честь их конкурентов. Но лишь в 1509 г. их просьба была удовлетворена.

Нечто подобное пришлось пережить самим флорентийцам, которые вскоре были вынуждены расстаться

с символом республиканских свобод «ваккой» — колоколом, висевшим на башне дворца Синьории. После кровопролитной гражданской войны Алессандро Медичи с помощью императора Карла V вернулся во Флоренцию на правах ее нового властелина. Он приказал снять колокол, чтобы продемонстрировать флорентийцам 30-х годов нового столетия, в чьих руках власть. Будущий «герцог» пошел еще дальше. По его распоряжению «вакку» переплавили и начеканили монет во славу герцогской фамилии и к унижению Флорентийской республики. Эта несправедливость никогда не была забыта и прощена.

В глазах доминиканцев монастыря Сан-Марко печальный эпизод с «пианьоной» был, скорее, внешним признаком нараставшего внутреннего отчуждения от собственной конгрегации. Генерал ордена Торриани распустил ее еще в день казни Савонаролы и окончательно подчинил гордый и независимый монастырь тосканской конгрегации. Но из такого вмешательства сверху ничего хорошего не вышло. Давняя вражда между «строгими» послушниками и умеренными не затихла окончательно. Все больше: и больше нарастало сопротивление монахов из лагеря Савонаролы против руководства ордена. Спустя годы после осуждения фра Джироламо у прокуратора ордена Франческо Мен, самого непримиримого среди многочисленных врагов Савонаролы, не убавилось хлопот по искоренению мелких очагов непослушания. Издавались все новые указы, стремившиеся искоренить даже само воспоминание о бывшем приоре, все строже становились наказания и все меньше удавалось руководству такими мерами добиться послушания.

Последователи Савонаролы ежегодно отмечают 23 мая как день его памяти, начинают ходить по рукам копии произведений монаха, обет молчания, наложенный Меи, не соблюдается. Нет сомнений, что дело фра Джироламо продолжает жить. Последующие меры сверху — смещение ряда руководителей ордена, назначение новых учителей для подготовки пополнения — оказываются малодейственными. Тайные голосования, предписанные монастырским уставом, вновь обнаруживают, что большинство монахов опять выступает за более строгое послушание в духе Савонаролы. Все указывает опять на крутой поворот в умах, видно, монахи тоже поняли, что «мини-реформаторы», как только они приходят к власти, не могут пред-

ложить ничего более существенного по сравнению с радикалами, скорее наоборот. Духовная скука распространяется все шире. Но сторонники Савонаролы претерпевают чувствительное поражение от представителей высшей власти: папа и капитул их собственного ордена буквально принуждают их, проповедующих нищенство, управлять солидной недвижимостью и увеличивать поступления от верующих, причем делать это с полной отдачей сил. Итак, былой идеал ордена навсегда перечеркнут, рухнул один из столпов, на которых Савонарола воздвигал свое учение об ордене. Старый «балласт» снова на своем месте.

И вновь оживает спор о характеристике фра Джироламо как прорицателя и радикального реформатора, только начатый, а вовсе не законченный в ходе жестоких допросов, проведенных в 1498 г. Сейчас, когда его последователям приходится бороться с «балластом» прошлого, у них есть все основания вспоминать бывшего приора. Банделли, преемник генерала ордена Торриани, незамедлительно и резко пытается пресечь все попытки своей конгрегации провозгласить монаха, казненного римской церковью, пророком и святым мучеником. Но ни ему, ни его наследникам полностью это не удастся. И в наши дни доминиканцев раздирает конфликт: одни видят в Савонароле гордость и славу ордена, требуют покончить с распрями и исправить юридическую ошибку, реабилитировав монаха и его дело; другие по-прежнему указывают на бунтарство Савонаролы, его пренебрежение к римскому престолу и раскольническую деятельность внутри собственной конгрегации. Поэтому не удивительно, что особенно в первые годы после казни фра Джироламо, когда раны обеих враждующих сторон еще были свежи, каждая из них старалась заручиться все новой поддержкой, и по возможности среди влиятельных деятелей церкви и государства.

Сторонники монаха возлагали большие надежды на нового папу Юлия II, который враждовал с Борджа, отправившим Савонаролу на казнь. Они ждали от Юлия изменения политики курии в отношении той части конгрегации, которая продолжала тайно исповедовать взгляды бывшего приора. Кроме того, Юлий считался человеком, поддерживавшим флорентийского монаха в борьбе против Александра VI. Так почему бы ему теперь не сказать веское слово, которое заставило бы замолчать противников Савонаролы внутри доминиканского ордена? И уже высказы-

ваются пожелания, что самым действенным решением папы было бы немедленное приобщение Савонаролы к сонму блаженных и святых. Так в то время думали многие. Шансы на скорое возвышение имени покойного приора еще более возросли, когда генерала ордена Банделли в 1506 г. сменил Клере, духовник французского короля Людовика XII.

Но вскоре эти надежды рухнули. Клере был отравлен, как утверждают, своими же собратьями-монахами. Его пост занял Томмазо де Вио, знаменитый Каэтан, который еще сыграет важную роль в деле Мартина Лютера. Новый магистр с самого начала склоняется к поддержке умеренных внутри ордена. Его, будущего кардинала и легата в Аугсбурге, с большой помпой встретили в 1518 г. в столице империи. У него имелось поручение папы Льва X поставить на место виттенбергского монаха, но Каэтан, считавшийся способным дипломатом, в глубине души был скорее кабинетным ученым, тем, кто «сидит за печкой». Рассказывают, что он все никак не мог привыкнуть к суровому северу, мерз и больше всего тосковал по солнцу своей родины, а о поручении относительно Лютера забыл, работая над комментарием к Фоме Аквинскому. Аналогичным образом он повел себя и в деле с Савонаролой. Постоянный раздор, к тому же в рядах собственного ордена, с самого начала раздражал его, тем более что монах — источник трений давно был казнен и проблема, таким образом, решена. Чего же еще хотят эти люди, необузданные и фанатичные, враги спокойных ученых занятий, защищающие своего идола?

Каэтан в качестве толкователя учения Фомы Аквинского обновил строго иерархическое направление в церковной жизни и сочинением «О власти папы» снискал себе как теолог лавры, а как церковник — кардинальскую митру. Таким образом, с этой стороны не приходилось ждать поддержки разоблаченного, сознавшего и осужденного противника папского престола. Кроме того, Фома Аквинский, идеал доминиканских школ, ввел понятие «разум» в теологическую дискуссию, и это было хорошо известно комментатору-томисту. Впредь все должно дышать духом умеренности и уравновешенности, разумнее не привносить ничего личного в схоластическую теологию. Сердце должно молчать там, где звучит голос разума. В науке не место эмоциям. Как раз в этом отношении томизм представляет

собой образец для подражания: современность он почти целиком игнорирует, шум боев между императором и папой, которые Фома должен был бы погасить, словно бы не проникает в кабинет ученого. Теология на службе политики для него немыслима, ибо это уже не настоящая теология. Гуманист Лоренцо Валла⁶⁶ указывает еще на одно упущение Фомы Аквинского: сей теолог не понял смысла радикальной новизны христианских ценностей, поэтому ныне, в век Ренессанса, необходимо, в противовес учению Фомы, вернуться к слову апостола Павла. «Варварство» схоластики привело все в состояние крайнего упадка — право, теологию, философию. Следует восстать против этой односторонности, добываясь торжества нового, радикально-полемического сознания.

Очевидно, что такая позиция, такой новаторский подход, подготовленный Савонаролой и развитый Лютером, не удовлетворяет комментатора Каэтана. Единственное, что он считает своим долгом предпринять в качестве магистра ордена, — это обратиться с призывом к своим подданным соблюдать строжайший нейтралитет в деле Савонаролы и избегать образования в ордене фракций. Типичная позиция ученого, который стремится оградить свой покой и отнюдь не склонен поддерживать ложный радикализм казненного собрата по ордену. Дело духовного переворота не может рассчитывать на профессоров, исключения вроде Гуса, Савонаролы, Лютера, Кальвина и доцента Уиклифа лишь подтверждают это правило. Папа в целом тоже не вмешивается больше в затянувшийся спор. Он лишь снова заявил о поддержке монахов из обители Сан-Марко в вечной дискуссии о принадлежности к ненавистой «умеренной» конгрегации, поскольку, к тому же, флорентийские братья не последовали за несколькими кардиналами-схизматиками, поднявшимися против Юлия II и вознамерившимися созвать Собор; монахи не поверили и обещаниям раскольников, что после свержения папы Савонарола будет причислен к лику святых. Большого, чем упомянутое заявление папы в поддержку монахов, оставшееся, кстати говоря, без последствий, нечего было и ждать от Юлия II, которому не раз пришлось выступать против Франции Людовика XII, политического союзника Савонаролы. Фра Джироламо снова остался между враждующими сторонами как яблоко раздора, к решению проблемы по-прежнему все подходило с «политических» позиций.

Наследник Юлия II папа Лев X, представитель рода Медичи и потому далекий от симпатии к Савонароле, также не форсирует события. К тому же на севере ему вскоре приходится столкнуться со значительно более сложной по своим последствиям задачей, заданной Мартином Лютером, В своей родной Флоренции, которую он посетил в начале 1516 г. после более чем двадцатилетнего отсутствия, папа предпринимает по делу Савонаролы лишь самое необходимое: он посещает в монастыре Сан-Марко бывшую келью приора и дает по этому поводу свое благословение и отпущение грехов. Но это первое за десять лет благословение яснее слов говорит об отношении папы к проблеме: лишь многократное отпущение грехов свидетельствовало бы о проявленном к ней интересе в тот период религиозной инфляции. Духовное подаяние римского владыки покойному монаху было слишком незначительным, чтобы его можно было принять всерьез.

Более серьезное внимание уделяет Медичи проповедникам, которые повсюду группами и в одиночку встают против римской церкви и ее представителей. Обращаться с проповедью к пастве — давняя традиция церкви, но в данном конкретном случае, после столь успешного, как казалось Риму, окончания дела Савонаролы, она кажется папе опаснее, чем когда-либо. С «пророками», пользующимися повсюду поддержкой, рано или поздно следует покончить, считает Медичи, апеллируя от всего сердца к властям всех времен. Лев X считает, что вынужден принять меры против «фантазеров», все громче болтающих об обновлении церкви. Последнее, что позволяет себе сделать папа в столь тревожной политической ситуации, — это возродить некоторые из старых лозунгов Савонаролы. Не должна повториться история с монахом, для которого реформа церкви лишь слегка маскировала призыв к политическому перевороту, а тирании Медичи противопоставляла идеи власти бога и господство народа. Постоянная опасность возникновения церковного или политического мятежа волновала папу, в целом отличавшегося терпимостью, тем более что он помнил «традиции» флорентийского переворота. Ведь сам Петрарка, ставший недостижимым символом эпохи, в свое время призывал, граждан к действию, чтобы освободить «бедную Италию» от варварства, а церкви, находящейся в ужасном плену, вернуть чистоту раннего христианства. Макиавелли, современник Медичи, тоже

подхватил призыв Петрарки. Радикализм продолжает оказывать воздействие на политику различных итальянских территорий, не исключая территорию церковного государства.

Но папа стремится хотя бы в рамках церкви ограничить деятельность проповедников «зла», опасных не только в теологическом отношении, но и политически и столь ненавидимых отцами итальянских городов-государств. Поэтому папа запрещает всем клирикам читать проповеди без разрешения соответствующих церковных властей. Страх перед Савонаролой, таким образом, продолжает сохраняться. Наверху испытывают немалую боязнь перед людьми, говорящими народу правду и пробуждающими в нем «революционные» мысли.

А чтобы впредь всякий знал, о чем идет речь, доводилось до сведения: заверенное церковными властями разрешение проповедовать дается только тому, кто по решению высшего духовенства представил достаточные гарантии, что будет хранить и оберегать установленные церковные порядки и выступать в духе испытанного учения римской церкви. Подобные мотивы официальных распоряжений хорошо известны и по опыту других мест и эпох. Известно также, что каждое правительство, церковное и светское, заинтересовано в формальном закреплении существующих порядков, ограничении возможной критики и скрупулезной охране своих прав. Папа Лев X своим распоряжением отнюдь не нарушил сложившийся порядок власть имущих, напротив, по возможности защитил его от тех, кто готов переступить границы дозволенного. На современном языке данную ситуацию можно было бы определить следующим образом: между государством и церковью сложились настолько тесные связи по охране своих привилегий, что они уже видят необходимость совместной защиты против общих врагов и радикалов. Вместе с тем недовольные все яснее осознают необходимость реформ и перестройки обоих инструментов насилия обеих систем — светской и церковной. Вполне естественно отсюда желание церкви самым тесным образом приспособиться к структурам соответствующего общественного и государственного устройства. А тем, кто уклоняется от установленных предписаний, грозят «запреты на профессию».

А ВОСПОМИНАНИЯ ЖИВУТ...

Многое может поблекнуть, а красочное видение радикалов кроваво-красных реформ никогда не меркло перед их мысленным взором. Всегда были и есть провидцы, мечтатели, не желающие мириться с окружающим и готовые ради своей мечты на «профессиональный риск». Размежевание продолжается: «старому», поддерживаемому консерваторами с помощью санкций, новаторы противопоставляют «античную» культуру, первоначальное, извечное. Великие деятели Возрождения делают первый шаг в этом направлении. Античные тексты извлекаются из монастырских темниц, труды бунтарей, антипапский трактат Марсилия Падуанского, «Defensor pacis», «Защитник мира»⁶⁷, переводится, например, на обиходный флорентийский язык. Прошлое возрождается к жизни, люди все больше осознают наступление новых времен, происходит воинственное пробуждение духа и разума.

Мятежная воля неодолима, целенаправленная программа отказа от старого, от «варварского» мира схолатов набирает новые силы. К этому следует добавить, что все решительно ориентируется на будущее, дискутируется главным образом не то, что было, а чему предстоит быть. Приверженцы старого, консерваторы, встречают перемены довольно беспомощно. Их средства — непригодны, огонь костров, на которых они сжигают людей, уже не горит так, как им хотелось, уходит в пепел, а сожженные продолжают жить.

Бунтари чутко улавливают все это. Как раз в это время они получают новое мощное оружие, самое действенное из всех: казалось бы, давно забытое, выхолощенное бесплодными комментариями Священное писание, которое теперь решаются заново интерпретировать, переводить и печатать. Эта «новая книга», которая всегда была под рукой, смогла, как оказалось, давать ответы на актуальнейшие вопросы эпохи, направлять процессы общественного развития. Савонарола хорошо понимал это. Его проповеди были полны новыми идеями, направленными против консервативного Рима. Лютер вскоре вступил на тот же путь. Но «консерваторам» требуется больше времени, чтобы переориентироваться и собраться с силами, тем более жестокой становится их месть новаторам.

Им, консерваторам, еще повезло. Спокон веку церковные и светские властители находят верных клеветников среди своей паствы и подданных. Ищейки инквизиции все время начеку. У них обостренный нюх на ересь, как у свиней на желуди, под ортодоксальной поверхностью они во что бы то ни стало чуют и находят опасные цитаты. От людей, которые осмеливаются мыслить самостоятельно, всегда несет «духом ереси». Впрочем, это весьма распространенное определение и очень последовательное: оно всегда позволяло учуять ересь и ее проявления в любых видах. И никого не должно удивлять, что инквизиторы всех времен обладали чрезвычайно тонким чутьем на уклоняющихся от догмы, поскольку были специально натасканы на поиски таковых. Достаточно им было бегло проглядеть трактат, чтобы наверняка обнаружить неприемлемые или двусмысленные места, ибо в демагогии они большие мастера, как и в мародерстве. Слух у этих людей тоже развит отменно, и малейший намек на возможность доноса заставляет их вздрагивать от бдительного усердия и запускать в ход свою тайную машину.

Мы уже знаем, в какой степени бывшие конкуренты из других монашеских орденов помешали Савонароле в осуществлении его намерений. После гибели фра Джироламо отношения между орденами не изменились. Позже один из Медичи даже подарил монастырь Сан-Марко августинцам, которые, правда, всего лишь несколько месяцев пользовались подарком, полученным за выступления против «лживых» пророчеств Савонаролы и его сподвижников. Более длительное время, чем это довольно недавневидное церковно-политическое мероприятие, шли споры о духовном наследии казненного: они продолжались несколько десятилетий, не без учета взаимосвязей с делом Мартина Лютера. Деятельность инквизиции тем временем достигла своего расцвета, превратившись в одно из важнейших орудий осуществления консервативной церковной доктрины с ее представлениями о «ереси». Папы того времени, проявлявшие свой «ожесточенный» гуманизм в преследовании радикальных еретиков, не могли, естественно, обойти вниманием Савонаролу с его последователями. Штурмовые отряды папской власти, прежде всего иезуиты, верно несли свою службу.

Начинается новая «охота на ведьм». Гнев на инакомыслящих, а инакомыслие — смертный грех в глазах рев-

нителей правоверной римской церкви, вершит свое победное шествие. Во имя чистоты веры гибнут тысячи людей. И кто-то смеет полагать, что флорентийскому монаху, высказывавшему при жизни столь пренебрежительное отношение к римскому папе, теперь удастся посмертно «выйти сухим из воды» и даже приобщиться к святыням алтаря? Нет и еще раз нет. Выдрессированные марионетки не могут допустить этого. Влиятельное орденское духовенство, августинцы и иезуиты, принимаются рыться в рукописях покойного, фальсифицировать и сочинять компрометирующие «отрывки» из произведений доминиканца. Эти мастера доноса зачитывают свои творения перед папой. Павел IV, Карафа, усердный служитель «доброму делу господню» и один из слепых проводников идеалов абсолютной папской власти, воскликнул, как утверждают, после окончания читки: «Да это второй Лютер, его учение несет смерть!» Тем самым окончательный приговор снова подтвержден. Все попутчики этого папы на пути в царство непогрешимого вероучения, не исключая доминиканцев, отныне начинают из кожи вон лезть, изучая рукописи Савонаролы, чтобы обнаружить и удалить из них «крамолу».

А таких крамольных мест и правда предостаточно, несмотря на то, что публикации речей монаха несколько «приглажены» по сравнению с текстами его проповедей, что новоявленные «исследователи», конечно, отметили. Римскую церковь того времени вполне можно окрестить блудницей. Разве она, как уличная девка, не предлагала свои услуги каждому, кто мог и хотел заплатить, не исключая будущих пап?

Кстати, лексикон того времени был таков, что люди не очень стеснялись в выражениях. В конце концов все на свете относительно, и «грубиянами» считались не только Лютер или Савонарола. Приведем два случая, которые произошли за несколько десятилетий до описываемых нами событий. Жившие тогда Биргитта Шведская и Катерина Бенинкаса из Сиены, причисленные позднее к лику святых, в своей критике церкви и пап позволяли себе выражения куда более сильные, чем проклятые церковью еретики. Сикст IV, папа — «покровитель диспутов», услышал, к примеру, от синода тосканских епископов, то есть из «освященных уст», в ответ на свои действия против Флоренции такую тираду по собственному адресу: «Мать твою в бога и

в душу, сатанинский поп». Словом, ругань была делом обычным, и Савонарола вовсе не нарушал границ дозволенной критики, не попираал истину и заповедь любви к ближнему, как это впоследствии инкриминировали ему пристрастные противники из числа тех, кто «сидел за печкой». Надо сказать, что в этом отношении Александр VI был терпимее многих.

Официальной цензуры при нем не существовало. Напротив, он высказывался против нее и заявил еще в феврале 1502 г. посланцу Феррары: «Рим свободный город, где каждый может думать и писать, как ему нравится. Обо мне говорят много плохого, но меня это нисколько не беспокоит». А несколько десятилетий спустя римские владыки рассуждают уже иначе, напуганные неспособностью сохранить чистоту веры и ставшие пленниками собственной «контрреформации». В те мрачные дни обеспокоенности кризисом веры в Риме и официально развертываемой погони за еретиками на долю Савонаролы выпадает «высокая честь»: несколько его давних работ включаются в список запрещенных книг — пресловутый «Индекс». В этом деле теперь тоже царит порядок, и маловеры не угрожают больше никому. Новаторы с их страстной пропагандой античной культуры снова загнаны в угол во имя торжества консервативного «старого». Все это монах перенес стойко, его приверженцы тоже не бездействовали.

По свидетельству очевидцев, во время казни Савонаролы благородные дамы, переодетые служанками, подбегали к костру, чтобы взять горстку пепла сожженных. Помощники палача отгоняли их, но несколькими, говорят, удалось выхватить из огня некоторые реликвии — кость руки и остатки черепа. Сейчас о них ничего не известно, но вот уже несколько столетий Савонарола почитаем, многие считают его великим и даже святым флорентийцем. Место казни на площади Синьории на протяжении столетий в годовщину смерти украшают цветами, и сегодня еще оно отмечено кругом, выдолбленным в брусчатке мостовой. Авторы различных произведений высоко чтят память Савонаролы. Многие флорентийские писатели обращались в своем творчестве к образу и проповедям монаха, и немалое количество этих книг стало жертвами «Индекса», потому что Рим по-прежнему не был заинтересован в том, чтобы поддерживать культ Савонаролы. Но все больше пробивали дорогу признаки поклонения, которого в лоне

церкви удостаиваются лишь святые. Так же обстояло дело и с Яном Гусом в Богемии.

Учение обоих не оказало в этом решающего влияния. Гус лишь отчасти систематизировал свое, Савонарола вообще его не оставил. Но поведение монаха, пример его жизни и смерти оказали большое влияние на людей. Насилие над монахом и влияние его мученической смерти нельзя недооценивать; в данном случае тезисы и программные пункты имели второстепенное значение. Его смерть вошла в историю как основа нового движения, возникла легенда — верный признак культа вокруг кончины мученика. Рассказывают о чудодейственных реликвиях Савонаролы, об исцелении страждущих, даже о том, что на теле его самых ярых противников — как в истории с Лактанцием⁶⁸ — образовались язвы. Некоторые рассказчики идут еще дальше, повествуя о чудесах, которые еще при жизни якобы творил приор монастыря Сан-Марко. Распространяются слухи о запоздалом раскаянии папы Александра VI в том, что Борджа хотел канонизировать монаха, чтобы польстить городу: предположение, явно не внушающее доверия, если вспомнить своеобразный характер этого папы и отсутствие у флорентийцев склонности к тому, чтобы иметь, как другие, нескольких «своих», городских святых.

Хотя Савонарола и не был канонизирован в соответствии с традиционной процедурой, сохранившейся до наших дней, все равно нельзя отрицать, что память о нем никогда не угасала в истории. Фра Джироламо принадлежит к тем историческим личностям, судьба которых волнует людей во все времена. В воспоминаниях и рассказах о покойном отразилась типичная страсть людей Ренессанса к славе и бессмертию человеческой личности: Савонароле не пришлось испытать их при жизни, после его смерти этот долг выполнили другие.

Разные художники и поэты посвятили ему свои произведения, о нем писали диссертации, его значение понимали великие мужи церкви, как, например, канонизированный впоследствии Филиппо Нери. Мартин Лютер даже назвал флорентийца святым человеком, взявшим на себя бремя тяжелой борьбы с «тлетворным престолом» Рима. После рейхстага в Вормсе и вынужденного переезда Лютера в Вартбург многие ожидали худшего. И не удивительно, что в 1521 г. в Виттенберге была опубликована биография Савонаролы, в которой ясно говорилось о его

невиновности и несправедливом отлучении от церкви. Лютер поддержал эту оценку, что послужило поводом для возвеличения Савонаролы писателями-протестантами, а католикам дало основание предавать его анафеме как бунтовщика.

Личность фра Джироламо, неотделимая от дела его жизни, вновь оказалась в результате этого «между двух огней». В таких обстоятельствах нечего было и думать о реабилитации монаха его единоверцами. Напротив, Савонарола все больше становился знаменем борьбы противников папы за справедливое дело. В XIX в. не увенчались успехом усилия превратить Савонаролу в национального героя и придать его борьбе против Рима общенациональную окраску в интересах объединения страны; папа же, озабоченный сохранением своих владений, вновь счел необходимым по этой причине дистанцироваться от монаха.

В наше время тоже не многое изменилось. 25 мая 1952 г. флорентийский мэр Джузеппе де ла Пира на публичной церемонии у места казни Савонаролы просил у покойного монаха-доминиканца прощения за несправедливый приговор, вынесенный ему. В 1955 г. Пира обратился к ордену доминиканцев с просьбой энергичнее добиваться причисления Савонаролы к лику святых. Но и сегодняшняя церковь не желает терпеть радикализма, расходящегося с официозом, и «антицерковной» строптивости. Следовательно, и в будущем у приора монастыря Сан-Марко не многое изменится в посмертной судьбе: его беззаветная преданность правде у церкви по-прежнему не найдет отклика.

Савонаролу и его приверженцев не только уничтожили физически — была очернена память о нем, покрыто грязью его доброе имя. Возникла целая литература, преуменьшающая и искажающая борьбу фра Джироламо и ведомых им масс, чтобы стереть воспоминания о нем.

Загадка, заданная 23 мая 1498 г. во Флоренции, по-прежнему ждет решения и по-разному толкуется. А Джироламо Савонароле, как и раньше, удается ускользнуть от ответов на поставленные о нем вопросы. Как говорит не без основания Гельмут Гольвицер, таково свойство незаурядных людей — оставаться загадкой своего «времени, которое само ищет в них свое воплощение, а они ему целиком никогда не принадлежат». Савонарола — один из них: он воплощение эпохи средневековья — и в то

же время более современен, чем многие из живших с ним.

Он повсюду видел демонов и исходил из теологической реальности зла, многим — как, например, и Лютер, — он казался одним из тех, кто всего сильнее тормозит ход всемирной истории. И в то же время Савонарола в высшей степени свободный человек. Он свободен от уз, связавших его век с институтами папского Рима, и свободно готов пойти на возникновение новых уз — с реформированной церковью. Его представления о мирском и церковном могут показаться слишком «средневековыми», и все же он рассматривает окружающую реальность в соответствии с категориями необходимости и свободы. Дух вечного протеста делает Савонаролу одним из великих глашатаев свободы, радикальным противником всего, что ее сковывает, человеком, осознающим торжество неизбежного. В этом осознании он тоже свободен, он отверг конкретную церковь своего времени ради ее будущего.

Эти выводы не преследуют цель восхваление личности. Напротив, Савонарола — лишь выдающаяся сила в общем потоке событий, которые сформировали его полемический дух и вынесли на поверхность. Он вышел из народа, впитал в себя его духовные силы, и народ сделал его своим трибуном. Но это происходило в такое время, которое характеризовалось раздвоенностью и стремлением к реформаторству, носившим почти трагический характер. И это дает нам возможность показать на конкретном примере Джироламо Савонаролы человеческую личность, полную тайн, которые не могут быть раскрыты однозначно и уж подавно с помощью привычных исторических клише. Мятежник во имя бога и народа всегда неудобен для окружающих. Но именно так формирует он свой собственный мир и мир людей, в котором мы живем. Не каждый склоняет голову перед обществом, диктующим свои правила. Савонарола ждет, когда склонят голову перед его правотой, в том числе и те, кто являются наследниками Родриго Борджа.

ХРОНОЛОГИЯ

1378	Восстание чомпи во Флоренции. Микеле ди Ландо — гонфалоньер справедливости.	1479	Возвращение Савонаролы в Феррару.
1389—
1464	Козимо Медичи, Отец отечества.	1482	Савонарола прибывает во Флоренцию.
1414—	Собор в Констанце.	1483	10 ноября родился Мартин Лютер.
1417	Сожжение еретика Яна Гуса, осуждение ереси Джона Уиклифа.	1487	Савонарола покидает Флоренцию. Начало странствий.
1430	1 января родился Родриго Борджа.	1490	Возвращение Савонаролы во Флоренцию.
1431	30 мая в Руане сожжена Жанна д'Арк.	1491	Первые проповеди Савонаролы в соборе Санта Мария дель Фьоре. Июль. Избрание Савонаролы приором монастыря Сан-Марко.
1433	Изгнание Козимо Медичи из Флоренции.	1492	8 апреля умер Лоренцо Великолепный. 11 августа провозглашен папой Александр VI, Борджа.
1449—
1492	Лоренцо Медичи, сын Солнца.	1494	Поход французского короля Карла VIII в Италию, свержение Медичи во Флоренции, духовная синьория Савонаролы.
1452	21 сентября родился Джироламо Савонарола.	1495	15 августа опубликован «Краткий свод откровений».
1453	Падение Константинополя.	1497	13 мая лишение Савонаролы сана, отлучение.
1455	8 апреля провозглашен папой Каликст III, Борджа.	1498	7 апреля испытание огнем во Флоренции. 23 мая казнь Савонаролы и его сподвижников.
1458	19 августа провозглашен папой Пий II, Пикколомини.	1503	18 августа умер папа Александр VI, Борджа 31 октября провозглашен папой Юлий II, делла Ровере.
1459	Основание Платоновской академии во Флоренции.	1513	11 марта провозглашен папой Лев X, Медичи.
1471	9 сентября провозглашен папой Сикст IV, делла Ровере.		
1472	Поэма Джироламо Савонаролы «Гибель мира».		
1474	Марсилио Фичино издает «Платоновское богословие».		
1475	Поэма Савонаролы «Гибель церкви».		
1478	27 апреля вступление в монастырь в Болонье. 26 апреля убийство Джулиано Медичи.		

- 1517 31 октября Мартин Лютер обнародует свои тезисы.
- 1525 Начало Крестьянской войны в Германии.
- 1531 5 июля Алессандро Медичи провозглашен герцогом Флорентийским.

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ *Макс Хоркхаймер* (1895—1980) — современный немецкий философ, один из создателей социальной философии Франкфуртской школы («критической теории» общества). Анализ концепций Франкфуртской школы см. в кн.: «Современная буржуазная философия». М., 1978, с. 519—539.

² *Томас Мюнцер* (ок. 1490—1525) — крупнейший представитель народной Реформации в Германии, выступивший с программой революционных преобразований на началах утопического коммунизма, предводитель восстания в Тюрингии во время Крестьянской войны 1525 г.

³ *Энеа-Сильвио Пикколомини* (1405—1464) — итальянский гуманист, ставший в 1458 г. папой под именем Пия II, оставил, помимо иных сочинений, «Записки о своей жизни», которые начал писать после избрания папой и довел до 1463 г. «Записки» содержат множество важных подробностей жизни папства и Италии второй половины XV в.

⁴ Симония — коррупция, продажность церкви и церковных должностей, подмена духовного служения погоней за материальными благами, «обмирщение» церкви (от имени Симона Волхва, который, согласно рассказу в «Деяниях апостолов», предлагал апостолам деньги за надельные его чудотворным даром («Деяния», 8, 9—24). Симония служила постоянной причиной резкой критики католической церкви со стороны оппозиционных еретических движений.

⁵ *Никколо Макиавелли* (1469—1527) — величайший политический мыслитель Итальянского Возрождения. В своих произведениях высоко оценивал Цезаря Борджа как политического деятеля, любой ценой добивающегося успеха (см.: *Н. Макиавелли*. Соч., т. I. М.—Л., 1934, с. 145—153, 200—201, 237—245); при этом он «не идеализировал Цезаря Борджа, а изучал способы его действий при попытке подчинить и объединить целые области Италии»; он искал в нем «черты государственного деятеля, достойные послужить материалом для теоретических обобщений» (*В. И. Рутенбург*. Жизнь и творчество Никколо Макиавелли. — В кн.: *Н. Макиавелли*. История Флоренции. М., 1973, с. 356).

⁶ *Франческо Гвиччардини* (1483—1540) — итальянский политический мыслитель и историк, автор «Истории Флоренции» и «Истории Италии» (см.: *О. Л. Вайнштейн*. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 286—293).

⁷ «Раскол Запада» — имеется в виду раскол католической Европы в XVI в. на враждебные вероисповедания в результате Реформации.

⁸ *Джироламо Фракасторо* (1478—1553) — итальянский натурфилософ, врач и астроном, создатель учения о контагии как причине распространения эпидемических заболеваний. Его поэма «Сифилис» не только дала название распространившейся в это время болезни, но и содержала научное описание заболевания и врачебные рекомендации по борьбе с ним.

* Примечания титульного редактора.

⁹ *Готфрид Бульонский* (1060—1110) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей I Крестового похода, первый государь основанного крестоносцами на Ближнем Востоке Иерусалимского королевства. *Фердинанд Арагонский* (1423—1494) — король Неаполитанского королевства с 1458 г.

¹⁰ Индульгенции — папское отпущение грехов, основанное на католическом учении о накопленной церковью благодати в силу заслуг Христа и святых; существовали таксы апостольской канцелярии, указывавшие суммы, подлежащие выплате за отпущение различных преступлений. Продажа индульгенций (практиковавшаяся папством с XII в.) послужила объектом резкой критики со стороны еретических движений и явилась одним из поводов к протесту против злоупотреблений римской церкви к началу Реформации.

¹¹ «Святые», или «юбилейные», годы впервые введены папой Бонифацием VIII в 1300 г., паломники, посещавшие Рим в «юбилейном году», получали отпущение грехов. В дальнейшем «юбилейные годы» объявлялись каждые 50 лет (с 1350 г.), каждые 33 года (с 1390 г.) и каждые 25 лет (с 1475 г.). Последний «юбилейный год» отмечался в Риме в 1975 г.

¹² *Якоб Буркхардт* (1818—1897) — швейцарский историк, автор классического труда «Культура Италии в эпоху Возрождения», 1860 г., (русский перевод в 2-х томах: СПб., 1905—1906).

¹³ *Лоренцо Валла* (1407—1457) — гуманист, в 1440 г. выступил с трактатом «Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина» (русский перевод см. в кн.: «Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии». Сост. М. А. Гукковский. М., 1963, с. 139—216), в котором, применяя разработанные гуманистами методы филологической и исторической критики источников, разоблачил средневековую фальшивку, служившую юридическим обоснованием притязаний папства на светскую власть.

¹⁴ *Джованни Виллани* (ум. 1348) — итальянский хронист XIV в., автор «Флорентийских историй, или Всемирной хроники», продолженной его братом Маттео и племянником Филиппо Виллани до 1364 г.

¹⁵ Гуманистическая критика духовенства, и особенно монашества, нашла выражение как в новеллистике XIV—XVI вв., так и в специально посвященных обличению нравов монахов и осуждению самого монашеского обета сочинениях: в инвективе *Леонардо Бруни* (1374—1444) «Против лицемеров» (1417), в диалогах *Поджо Браччолини* (1380—1459) «Против лицемеров» (1449) и *Лоренцо Валлы* «О монашеском обете» (ок. 1441). Русский перевод всех трех произведений см. в кн.: «Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии». М., 1963, с. 45—92, 100—138.

¹⁶ Цикл фресок в Испанской капелле, принадлежавшей доминиканскому ордену флорентийской церкви Санта Мария Новелла, создан в 1365—1367 гг. Андреа да Фиренце. Тема росписей — прославление заслуг доминиканцев в качестве богословов, проповедников и инквизиторов. Фреска «Путь истины» представляет апофеоз воинствующей церкви и воспроизводит, по словам Дж. Вазари, «устав и деятельность» доми-

никанского ордена «в борьбе с еретиками, изображенными волками, нападающими на овец, которых защищают многочисленные псы, отгоняющие и убивающие волков» (*Дж. Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. I. М., 1956, с. 340—341*).

¹⁷ *Анджело Полициано (1454—1494)* — ученый гуманист и выдающийся итальянский поэт медичейской Флоренции; его незаконченная поэма «Турнир» написана в честь брата Лоренцо Медичи Джулиано, павшего жертвой антимедичейского заговора Пацци в 1478 г.

¹⁸ *Жизнеописание Фра Анжелико (Джованни да Фьезоле)* см.: *Дж. Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. II. М., 1963, с. 259—284*.

¹⁹ Я. Буркхардт писал о ренессансной Флоренции: «Политическое самосознание и развитие всех форм общественной жизни нигде на находятся в такой тесной связи и не достигают такой высокой степени совершенства, как во Флоренции... Изумительный флорентийский гений, в одно и то же время и строго мыслящий и высоко творческий, беспрестанно влияет на преобразования в политическом и социальном строе и в то же время беспрестанно обо всем судит и все описывает» (*Я. Буркхардт. Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. I. спб., 1905, с. 86—87*).

²⁰ В предисловии к «Истории Флоренции» Н. Макиавелли писал: «...во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилями и пополанами и. наконец, между пополанами и плебсом ... На мой взгляд, ничто так не свидетельствует о величии нашего города так явно, как раздиравшие его страсти» (*Н. Макиавелли. История Флоренции. М., 1973, с. 10*).

²¹ *Леонардо Бруни* — выдающийся итальянский гуманист, с 1427 г. государственный секретарь (канцлер) Флорентийской республики, историк, оставил «Двенадцать книг Флорентийских историй» и «Комментарий о событиях своего времени», посвященный событиям с 1378 по 1440 г. (см.: *О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 257—260*).

²² *Роберт Давидсон (1853—1937)* — выдающийся немецкий историк-медиевист, автор монументальной, основанной на тщательном исследовании источников «Истории Флоренции» в 4-х томах (Берлин, 1896—1917), доведенной до 30-х гг. XIV в.

²³ Монастырь Сан-Марко в начале XV в. принадлежал монахам конгрегации силвестринцев (основана в 1231 г. Сильвестро Джуццолини как конгрегация бенедиктинского ордена, утверждена на Лионском соборе в 1247 г.), которые привели его в запустение и вызвали своим поведением жалобы и нарекания флорентийцев; в правление Козимо Медичи они были переселены в другое место, а монастырь Сан-Марко был передан доминиканцам.

²⁴ И. Макиавелли в «Рассуждениях по поводу первой декады Тита Ливия», осуждая многие деяния Юлия Цезаря, ссылается на похвалы, расточаемые историками его противнику Бруту. В традиции флорентийского республиканского «гражданского гуманизма» имя Брута стало символом свободолюбия и гражданской доблести.

²⁵ *Жан Жерсон (Иоанн Герсон в латинской транскрипции, 1363—1429)* — крупнейший французский богослов и проповедник, канцлер Парижского университета, принимал деятельное участие в Констанцском соборе, осудившем Яна Гуса.

²⁶ *Мэтр Пети — Жан Пети (Иоанн Парвус, 1360—1411)* — французский богослов и религиозный поэт; противник Бургундского герцога, выдвигавший идеи тираноубийства; осуждения его взглядов активно добивался Жан Жерсон.

²⁷ В возникновении флорентийской Платоновской академии сыграло известную роль появление во Флоренции греков — участников Флорентийского собора, в особенности выдающегося византийского философа — неоплатоника Георгия Гемиста Плифона (1360—1452). Однако было бы неточным говорить, что она была «основана» Козимо Медичи на церковном соборе; основателем ее был Марсилио Фичино (1433—1499), пользовавшийся покровительством некоронованного правителя Флоренции Козимо. По существу, академия была ученым кружком друзей, объединенных общими литературно-художественными и философско-богословскими интересами. Она оказала весьма существенное воздействие на итальянскую культуру кватроченто и Высокого Возрождения.

²⁸ Легенды о св. Франциске Ассизском собраны в составленных его учениками житиях и в сборнике «Цветочки св. Франциска» (см. русский перевод: «Книга о святом Франциске». СПб., 1912).

²⁹ «Двенадцать статей» — программа требований восставших швабских крестьян во время Крестьянской войны в Германии. Составлена в марте 1525 г., содержала умеренные антифеодальные и антицерковные требования, в том числе — отмены крепостного состояния и свободы пользования общинными угодьями.

³⁰ Политическое учение крупнейшего средневекового богослова монаха доминиканского ордена Фомы Аквинского (1225—1273), изложенное в его трактате «О правлении государей», допускает выступление против тирана, правящего вопреки законам, установленным богом, церковным заповедям и моральным нормам. Учение Фомы оказало несомненное воздействие на политические взгляды Савонаролы, истолковавшего его в значительно более радикальном духе как оправдание неповиновения тирану и восстания против него, а также и против несправедливых действий римской курии.

³¹ *Жан Кальвин (1509—1564)* — крупный деятель Реформации, создатель кальвинизма, реформационного учения, получившего широкое распространение в Западной и Центральной Европе. Основы кальвинистского вероисповедания содержатся в его «Наставлении к христианской вере» (1-е изд. 1656 г.). Учение Кальвина об абсолютном предопределении, согласно которому всякий человек изначально предопределен богом к гибели или к спасению; требовало от человека активной деятельности, в которой он должен был показать, что предопределен к спасению. Учение Кальвина составило религиозно-этическую доктрину буржуазии эпохи первоначального накопления и первых буржуазных революций.

³² *Игнатий Лойола* (1491—1556) — основатель ордена иезуитов (1534), с 1541 г. — генерал ордена, крупный деятель контрреформации и католической реакции. Организационные, моральные и педагогические принципы ордена нашли выражение в «Духовных упражнениях» Лойолы (1548). Принцип абсолютного и нерассуждающего повиновения как главной добродетели члена «Общества Иисуса» (в том числе и в вопросах веры и соблюдения заповедей) превращал его в безусловного исполнителя воли церковной иерархии.

³³ «Тогда Крестьянская война, это наиболее радикальное событие немецкой истории, разбилась о теологию». — *К. Маркс*. К критике гегелевской философии права. Введение. См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. I, с. 423.

³⁴ *Леопольд фон Ранке* (1795—1886) — немецкий историк, создатель и глава исторической школы, выработавший методы научного исследования, основанные на критике текстов и преимущественном обращении к документальным источникам. Автор «Истории Германии в эпоху Реформации», «Истории германских и романских народов с 1494 до 1535 г.», исследования по истории папства «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях» (русский перевод в 2-х томах, СПб., 1869).

³⁵ *Карлштадт (Андреас Боденштейн)* (1480—1541) — деятель немецкой Реформации, выступивший не только против католицизма с его культом святых (иконоборчество), но и против ограниченности Лютера, выдвинув требования умеренных социальных реформ; однако не примкнул к народной Реформации Томаса Мюнцера.

³⁶ *Ф. Энгельс* в своей работе «Крестьянская война в Германии» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 343—437) противопоставил бюргерской оппозиции феодализму, возглавляемой Лютером, плебейскую оппозицию, выражавшую интересы крестьян и городских низов, во главе с Томасом Мюнцером (см. там же, с. 353—356).

³⁷ *Ульрих фон Гуттен* (1488—1523) — немецкий гуманист, выступивший с резкой критикой католицизма в защиту Германии от ограбления ее римской курией; участник рыцарского восстания против Трирского архиепископа. См.: *Ульрих фон Гуттен*. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959.

³⁸ Жан Кальвин, став в 1541 г. фактически во главе управления Женевой, превратил ее в столицу кальвинизма. Под его влиянием женеvский магистрат принял новую церковную организацию, упразднил католический культ, ввел мелочный и придирчивый контроль над повседневной жизнью граждан; были запрещены развлечения, игры, строго контролировалось соблюдение нравственных предписаний, посещение проповедей. Кальвинистская Женева скоро приобрела репутацию ханжеского и сурового города, а сам Кальвин заслужил прозвание «женевского папы», так как нетерпимость к инакомыслящим, доходившая до жестоких преследований и казней (сожжение Мигеля Сервета в 1553 г.), ничем не отличалась от аналогичной деятельности контрреформационной католической церкви и римской инквизиции.

³⁹ Генрих Гейне говорит об антитеологическом смысле творчества художников Итальянского Возрождения в произведении «Романтическая

школа» (см: *Г. Гейне*. Полн. собр. соч. в 12-ти томах, т. I. М.—Л., 1936, с. 161.).

⁴⁰ *Паскуале Виллари* (1827—1917) — итальянский историк, автор классической монографии «Джироламо Савонарола и его время» (русский перевод в 2-х томах, СПб., 1913).

⁴¹ *Людвиг фон Пастор* (1854—1928) — австрийский католический историк, автор основательно документированной «Истории папства с конца средневековья» в 16-ти томах (1886—1932).

⁴² *Ян Гус* (1371—1415) — идеолог чешской Реформации, возглавивший национально-освободительное движение против католической церкви и немецкого засилья, богослов, переводчик Библии на чешский язык; подверг критике доктрину и обрядовость средневекового католицизма, выступил против церковных имуществ, продажи индульгенций. Осужден и казнен на Констанцском соборе.

⁴³ *Джон Уиклиф* (*Виклиф*, ок. 1320/30—1384) — английский реформатор, идеолог бюргерской ереси, автор богословских трактатов, переводчик Библии на английский язык; отвергал культ святых, торговлю индульгенциями, догмат о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христову, выступал против папской теократии и церковной собственности за укрепление светской власти (монархии). Был посмертно осужден Констанцским собором, прах его был извлечен из земли и сожжен в 1428 г.

⁴⁴ *Петр Вальд* (XII в.) — лионский купец, основатель антикатолической еретической секты, учение которой было осуждено папой Иннокентием III. Несмотря на преследования, секта последователей Вальдеса продолжала существовать на протяжении столетий, сближаясь с учением гуситов, а с XVI в. — с реформационным движением.

⁴⁵ Констанцкий собор (1414—1418) созван папой Иоанном XXIII (Балдассаро Косса, впоследствии объявлен «антипапой» и исключен из списка римских первосвященников) для борьбы с гуситской ересью, реформы церкви и ликвидации церковного раскола («великой схизмы» католической церкви). Осудил учения Гуса и Уиклифа, вынес смертные приговоры Яну Гусу и его последователю Иерониму Пражскому; устранил трех соперничавших пап и избрал папу Мартина V.

⁴⁶ *Аврелий Августин* (354—430) — крупнейший христианский богослов, один из отцов церкви, главнейший теологический авторитет католицизма, создатель системы, легшей в основу западного средневекового богословия. См.: *Г. Г. Майоров*. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979.

⁴⁷ *Пьер д'Айли* (1350—1420/25?) — французский богослов, прозванный за борьбу с ересями «Молот еретиков», кардинал, папский легат в Германии, деятельный участник Констанцского собора, один из главных обвинителей Яна Гуса, сыгравший решающую роль в вынесении ему смертного приговора.

⁴⁸ «Свята» лига» — военно-политический союз Венеции, папы, Милана, императора и Испании, направленный против Франции и имевший

целью изгнание французов из Италии. После сражения при Форново 5 июля 1495 г. французские войска вынуждены были покинуть Апеннинский полуостров. Усиление лиги способствовало укреплению позиций папства в конфликте с Флоренцией, традиционной союзницей Франции.

⁴⁹ Выступление Марсилио Фичино с памфлетом против Савонаролы свидетельствовало о разочаровании умеренных гуманистических кругов Флоренции, первоначально с восторгом встретивших «проповедь покаяния», в результатах его правления и о страхе перед обострением конфликта с папством.

⁵⁰ В советской научной литературе критическая оценка ренессансного индивидуализма и «оборотной стороны титанизма» как определяющих черт культуры Возрождения дана в монографии *А. Ф. Лосева* «Эстетика Возрождения». М., 1978.

⁵¹ *Эудженио Гарин* (род. 1909) — крупнейший современный итальянский исследователь культуры Возрождения, называет Савонаролу, наряду с Макиавелли, Леонардо да Винчи и Микеланджело, в ряду трагических фигур эпохи. См.: *Garin E. Ritratti di umanisti. Firenze, 1967, p. 187.*

⁵² «Булла о ведьмах» — знаменитая булла папы Иннокентия VIII «С величайшим рвением», изданная 5 декабря 1484 г., благословившая и санкционирующая охоту за ведьмами в Европе конца XV — начала XVII в. Булла подтверждала действительный (а не вымышленный) характер «ведовских» деяний, реальность союза «ведьм» с дьяволом, еретический характер ведовства и предписывала жесточайшую расправу над всеми заподозренными и обвиненными в ведовстве. Булла послужила юридическим и теологическим основанием кровавых массовых преследований, проводившихся инквизицией в нарушение обычных процессуальных норм тогдашнего уголовного права (для инквизиционной практики характерна тайна процесса, сокрытие имен доносчиков, признание под пыткой как главное доказательство вины). Поводом к изданию буллы были жалобы двух немецких инквизиторов-доминиканцев Инститориса и Шпренгера на противодействие, встречаемое ими со стороны церковных и светских властей.

⁵³ «Пророк с Патмоса» — *Иоанн*, именем которого надписано «Откровение св. Иоанна Богослова» («Апокалипсис») — последняя книга Нового завета.

⁵⁴ Хилиасты — последователи учения о наступлении тысячелетнего царства божия на земле, предшествующего концу света и Страшному суду. Хилиастические настроения были распространены в раннехристианских общинах, но с IV в. осуждены церковью как ересь. В средние века хилиастические идеи ожидания тысячелетнего царства божия на земле приобретают характер социального протеста и получают распространение в ряде радикальных еретических движений — у иоахимитов, апостольских братьев, таборитов, в XVI в. — среди анабаптистов.

⁵⁵ «Брат Мартин» — Мартин Лютер (1483—1546), монах ордена августинцев — инициатор и глава Реформации в Германии.

⁵⁶ «Deus ex machina» — неожиданное появление божества на подмостках античного театра, облегчающее развязку трагедии — автор уподобляет обнаружению божественной воли через «божий суд» — испытание огнем.

⁵⁷ «Молот ведьм» — теологическо-юридический трактат инквизиторов Генриха Инститориса (1432—1505) и Якоба Шпренгера (1436—1495), впервые изданный в 1487 г. (с конца XV до начала XVII в. вышло в свет 29 изданий) — главное теологическое и процессуальное руководство для преследования обвинявшихся в ведовстве. Русский перевод: М., 1930.

⁵⁸ Различие в поведении на процессе Яна Гуса и Савонаролы — мужественная твердость одного и признания, вырванные под пыткой у другого, — следует, видимо, объяснять не только недостатком личного мужества у Савонаролы, но и особенностями социально-политической ситуации. В то время как Гус ощущал за собой мощную поддержку и сочувствие широких масс Чехии, Савонарола после провала его попыток реформ оказался в одиночестве: движение за церковную реформу в Италии ни во времена Савонаролы, ни позднее не имело широкой социальной базы.

⁵⁹ Толкование на псалом 50 («Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей») принадлежит к числу последних произведений Савонаролы, написанных им в тюрьме незадолго до казни.

⁶⁰ «Диспут», или «Спор о таинстве пресуществления», или «Спор о причастии» — условные названия одной из фресок Рафаэля в Палате подписей Ватиканского дворца, исполненных в 1508—1511 гг. по заказу папы Юлия II. Рядом с другими, представляющими поэзию («Парнас»), юриспруденцию (изображение папы и императора, дарующих своды канонического и гражданского права) и философию («Афинская школа»), эта фреска представляет теологию в духе идей гармонии и «всеобщего согласия» флорентийского неоплатонизма. отождествление одной из фигур «Диспута», справа от изображений папы Сикста IV и Данте, с Джироламо Савонаролой принято большинством исследователей творчества Рафаэля. Появление Савонаролы среди главнейших богословов и иерархов католической церкви может быть объяснено не только враждебным отношением папы Юлия II к своему предшественнику Александру VI, Борджа (ему приписывали даже одобрительный отзыв о казненных во Флоренции доминиканцах), но также и тем, что предположительно автором программы фресок был Эджидио да Витербо, последователь флорентийских неоплатоников и в частности почитателя Савонаролы, Джованни Пико делла Мирандолы.

⁶¹ Письмо Поджо Браччолини к Леонардо Бруни от 30 мая 1416 г., содержащее описание героического поведения на Констанцском соборе сподвижника Яна Гуса Иеронима Пражского и его мужественной смерти, опубликовано в русском переводе в кн.: «Итальянские гуманисты XV в, о церкви и религии». М., 1963, с. 93—99.

⁶² *Теофраст Бомбаст Парацельс* (1493/94—1541) — великий немецкий натурфилософ и врач. В день св. Иоанна 24 июня 1527 г. публично бросил в огонь книги Галена в Базеле, продемонстрировав тем самым отказ от книжной традиции и необходимость следовать опыту.

⁶³ Прагматическая санкция издана французским королем Карлом VII 7 июля 1438 г. в г. Бурже. Провозглашала верховенство соборов над папой, выборность епископов и аббатов капитулами, отменяла раздачу папами церковных бенефициев, запрещала апелляцию к папе до решения дела во французских судах и тем самым оформила независимость галликанской (французской) церкви от папы и подчинение ее королевской власти. Сохраняла силу до Болонского конкордата 1516 г.

⁶⁴ *Иоганн Майр Экк* (1486—1543) — немецкий богослов, один из главных оппонентов и обличителей М. Лютера. В 1520 г. привез в Германию папскую буллу об отлучении Лютера от церкви.

⁶⁵ *Никколо Никколи* (ок. 1365—1437) — гуманист, один из зачинателей гуманистического движения во Флоренции, создавший культ античного литературного и художественного наследия. Пользовался огромным авторитетом среди современников, выведен в качестве одного из собеседников в ряде гуманистических философских диалогов XV столетия. Собрал великолепную библиотеку — около 800 рукописей произведений античных авторов. Приобретенная впоследствии семьей Медичи, она составила основу знаменитой Лауренцианы, одного из ценнейших книжных собраний XV в.

⁶⁶ В «Похвальном слове Фоме Аквинскому», произнесенном в присутствии прелатов католической церкви и членов капитула доминиканского ордена в церкви Санга Мария sopra Минерва в Риме 7 марта 1457 г., Лоренцо Валла противопоставил Фоме и всему средневековому схоластическому богословию наследие греческой и латинской патристики, чем вызвал гнев ревнителей средневековой теологической традиции.

⁶⁷ Трактат *Марсилия Падуанского* (1275/80—1342) «Защитник мира» был направлен против светской власти папства и содержал обоснование светского происхождения и назначения государства. Переведен на итальянский язык в 1363 г., впервые напечатан в 1527 г. Был занесен в папский Индекс запрещенных книг.

⁶⁸ *Луций Целий Фирмиан Лактанций* (ок. 250 — ок. 325) — один из отцов церкви, автор теологических сочинений «Божественные установления» и «О гневе божием». В книге «О смерти гонителей» приводит многочисленные свидетельства возмездия, постигшего императоров — гонителей христиан.

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящая книга представляет собой эссе о личности и деятельности Джироламо Савонаролы, поэтому в отличие от монографий она не содержит ссылки на источники. Ниже приводятся работы, трактующие биографию Савонаролы, которыми автор пользовался при написании этой книги и которые могут быть доступны широкому кругу заинтересованных читателей. За помощь в составлении библиографического списка приношу благодарность моему ассистенту Андреасу Габриельсу.

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

1. Труды

В настоящее время издается полное собрание трудов Савонаролы примерно в 20-ти томах: Edizione nazionale delle opere di Girolamo Savonarola (Roma 1955 ff.). Изданы следующие работы: *Compendium revelationum* (Hrsg. A. de Rians, Firenze 1845); *Semplicità della vita cristiana* (Hrsg. R. L. Ferretti, Firenze 1925); *Il Trionfo della Croce* (Hrsg. P. L. Ferretti, Siena 1889); *Lettere* (Hrsg. R. Ridolfi, Firenze 1933); *Prediche* (Hrsg. G. Baccini, Firenze 1889); *Prediche italiane ai Fiorentini* (Hrsg. F. Cognasco, Perugia—Venezia 1930/1935); *Scritti* (Hrsg. V. Piccoli, Milano 1921); *Trattato circa il regimento e governo della città di Firenze* (Firenze 1947); *Prolegomini, Prediche sopra Ezechiele I* (Hrsg. R. Ridolfi, Firenze 1955); *Prediche sopra l'Esodo* (Hrsg. P. G. Ricci, Firenze 1955); *Prediche sopra Ezechiele II* (Hrsg. R. Ridolfi, Firenze 1955); *die Prolegomini, Prediche sopra Ezechiele I und sopra l'Esodo stellen Band I der Edizione nazionale, die Prediche sopra Ezechiele II Band II der Ed. Naz. dar*); *Poesie* (Hrsg. M. Martelli, Roma 1968, Ausgabe der Ed. naz.); см. также: *J. Schnitzer*, Savonarola, Bd. II (München 1924), S. 993. К библиографии о Савонароле см.: *R. Ridolfi*, Cronologia e bibliografia delle prediche con contributi storici e filologici (Firenze 1939); *M. Ferrara*, Bibliografia Savonaroliana. Bibliografia ragionata degli scritti ed. dal principio del secolo 19 ad oggi (Firenze 1958); *J. Schnitzer*, Hieronymus Savonarola. Auswahl aus seinen Predigten und Schriften (Jena 1928); *M. Ferrara*, Predigten und Schriften (Salzburg 1957); *Hieronymus Savonarola. Miserere. Fra Girolamos letzte Betrachtungen, niedergeschrieben vor seiner Hinrichtung im Kerker am 23. Mai 1498* (Hrsg. J. Schwarzenbach, Zürich—Paderborn—Wien 1958); *Hieronymus Savonarola. Letzte Meditationen über die Psalmen 50 und 30. Mit einer Einführung von O. Karrer. Aus dem Lateinischen übertragen von H. M. Reinhard* (Düsseldorf 1956).

Монографии

J. Schnitzer, Savonarola. Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance (2Bde., München 1924); *P. Villari*, La storia di Girolamo Savonarola e de'suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti (2 Bde., Firenze 1926, 4. Aufl.); deutsche Übersetzung von M. Berduscek, Geschichte Girolamo Savonarolas und seiner Zeit nach neuen Quellen dargestellt (2 Bde., Leipzig 1868); *N. Sementovsky-Kurilo*, Savonarola, Ketzler, Revolutionär oder Prophet? (Olten 1950); *Le procès de Savonarole* (Hrsg. R. Klein, Paris 1957); *A. Teichmann*, Savonarola in der deutschen Dichtung (Berlin 1937); *G. Gieraths*, Savonarola, Ketzler

oder Heiliger? (Freiburg—Basel—Wien 1961); *M. Brie*. Savonarola in der deutschen Literatur (Breslau 1903); *C. Calogero*. Gli avversari religiosi di Savonarola (Firenze 1937); *L. v. Ranke*, Savonarola und die florentinische Republik gegen Ende des fünfzehnten Jahrhunderts (Wien—Hamburg—Zürich 1931); *K. von Hase*. Neue Propheten. Junfrau von Orléans, Savonarola, Das Reich der Wiedertäufer. Historischpolitische Kirchenbilder (Leipzig 1893, 3. Aufl.); *J. Schnitzer*. Savonarola nach den Aufzeichnungen des Florentiners Piero Parenti (Leipzig 1910); *ders.*, Savonarola und die Feuerprobe (München 1904); *ders.*, Savonarola im Streite mit seinem Orden und seinem Kloster (München 1914); *ders.*, Savonarolas Erzieher und Savonarola als Erzieher (Berlin 1913); *R. Ridolfi*. Studi savonaroliani (2 Bde., Firenze 1935); *ders.*, Vita di Girolamo Savonarola (2 Bde., Roma 1952); *D. Weinstein*. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance (Princeton 1970); *A. Gostlob*. Hieronymus Savonarola (Breslau 1929); *F. T. Perrens*. Hieronymus Savonarola. Nach Originalkunden und größtenteils ungedruckten Schriften. Nach der 2. Auflage des französischen Originals übersetzt von J. F. Schröder (Braunschweig 1858); *R. Roeder*. Savonarola. Eine Untersuchung über das Gewissen (Wien 1936).

ЭПОХА И ЕЕ ИСТОРИЯ

1. Общие работы

J. Burckhardt. Die Kultur der Renaissance in Italien (Stuttgart 1922, 13. Auflage, durchges. von W. Goetz); Propyläen Weltgeschichte (Hrsg. G. Mann und A. Nitschke), Bd. 6 Welkulturen. Renaissance in Europa (Berlin—Frankfurt—Wien 1964); *W. Rüdiger*. Die Welt der Renaissance (München 1970); Die Renaissance (Hrsg. D. Hay, Dt. Buch-Gemeinschaft, Berlin—Darmstadt—Wien 1968); *E. Friedell*. Kulturgeschichte der Neuzeit, Bd. I Renaissance und Reformation (München 1954, 32. Aufl.); *V. Rossi*. Il Quattrocento (Milano 1938); *G. Toffanin*. Il Cinquecento (Milano 1960, 6. Aufl.).

2. История папства

I. v. Pastor. Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance von der Wahl Innozerz' VIII. bis zum Tode Julius' II. 1484—1513, Erste Abteilung, Innozenz VIII. und Alexander VI. (Freiburg i. B. 1924, 5—7. Aufl.); *H. Kühner*. Neues Papstlexikon. Von Petrus bis Paul VI. (Fischerbücherei Frankfurt a. M.—Hamburg 1965).

3. История еретичества

W. Nigg. Das Buch der Kerzer (Zürich 1949); *G. Leff*. Heresy in the Later Middle Ages (1250—1450) (2 Bde., Manchester 1967); *H. Grundmann*. Religiöse Bewegungen im Mittelalter (Darmstadt 1961, 2. Aufl.); *M. Erbstößer* / *E. Werner*. Ideologische Probleme des mittelalterlichen Plebejertums (Berlin 1960); *B. Töpfer*. Das kommende Reich des Friedens (Berlin 1964); *K. Czok*. Städtische Volksbewegungen im deutschen Spätmittelalter (Phil. Hab.—Schrift, Leipzig 1963); *S. Hoyer*. Häresien zwischen Hus und Luther. Ein Beitrag zur ideologischen Vorbereitung der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland (Phkl. Hab.—Schrift, Leipzig 1966); *D. Cantimori*. Eretici italiani del Cinquecento (Firenze 1939, dt. Basel 1949); *R. Friedenthal*. Luther. Sein Leben und seine Zeit (München 1967); *ders.*, Ketzler und Rebell. Jan Hus

und das Jahrhundert der Revolutionskriege (München 1972); *W. Eiliger*. Thomas Müntzer. Leben und Werk (Göttingen 1975).

4. Социальная и экономическая история

W. Andreas. Deutschland vor der Reformation. Eine Zeitenwende (Berlin 1972, 7. Aufl.); *G. Franz*. Der deutsche Bauernkrieg (Darmstadt 1975, 10. Aufl.); *H. Kamnitzer*. Zur Vorgeschichte des deutschen Bauernkrieges (Berlin 1953); Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution (Autorenkollektiv, Berlin 1974); *Der arm Man 1525*. Volkskundliche Studien (Hrsg. H. Strobach, Berlin 1957); *A. Waas*. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit 1300—1525 (München 1964); *W. Zimmermann*. Allgemeine Geschichte des großen Bauernkrieges, 3 Teile (Stuttgart 1841—1843); *G. Luzzatto*. Storia economica d'Italia. II Medioevo (Firenze 1970, 2. Aufl.); *D. Waley*. Die italienischen Stadtstaaten (München 1969); *P. Brezzi*. I comuni medioevali nella storia d'Italia (Torino 1959); *E. Jordan*. L'Allemagne et l'Italie aux XIIe et XIIIe siècles (Paris 1939); *G. Volpe*. Medio Evo Italiano (Firenze 1929); *G. Fasoli*. Dalla „civitas" al comune (Bologna 1961); *V. Franchini*. Saggio di Ricerche su l'Istituto del Podestà nei Comuni Medievali (Bologna 1912); *I. Mieck*. Europäische Geschichte der frühen Neuzeit. Eine Einführung (Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz 1970).

5. История культуры

P. und *L. Murray*. The Art of the Renaissance (London 1963); *W. Paatz*. Die Kunst der Renaissance in Italien (Stuttgart 1953); *E. Cassirer*. Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance (Leipzig—Berlin 1927); *F. Landsberger*. Die künstlerischen Probleme der Renaissance (Halle a. d. S. 1922); *H. Bauer*. Kunst und Utopie. Studien über das Kunst- und Staatsdenken in der Renaissance (Berlin 1965); *J. G. Boeckh*, *G. Albrecht* u. a. Geschichte der deutschen Literatur von 1480 bis 1600 (Berlin 1960); Zur Friedensidee in der Reformationsszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck (Hrsg. S. Wollgast, Berlin 1968); *M. Pianzola*. Bauern und Künstler. Die Künstler der Renaissance und der Bauernkrieg von 1525 (Berlin 1961); *J. H. Parry*. The Age of Renaissance (London 1963).

ФЛОРЕНЦИЯ

I. Общие работы

K. Brandi. Die Renaissance in Florenz und Rom (Leipzig 1927, 7. Aufl.); *G. A. Bruckner*. Florentine Politics and Society, 1342—1378 (Princeton 1962); *L. Martines*. The Social World of the Florentine Humanists 1390—1460 (Princeton und London 1963); *M. Wackernagel*. Der Lebensraum des Künstlers in der florentinischen Renaissance (Leipzig 1938); *R. Davidsohn*. Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz (4 Bde., Berlin 1896—1908); *B. Barbadori*. Le finanze della Repubblica Fiorentina (Firenze 1929); *E. F. Jacob* (Hrsg.), Italian Renaissance Studies (London 1960).

2. Медичи

M. Brion. Die Medici. Eine Florentiner Familie (München 1975); *N. Rubinstein*. The Government of Florence under the Medici 1434

to 1494 (Oxford 1966); *C. M. Ady*. Lorenzo de' Medici and Renaissance Italy (London 1955); *C. S. Gutkind*. Cosimo de' Medici, Pater Patriae, 1389—1464 (Oxford 1938); *E. Allodoli*. I Medici (Firenze 1929); *F. Berence*. Laurent le Magnifique ou la quête de la perfection (Paris 1949); *L. Ugolini*. Lorenzo il Magnifico (Torino 1959); *M. Heilmann*. Florenz und die Medici. Ein Begleiter durch das Florenz der Renaissance (Köln 1968).

3. Искусство

A. Grote. Florenz. Gestalt und Geschichte eines Gemeinwesens (München 1972, 3. Aufl.); *H. Keller*. Die Kunstlandschaften Italiens (München 1965, 2. Aufl.); *R. Wittkower*. Architectural Principles in the Age of Humanism (London 1952); *G. Vasari*. Le Vite de' più eccellenti pittori, scultori et architettori (1. Ausgabe Firenze 1550, 2. Ausgabe Firenze 1568); *W. und E. Paatz*. Die Kirchen von Florenz. Ein kunstgeschichtliches Handbuch (6 Bde., Frankfurt a. M. 1952—1955).

Издательство «Прогресс» считает полезным дополнить составленную автором библиографию важнейшими работами и публикациями источником на русском языке. *

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма

1. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 20.
2. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 7.
3. *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 21.

2. Общие работы по истории Италии эпохи Возрождения

4. *Виллари П.* Никколо Макиавелли и его время. Т. I. СПб., 1914.
5. *Гвиччардини Ф.* Сочинения. М.—Л. 1934.
6. *Гуковский М. А.* Заметки и материалы по истории рода Медичи.— «Ученые записки Ленинградского университета», вып. 4 (№ 39), вып. 12 (№ 86). Л., 1939—1941.
7. *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Т. I—II. Л., 1947—1961.
8. «История Италии». т. I. М., 1970.
9. *Луццато Дж.* Экономическая история Италии. (Античность и средние века.) М., 1954.
10. *Макиавелли Н.* Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия. Государь. СПб., 1869.
11. *Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973.
12. *Макиавелли Н.* Сочинения, т. I. М., 1934.
13. «Очерки истории Италии». М., 1959.
14. *Ролова А. Д.* Экономический строй Флоренции во второй половине XV—XVI вв.— «Средние века», вып. VIII. М., 1956.

* Библиография составлена титульным редактором

15. *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне Нового времени. Л., 1974.
16. *Рутенбург В. И.* Народные движения в городах Италии. XIV — начало XV в. М.—Л., 1958.
17. *Рутенбург В. И.* Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Л., 1951.

3. История папства и инквизиции

18. *Григулевич И. Р.* История инквизиции XIII—XX вв. М., 1970.
19. *Инфессура С., Бурхардт И.* Дневники. Документы по истории папства XV—XVI вв. М., 1939.
20. *Ли Ч.* История инквизиции в средние века. Т. I—II. СПб., 1911—1912.
21. *Лозинский С. Г.* История папства. М., 1961.
22. *Сперанский Н.* Ведьмы и ведовство. М., 1906.
23. *Шпренгер Я. Институтис Г.* Молот ведьм. М., 1932.

4. Савонарола

24. *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. Т. I—II. СПб., 1913.
25. *Иванов А. И.* Максим Грек и Савонарола. — «Труды отдела древнерусской литературы», Т. 23. Л., 1968.
26. *Осокин Н.* Савонарола и Флоренция. Казань, 1865.

5. История культуры

27. *Абрамсон М. Л.* От Данте до Альберти. М., 1979.
28. *Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.
29. *Баткин Л. М.* О социальных предпосылках Итальянского Возрождения. — «Проблемы итальянской истории». М., 1975.
30. *Баткин Л. М.* Тип культуры как историческая целостность. Методологические заметки в связи с Итальянским Возрождением. — «Вопросы философии», 1969, № 9.
31. *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков. М., 1977.
32. *Бурхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. I—II. СПб., 1904—1906.
33. *Горфункель А. Х.* Гуманизм и натурфилософия Итальянского Возрождения. М., 1977.
34. *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
35. *Зайчик Р.* Люди и искусство Итальянского Возрождения. СПб., 1906.
36. «Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии». Сост., ред. и пред. М. А. Гуковского. М., 1963.
37. *Корелин М. С.* Очерки Итальянского Возрождения. М., 1896.
38. *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I—IV. СПб., 1914.
39. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978.
40. *Монье Ф.* Опыт литературной истории Италии XV века. Кватроченто. СПб., 1904.
41. «Проблемы культуры Итальянского Возрождения». Л., 1979.
42. *Пузино И. В.* Религиозные искания в эпоху Возрождения. Вып. I. Берлин, 1923.

43. *Ревякина Н. В.* Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV века — первой половины XV века. Новосибирск, 1975.
44. *Ревякина Н. В.* Проблема человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977.
45. *Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. Л., 1976.
46. *Соколов В. В.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962.
47. «Типология и периодизация культуры Возрождения». М., 1978.
48. *Хоментовская А. И.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.—Л., 1964.
49. *Черняк И. Х.* Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV в.— «Актуальные проблемы изучения истории религии». Л., 1976.
50. *Черняк И. Х.* Философия религии Марсилио Фичино. — «Атеизм, религия, современность» вып. 2. Л., 1976.
51. «Эстетика Ренессанса. Т. 1—2. Сост. В. П. Шестаков. М., 1981.

6. Искусство

52. *Алпатов М. В.* Художественные проблемы Итальянского Возрождения. М., 1976.
53. *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. I—V. М., 1956—1971.
54. *Vinper Б. Р.* Итальянский Ренессанс XIII—XVI вв. Т. 1—2. М., 1977.
55. *Гуковский М. А.* Леонардо да Винчи. Творческая биография. Л.—М. 1958., 1967.
56. *Дунаев Г. С.* Сандро Боттичелли. М., 1977.
57. *Лазарев В. Н.* Происхождение Итальянского Возрождения. Т. I—3. М., 1956—1959.
58. *Леон Баттиста Альберти.* Сборник статей. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Савонарола и кризис Итальянского Возрождения	5
--	---

I

Легко воспламеняющийся материал

Двое из Рима	18
Александр VI, Борджа, он же отец семейства	23
Богатые монахи, бедная церковь	43
Флорентийская поляризация	50
В сфере влияния Медичи	74

II

Игра с огнем

Сожжение суеты	88
Начало новой эпохи	101
Церковь и мир в качестве товара	108
Владычество бога и народа — эксперимент	113
Средства высшей власти	125
Пророческий Ренессанс	137
О бессилии человека	153
Против еретического неповиновения	165
Охота началась	174

III

Жар под золой

Между раем и адом	186
Огненное знамение	194
Теперь ты у нас в руках	210
Еще кое-какие незначительные процессуальные формальности	218
Таинственное признание	226
Милости со всех сторон	236
Приговор приведен в исполнение	245
Но те, кто стояли вокруг	252
Позиции определяются	256
А воспоминания живут	272
Хронология	279
Примечания	281
Библиография	290